

В. Н. АВСЕЕНКО

**ИСТОРИЯ
ГОРОДА
С.- ПЕТЕРБУРГА
В
ЛИЦАХ И
КАРТИНКАХ
1703-1903**

*ИСТОРИЧЕСКИЙ
ОЧЕРК*

Содержание

Град святого Петра и его небесные покровители.	5
--	---

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Век Петра Великого

ГЛАВА I. Великая Северная война. — Искание моря. — Русские на Неве. — Взятие Нотебурга и Ниеншанца. — Закладка Петербурга	13
ГЛАВА II. Оборона Петербурга. — Приход первого купеческого корабля. — Приезд царской семьи	21
ГЛАВА III. Последние попытки шведов оттеснить русских от Невы. — Празднества в царской семье. — Петербург в первые десять лет своего существования	29
ГЛАВА IV. Заселение и застройка Петербурга. — Переход городского центра на левый берег Невы. — План архитектора Леблона	34
ГЛАВА V. Торжества в Петербурге по случаю заключения Ништадтского мира. — Невский монастырь, школа и типография при нем. — Перенесение святых мощей Александра Невского.	41
ГЛАВА VI. День Петра I. — Его двор. — Судьба князя Меншикова. — Рос кошь вельмож. — Общественные развлечения: ассамблеи, празд ники в Летнем саду, катания по Неве. — Царская резиденция в Петергофе	45
ГЛАВА VII. Болезнь и кончина Петра I. — Погребение его. — Воцарение императрицы Екатерины Алексеевны. — Сохранившиеся двор цы Петра I	56

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

От Петра Великого до XIX века

ГЛАВА I. Жители покидают Петербург. — Бракосочетание царевны Анны Петровны. — Учреждение Академии наук. — Кончина императ рицы Екатерины I. — Император Петр II Алексеевич	61
ГЛАВА II. Вступление на престол императрицы Анны Иоанновны. — Уп равление Миниха. — Въезд императрицы Анны в Петербург	66

ГЛАВА III. Первый Кадетский корпус. — Распространение Петербурга. — Осушение болот. — Городское благоустройство. — Наводнения и пожары	71
ГЛАВА IV. Двор Анны Иоанновны. — Придворные праздники. — Театральные зрелища. — Бракосочетание Анны Леопольдовны. — Празднование мира с Турцией. — Ледяной дом. — Летние развлечения государыни.	74
ГЛАВА V. Кончина императрицы Анны Иоанновны. — Россия в годы ее царствования. — Провозглашение императора Иоанна Антоновича. — Воцарение государыни Елизаветы Петровны. — Печальная судьба "Брауншвейгской фамилии".	80
ГЛАВА VI. Новый век петербургской архитектуры. — Постройки Бартоломео Растрелли. — Деревянный Зимний дворец. — Большой Зимний дворец. — Аничковский дворец. — Смольный монастырь. — Улицы. — Благоустройство резиденции в Петергофе	85
ГЛАВА VII. Петербургские события в царствование Елизаветы. — Придворная жизнь. — Праздники у барона Строганова и графов Шуваловых	92
ГЛАВА VIII. Первый русский театр в Петербурге. — Волков. — Сумароков. — Ломоносов. — Кончина Елизаветы Петровны. — Характер императора Петра III Штеодоровича. — Воцарение на престоле императрицы Екатерины II Алексеевны.	100
ГЛАВА IX. Век Екатерины Великой. — Стремление придать Петербургу вид европейской столицы. — Требование каменных построек. — Устройство гранитных набережных	109
ГЛАВА X. Внутренняя отделка Зимнего дворца. — Постройка Эрмитажа. — Собственные комнаты Екатерины II. — Меры против роскоши	115
ГЛАВА XI. Замечательные постройки екатерининского времени. — Исаакиевский собор. — Мраморный дворец. — Таврический дворец. — Памятник Петру Великому. — Резиденция в Царском Селе. — Ее заложение и благоустройство при Петре I и Елизавете Петровне. — Екатерина Великая в Царском Селе. — Заботы государыни о воспитании цесаревича Александра Павловича.	119
ГЛАВА XII. Городское управление Петербурга в предшествующее время. — Учреждение С.-Петербургской губернии. — Жалованная грамота городам Екатерины II. — Открытие С.-Петербургской Думы.	130
ГЛАВА XIII. Заботы Екатерины II о городском благоустройстве. — Богдельный и больницы. — Народные школы. — Освещение улиц. — Полиция. — Пожары. — Наводнение 1777 года	134
ГЛАВА XIV. Державин и Фонвизин. — Торжества по случаю побед. — Механик-самоучка Кулибин. — Общественные развлечения и театры.	138
ГЛАВА XV. Император Павел I. — Постройка Михайловского замка. — Памятник Петру I. — Упразднение Городской Думы и учреждение Ратгауза. — Характер государя. — Его любимые резиденции: Гатчина и Павловск. — Заговор и цареубийство 11 марта 1801 года	143

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Петербург в XIX веке

ГЛАВА I. Развитие Петербурга в XIX столетии. — Сооружения времени Александра I. — Казанский собор. — Публичная библиотека. — Городское население и бюджет.	153
ГЛАВА II. Первое столетие Петербурга в 1803 году. — Наводнение 7 ноября 1824 года. — Влияние Отечественной войны на русское общество. — Заговор и бунт 14 декабря 1825 года. — Воцарение императора Николая I.	160
ГЛАВА III. Печальное состояние петербургской Городской думы в первой половине XIX века. — Городовое положение 1846 г.	170
ГЛАВА IV. Сооружения времени Николая I. — Исаакиевский собор. — Пожар и восстановление Зимнего дворца. — Александровская колонна. — Конные группы на Аничковом мосту. — Николаевский мост.	174
ГЛАВА V. Николай I — державный хозяин Петербурга. — Черты из его жизни. — Холера 1831 г. — Общественная жизнь в Петербурге. — Театры. — Жуковский, Крылов, Пушкин.	183
ГЛАВА VI. Восхождение на престол императора Александра II и его преобразования. — Оживление в деятельности С.-Петербургской думы. — Городовое положение 1870 г. — Успехи начального образования.	189
ГЛАВА VII. Важнейшие сооружения времен Александра II. — Памятники Крылову, Николаю I, Екатерине II. — Литература и искусство	194
ГЛАВА VIII. Петербургские события царствования Александра II. — Сан-Стефанский мир и его влияние на настроения в обществе. — Злодеяние 1 марта 1801 года. — Сооружение Воскресенского собора на Екатерининском канале.	199
ГЛАВА IX. Воцарение императора Александра III. — Успехи благоустройства города в его царствование. — Городовое положение 1892 г.	205
ГЛАВА X. Сооружения последних лет. — Народный дом Императора Николая II. — Читальный зал Императорской Публичной библиотеки. — Троицкий мост. — Празднование 200-летнего юбилея города. — Заключение.	210
Эпилог (От редакции).	224
Зодчие и строители Санкт-Петербурга	226
Указатель новых названий.	232

Автор В.Г. Авсеенко
Составитель А.В. Вознесенский

Чтение для юношества

Через десять лет Петербург будет отмечать свое трехсотлетие. Верится, что к этому сроку не будет недостатка в серьезных и доступных трудах по истории города, как не было его в 1903 году, когда Петербург — столица Российской империи, — праздновал свое двухсотлетие. Сегодня полная и правдивая история Северной Пальмиры остается ненаписанной.

Книга В.Г. Авсеенко "200 лет Санкт-Петербурга. Исторический очерк" впервые увидела свет в 1903 году. При подготовке переиздания мы постарались дополнить очерк пропущенными по цензурным соображениям того времени сведениями, а также связать повествование, прерывающееся на первых годах XX века, с нашим временем, которое открывает в истории Петербурга новую эпоху.

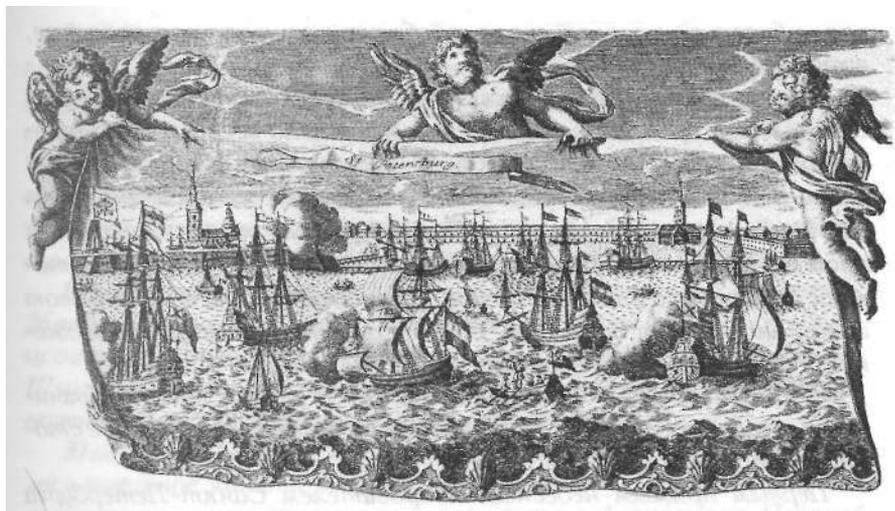
Книга адресована всем любителям русской истории, а также рекомендована как дополнительное пособие по истории в школьных заведениях.

© С.-Петербургская городская Дума, 1903

© Сотис, 1993

ISBN 5-85503-087-3

© Пересветь, 1993

Град Святого Петра и его небесные покровители

В прежние времена на всякое начинание испрашивалось небесное благословение на доброе дело и заступничество от сил зла. Закладывался ли город, возводился ли храм, либо просто строилась новая изба, прежде всего на выбранном месте совершался молебен. Древняя эта традиция, возрождающаяся в наши дни, позволяла в последний раз убедиться в правильности выбора. Действительно, странно было бы просить помощи у Господа в деле сомнительном или неправом.

С прочтения молитвы на основание города и окропления берегов Заячьего острова освященной водой начинается история Санкт-Петербурга. Присутствовал при этом Петр I или нет — сейчас сказать трудно. Однако таинство свершилось, и город был основан.

Красивая легенда повествует об орле, который, к радости присутствующих, опустился в тот день 16 мая 1703 года на символические ворота будущей крепости. Впрочем, и без этого знаменья царь, вероятно, был спокоен за судьбу своего начинания, ибо закладывался город по благословению архиерея воронежского Митрофания, полученному Петром еще в молодые годы. "Будешь жить в других дворцах, на севере, и воздвигнешь новую столицу — великий город в честь святого Петра, — предрек царю святой старец. — Бог благословляет тебя на это. Казанская икона будет покровом города и всего народа. До тех пор, пока Казанская

икона будет в столице и перед нею будут молиться православные, в город не ступит вражья нога”.

Пророческие слова воронежского святителя были восприняты Петром как предначертанное ему свыше дело всей жизни, которое он претворял с непоколебимым упорством. Малоизвестный факт этот должен поколебать сложившееся за последние полтора столетия представление о Петербурге как роковом городе, на костях, изначально обреченном на гибель. Ведь Петербург готовится не только отметить свое трехсотлетие, но и за всю свою историю, несмотря на свое “стратегически невыгодное положение”, так ни разу и не был сдан неприятелю.

Всякий человек, по вере предков, имеет своего Ангела-Хранителя, ограждающего его от всякого зла, а город, говорят, не стоит без трех праведников.

Первым прямым небесным покровителем Санкт-Петербурга является святой Апостол Петр, один из учеников Иисуса Христа, вместе со святым Апостолом Павлом заложивший в I в. от Р.Х. основы христианской церкви*. В первые же дни по освящении места для будущего города на Заячьем острове был заложен храм во имя святых Апостолов Петра и Павла, долгое время остававшийся кафедральным, первым среди соборов и церквей города. Отметим, что в основании собора тогда же был установлен ковчег с частицей мощей, т. е. святых останков Апостола Андрея Первозванного, который, по древнему преданию, посетил земли будущей Киевской Руси и который считается покровителем всей России.

Небесным хранителем Петербурга с начала его истории был признан и святой благоверный великий князь Александр Невский, Солнце земли Русской, как почтительно величали его современники.

15 июля 1240 года князь Александр, ободренный славным знаменем небесной помощи новгородцам, во главе небольшой дружины одержал свою знаменитую победу над шведами в битве при Ижоре, на том месте, где река эта впадает в Неву.

В начале XVIII века, сражаясь с королем Карлом XII в тех же землях, Петр I обратился к покровительству святого великого князя, канонизированного Русской церковью на Соборе 1547 года. Несмотря на трудности военного времени, еще в 1710-х годах царь задумал выстроить на невских берегах большой монастырь и перенести туда мощи святого князя.

*Подробнее о жизни и деяниях их можно прочесть в Новом Завете.

В 1717 году архитектором Доменико Трезини был составлен проект большого каменного храма во имя святого Александра. Рассмотрев план, государь начертал: "Во имя Господне делать по сему".

Спустя пять лет, в ночь с 10 на 11 августа 1723года, духовенство Владимира направилось в Рождественскую обитель, где тогда обретались святые мощи Александра. Отслужив молебствие, монахи подняли ковчег, и двинулись в неблизкий путь...

18 августа шествие торжественно было встречено в Москве,. 26августа миновало Тверь, 9сентября святыня была уже на берегу озера Ильмень. Наконец, 1 октября 1723 года, по прибытии в Шлиссельбург, ковчег со святыми мощами был поставлен в Благовещенском соборе и оставался там почти целый год.

30августа 1724 года, когда храм был вполне завершен, исполнилось заветное желание государя императора — святые мощи были перенесены в столицу и заняли свое место в Александро-Невской лавре, где находятся и сегодня.

Всего в Петербурге в начале ХХвека было около 50 храмов, освященных во имя святого благоверного князя Александра Невского. Теплым чувством благодарности исполнены слова праздничного тропаря святому князю:*

"Яко благочестивого корене пречестная отрасль был еси, блаженне Александре: яви бо тя Христос яко некое Божественное сокровище Российской земли, нового чудотворца, преславна и богоприятна. И днесь сошедшия в память твою верой и любовью, во псалмех и пениих радующеея славим Господа, давшего тебе благодать исцелений: его же моли спасти град сей, и державе сродник твоей богоугодней быти, и сыновом российским спастися".

23 ноября 1723года, в день памяти святого князя Александра по старому стилю, в Воронеже скончался святитель Митрофан. Петр I прибыл проводить в последний путь святого старца, и сам нес гроб с его останками из Благовещенского собора в усыпальницу. Свидетели отмечали, что при погребении царь оказал почившему невиданные почести, какие "едва ли оказывал кто-нибудь из русских государей кому-нибудь из архиереев".

Еще при жизни святого старца в 1710 году Петр приказал перенести из Москвы в Петербург образ Казанской Божией матери,

* Память святого князя Александра совершается, или отмечается 12 сентября и 6 декабря (по новому стилю).

которой суждено было стать покровом и защитой новой столицы.

*Казанская икона** — одна из наиболее чтимых святынь русского народа. С конца XVI века была установлена в Благовещенском соборе Московского Кремля. Образу приписывается чудотворный дар духовного прозрения людей, обращающихся к ней с молитвой и защита русских земель от иноплеменных.

В 1612 году, готовясь к походу против Лжедмитрия, Минин и Пожарский распорядились взять с собой Казанскую икону. Ополчение их долгое время не могло завладеть Кремлем. Решившись на последний штурм, воинство наложило на себя строгий трехдневный пост. В течение всего этого времени перед Казанской иконой совершались молебствия. 22 октября ополчение взяло приступом Китай-город, а вскоре затем — и сам Кремль.

День этот, 22 октября, в память чудесного избавления России от нашествия иноплеменных и внутренней смуты, царь Михаил Феодорович установил днем чествования Казанской иконы. Князь Дмитрий Пожарский по обету выстроил для нее в Москве особый храм во имя Введения Пресвятой Богородицы.

Перенесенная в Петербург святыня вначале находилась в деревянной часовне на Посадской улице, а затем в Троицком соборе Александро-Невской лавры. В царствование Анны Иоанновны она была торжественно перенесена в новый храм Рождества Богородицы на Невском проспекте. Наконец, в 1800 году, при императоре Павле, было решено устроить на этом месте новый большой собор уже во имя Самой Казанской иконы Божией Матери, что и свершилось в 1811 году, незадолго перед началом Отечественной войны.

В 1812 году перед чудотворным образом горячо молился М.И. Кутузов, прося благословления у Матери Божией на борьбу с неприятелем. Вспомним, что именно 22 октября 1812 года русские войска под предводительством генералов Милорадовича и Платона Зубова разбили арьергард французского войска во главе с генералом Даву. Это была первая победа русского оружия в Отечественной войне. Согласно с волей главнокомандующего, прах М.И. Кутузова после его смерти был погребен в Казанском соборе.

В храме на Невском святыня находилась до 1920-х годов. Когда собор был закрыт для богослужений, икону перенесли во Владимирский собор на Петроградской стороне, где она обретается и по сей день.

* Сама Казанская икона считается копией древней Влахернской, написанной, по преданию, еще святым Апостолом Лукой.

В начале Великой Отечественной войны патриарх Антиохийский Александр III в своем послании обратился к христианам всего мира с просьбой о молитвенной и материальной помощи для России. В числе многих отозвавшихся на этот призыв особым усердием отличился митрополит гор Ливанских Илья Салиб. В каменном подземельи, вдали от мира, в течение трех дней он непрестанно молился Пресвятой Богородице. Молитва его была услышана и в келье ему было явление Богоматери. В откровении он услышал ее слова о победе России в страшной войне и о несокрушимости города на Неве:

"...Город Святого Петра не сдавать. Доколе Мое изображение находится в нем, ни один враг не пройдет. Пусть вынесут чудотворную икону Казанскую и обнесут ее крестным ходом вокруг города. Тогда ни один враг не ступит на святую его землю. Это — избранный город..."

Согласно полученного Русской Православной церковью срочного послания от митрополита Илии в Ленинграде Казанскую икону вынесли из собора и с крестным ходом обнесли вокруг города. С молебна перед Казанской иконой, установленной на правом берегу Волги, началась Сталинградская битва. Известно, что потерпев серьезные поражения в боях под Москвой и Сталинградом, германскому командованию пришлось перебросить в южном направлении часть войск 18-й армии, стоявшей на подступах к Ленинграду.

Грозившая городу, казалось, неминуемая гибель, миновала.

О проявлении небесной милости и любви к Санкт-Петербургу говорит и появление в нашем городе за двести лет его существования двух праведников — Ксении Блаженной и отца Иоанна Кронштадтского. Истинный смысл жизни и подвиг святых подвижников скрыты от глаз людей и ведомы только Всевышнему, пославшему их в мир в избранный час и в избранное место.

К первому столетию истории Санкт-Петербурга относится житие святой блаженной Ксении, чтимой многими поколениями горожан подвижницы, при жизни принявшей на себя юродство — один из самых тяжелых христианских подвигов.

Родилась она еще в царствование императора Петра I или, возможно, несколько позже — в 1720–30 годах. Здесь, в Петербурге, она была выдана замуж за певчего придворного хора Александра Федоровича Петрова, и жила где-то на Петербургской стороне. В возрасте двадцати шести лет ей суждено было остаться вдовой. Потрясенная смертью мужа, отказавшись от всех земных благ, раздав имущество и сбережения нищим, подарив дом знакомой, Ксения обрядилась в костюм мужа и до конца жизни называла себя только его именем.

С этого времени она бродила по улицам столицы, не имея крова над головой и никакого пропитания, кроме подаяния, одетая в жалкие лохмотья зимой и летом.

Кроме тяжелых лишений, на которые Ксения обрекла себя добровольно, немало горя довелось вынести ей от людей, долгие годы не веривших в ее бескорыстие и считающих ее христианский подвиг простым сумасшествием. Даже дети, подражая взрослым, высмеивали блаженную, забрасывали ее камнями. Ксения же сносила все как должное, с примерной кротостью и великодушием, чем и заслужила, в конце концов, всеобщее признание, любовь и славу Божией угодницы.

В памяти людской не сохранилось свидетельств о том, что святая когда-либо покидала пределы города. Излюбленными же ее местами непременно оставались Петербургская сторона, где провела она недолгие годы своего замужества, и Смоленское кладбище в глубине Васильевского острова, где покоился прах, возлюбленного ее супруга Андрея Федоровича.

В 1780-х годах, когда здесь сооружалась новая церковь во имя Владимирской иконы Божией Матери, рабочие с удивлением докладывали мастеру, что по ночам, когда все работы прекращаются, неведомый помощник поднимает кирпичи на самый верх стройки. Вскоре выяснилось, что кирпичи таскает ни кто иной, как сама блаженная Ксения. Обычно, однако, ночи она проводила на окраине города, в поле, где, по ее словам, присутствие Божие ощущается "более явственно".

Как и большинство юродивых, Ксения заслужила у Бога дар прозорливости. До нас дошло немало свидетельств о ее предсказаниях, облеченных в туманные слова, но всегда сбывающихся.

Не сохранилось никаких сведений о том, как и когда скончала блаженная свои дни. Отпевали ее в церкви святого Апостола Матфия на Петербургской стороне, там же, где, быть может, некогда крестили; погребена она была на Смоленском кладбище.

Хранить благодарность за оказанное благодеяние во много раз труднее, чем просить о помощи. Тем не менее, память о блаженной никогда не оскудевала. Песок с ее могилы, которому молва приписывала чудотворную силу, каждый год разносился приходящими помолиться об упокоении ее души. Множество людей, и среди них — особенно много петербуржцев, в разное время свидетельствовали о помощи, полученной после обращения к блаженной Ксении и панихиды над ее могилой.

В 1875 году, когда жизнь государя наследника, великого князя Александра Александровича, находилась в опасности, супруге его Ксения явилась во сне, предсказав скорое выздоровление больного и рождение девочки, которая станет хранительницей всей их

семьи. Действительно, наследник выздоровел, вскоре затем родилась девочка, которую августейшие супруги назвали Ксенией. Летом 1894 года она вышла замуж за своего родственника, великого князя Александра Михайловича и покинула свой дом. Спустя всего месяц после этого события отец ее, император Александр III, скоропостижно скончался...

Над могилой блаженной Ксении на собранные деньги была построена небольшая часовня, которая сразу сделалась местом настоящего паломничества. По сути дела, блаженная Ксения уже тогда была местночтимой святой.

В 1902 году на том же месте построили нынешнюю часовню — с мраморными иконостасом и надгробием. В нашем веке она надолго была закрыта, однако никакие запреты и гонения не могли помешать стремлению множества горожан помолиться о душе подвижницы и прибегнуть к ее благодатной помощи.

10 августа 1988 года, после того как часовня вновь была возвращена верующим и отреставрирована, городским духовенством во главе со святейшим патриархом Московским и всея Руси Алексием при большом стечении народа был совершен чин ее освящения. Спустя год после этого славного в истории нашего города события, блаженная Ксения была, наконец, причислена к лику святых и небесных покровителей города. Память ее с этого времени совершается ежегодно в день 6 февраля (по новому стилю).

В XIX веке явился в стенах нашего города другой подвижник — святой праведный отец Иоанн Кронштадтский.

В начале 1850-х годов, когда он еще обучался в Санкт-Петербургской духовной академии, однажды во сне Иоанн увидел себя в большом, неведомом ему соборе. Вскоре после этого он получил место иерея, простого священника, при Кронштадтском Андреевском соборе, и, впервые переступив его порог, к изумлению и страху своему узнал храм, который пророчески представился ему во сне и где предстояло ему начать свой жребий служения.

Почитание и любовь, которые стяжал отец Иоанн в первой половине своего жизненного пути, достались ему воистину по трудам и по строгому, праведному житию его. Огромное значение уделял он горячей молитве, ибо знал не понаслышке, сколь трудно хотя бы чем-нибудь помочь заблудшему и озлобленному человеку. Потому именно молитве его впоследствии дана была свыше такая чудесная, сверхъестественная сила. Перед молитвой его отступали самые тяжелые болезни — отступала даже слепота. Исцелял он наедине и при стечении народа, а часто даже заочно, по одному лишь письменному к нему обращению, исцелял православных и мусульман, католиков и иудеев, притекавших к нему со всех концов России и даже из-за ее пределов...

Вся жизнь отца Иоанна была связана с Кронштадтом, хотя и в самом Петербурге ему случалось бывать, разумеется, очень часто. Немало доводилось ему путешествовать и по России. В Ливадии, например, он провел несколько дней с императором Александром III до самой его кончины. Умирая, государь попросил отца Иоанна возложить руки на его голову, и почувствовал от этого большое облегчение в своих страданиях.

На речке Карповке, вблизи Каменноостровского проспекта, ныне стоит большой златоглавый монастырь. Строился он в 1900-1908 годах по инициативе и при участии отца Иоанна, в руках которого из добровольных подаяний благодарных людей собирались нередко значительные суммы денег.

Там же, в особо устроенной усыпальнице, в 1908 году был погребены останки святого праведника. Как и часовня святой блаженной Ксении, место это всегда почиталось русским народом за святое. Сам же отец Иоанн был канонизирован как святой русской православной церковью совсем недавно, летом 1990 года. В то же время после долгого перерыва монастырь вновь принял в свои стены первых насельниц, а усыпальница со святыми мощами была открыта для паломников.

Память святого праведника Иоанна совершается каждый год в день 2 января (по новому стилю).

Сегодня становится совершенно очевидным, что основанный по благословлению святого Митрофания в строгом соответствии с чином заложения, Санкт-Петербург пронес через всю свою почти трехсотлетнюю историю знаки особой избранности и высокого предназначения и явился несокрушимой твердыней для врагов.

Все это исполняет сакральным священным смыслом каждый день жизни Санкт-Петербурга и позволяет взглянуть иными глазами на его историю и усилия лучших умов и талантов по созданию и прославлению города святого Петра.

Век Петра Великого

Глава I

*Великая Северная война. — Искание моря. —
Русские на Неве. — Взятие Нотебурга и Ниеншанца. —
Закладка Петербурга.*

Начало XVIII века застало Россию в разгар преобразовательной деятельности Петра Великого. Молодой царь уже побывал в Европе, посмотрелся на тамошние порядки, личным наблюдением и сравнением оценил преимущества европейских знаний, научился сам многому, неведомому в Московской Руси, и вызванный из незаконченного путешествия известием о Стрелецком бунте, возвратился неожиданно в Москву с твердым намерением приступить к пересозданию страны и перевоспитанию народа. Твердой рукой расправился он с участниками бунта, и, не давая опомниться противникам новизны, заставил их прежде всего приучаться к внешнему европейскому облику: отменил обычай носить длинные неподстриженные бороды и долгополое платье. Помимо подражания виденному Петром за границей, меры эти могли иметь и ближайшую цель: они наружно сближали иностранцев с русскими, а иностранцы требовались для обучения русских морскому и военному делу, ремеслам и промыслам. Вместе с тем отменено было старинное летосчисление от сотворения мира и введено новое — от Рождества Христова; день нового года, вместо 1 сентября, перенесен был на 1 января.

С этих внешних новшеств Петр начал, конечно, потому, что для осуществления их не требовалось времени и подготовлений. В уме его зрели более широкие и глубокие преобразования. Приглядываясь ко всему встреченному за границей, он неустанно соображал, где источник благоустройства и богатства западных стран, и что нужно России для быстрого развития своих громадных сил. Настойчивее всего мысль его обращалась к тем выгодам, какие дает государству мореплавание. Еще раньше, до поездки за границу, Петром владела мечта о свободном доступе к морю. Она зародилась в нем почти в отроческом возрасте, вместе с личной страстью к плаванию на водах. Исканием моря были вызваны трудные походы к Азову. Но хотя Азов был наконец взят, Петр ясно видел, что свободное пользование южными морями для русских невозможно до тех пор, пока не слом-

лено могущество турок. Нанести же Турции решительный удар Россия была еще не в силах.

И тогда мысли Петра обратились на север, к Балтийскому морю, вблизи которого зачалось русское государство, и которое издавна знали новгородцы, хотя и не упрочились на его берегах. К Неве и Финскому заливу примыкала бедная, малонаселенная страна, некогда подвластная Великому Новгороду, но впоследствии отошедшая к Швеции и получившая от нее название Ингерманландии. Вернув себе эту почти пустынную страну, которая и для шведов имела только то значение, что отрезала московское государство от моря, новая Россия, с ее зарождающимся флотом и великими зачинаниями, приобрела бы тот морской выход, который так необходим был Петру для его преобразовательных планов.

Одолеть Швецию, располагавшую прекрасной армией под руководством воинственного и отважного короля, для тогдашней России было трудно. Необходимы были союзники. Только тогда, когда удалось заключить союзные договоры с Данией, Саксонией и Польшей, русский царь решился объявить войну Швеции.

Начало войны ознаменовалось для нас крупной неудачей: русская армия, еще неопытная в военном деле, была разбита под Нарвой. К счастью, этот успех внушил молодому шведскому королю Карлу XII слишком презрительное отношение к силам России: он обратил свои войска против Августа II короля польского, оставив в Ингерманландии лишь незначительные отряды.

Петр отлично воспользовался оплошностью противника и сосредоточил военные действия в местности, прилегавшей к Неве. Сюда была направлена сохранившаяся после нарвского погрома армия, и сюда же стекались вновь создаваемые полки, преимущественно драгунские. Так как артиллерия была потеряна под Нарвой, то принялись готовить новую, переливая даже часть церковных колоколов на пушки и мортиры.

Осенью 1702 года, у юго-западного берега Ладожского озера собралось до 10 тысяч русского войска с артиллерией. Была и конница, которой уже умели пользоваться для разведок. При реке Свири усердно работала корабельная верфь, спуская на воду мелкие суда, годные для действия на Неве. Но провести эти суда по бурному озеру было трудно; бури не раз их рассеивали, и приходилось подолгу выжидать благоприятной погоды. Сказалась уже и тогда необходимость обходного канала.

В сентябре Петр сам прибыл из Архангельска в Ладогу, и сохраняя для себя звание бомбардирского капитана, вызвал из Лифляндии фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева, которому и поручил главное начальствование над войсками в Ингрии. Но душой и распорядителем военных действий оставался, конечно, сам Петр.

P E T R U S D E I.^{ate}
Bygenaamd de Grootē,
KEIZER VAN RUSLAND.

Император Петр Великий
Годы правления 1689–1725

Задуманный им главный удар направлен был против небольшой шведской крепости Нотебурга, при истоке Невы, защищаемой гарнизоном не более 450 человек под начальством Шлиппенбаха, но снабженной сильной артиллерией, насчитывавшей до 140 орудий. В старину тут было русское укрепление Орешек, за 90 лет перед тем перешедшее к шведам и ими перестроенное.

Важное значение Нотебурга понятно: он служил опорой шведским силам на Ладожском озере, и вместе с тем прикрывал вход в Неву, на которую Петр уже смотрел, как на ближайший путь к морю. Поэтому военные действия и должны были открыться взятием Нотебурга.

Осада началась 1 октября. Наши отряды расположились на обоих берегах Невы и на отмелях, поставив там пушечные и мортирные батареи. Орудия действовали так усердно, что жерла раскалялись; за несколько дней осады выпущено было более 10 тысяч ядер и бомб. В стенах крепости образовались провалы. В воскресенье 11 октября нетерпеливый Петр на рассвете подал знак к штурму. Бой произошел жестокий. Шведы оказали отчаянное сопротивление; русские настойчиво ломались вперед, неся страшные потери. Была минута, когда наступающие дрогнули, и сам Петр усомнился в успехе и приказал отступить. Но отважный князь Голицын, командовавший семеновцами, не послушался приказания, и прихватив также часть преображенцев, бросился на провалы. Снова завязался отчаянный бой. Шведы осыпали русских картечью и ручными гранатами. Князь Голицын, лично предводительствуя гвардейцами, взбежал наконец на стену крепости со знаменем в руках. Нотебург сдался.

Потери наши были несоразмерно велики: у нас выбыли из строя убитыми и ранеными до полуторы тысячи человек. Петр по этому поводу писал: "Правда, что зело* жесток сей орех был, однакож, слава Богу, счастливо разгрызен". Он торжествовал, сознавая значение этого древнего русского Орешка, и назвал его Шлиссельбургом, то есть Ключом-городом.

Взятием Нотебурга закончились военные действия 1702 года. Следующему году выпала не менее важная задача — овладеть невским устьем, т. е. местностью нынешнего Петербурга.

Там, при впадении реки Охты в Неву, стоял шведский городок Ниеншанц или Канцы. Городок этот был значительнее Нотебурга: в нем находились лютеранская церковь и военный госпиталь с большим садом. Крепость с шестью бастионами защищали 800 человек гарнизона; на взморье плавали шведские военные суда.

* *Зело* (древнерусск.) — очень, весьма.

Утром 27 апреля 1703 года Шереметев со значительными силами подступил к Ниеншанцу и приказал ставить батареи. Петр находился при войске, и на другой же день, сделав с 4 ротами гвардейцев, посаженных на лодки, разведку до взморья под сильным огнем с крепости, оставил три роты на нынешнем Гутуевском острове, в виде засады.

30 апреля русская артиллерия начала громить крепость. Огонь продолжался до следующего утра. Шведы не отважились ждать приступа и вступили в переговоры. Им дозволили выйти в Выборг. Преображенцы торжественно вступили в сдавшийся город, названный Петром Шлотбургом.

Между тем шведская эскадра, не зная о сдаче Ниеншанца, спешила к нему на помощь, и 5 мая показалась в устье Невы. Кроме шлюпок, тут были два корабля с 24 пушками на обоих, под командой вице-адмирала Ну мерса. Петр, располагавший только невооруженными лодками, решился атаковать неприятельскую флотилию. Посадив отряды пехоты на мелкие суденышки, он ночью подплыл к шведам из-за Гутуевского острова, и под жестоким огнем со всей эскадры, бросился на два ближайших корабля. С топором и ручной гранатой в руках, он впереди своего отряда первый взшел на борт 14-пушечного судна. Началась кровавая рукопашная схватка. Так как шведы, по словам Петра, "пардон зело поздно закричали", то русские почти всех их перекололи; из 80 человек команды на обоих кораблях осталось в живых только 13 человек. Из двух командиров один был убит, а другой, раненый, взят в плен, и впоследствии перешел в русскую службу.

Велика была радость Петра по поводу этой первой морской победы. Он торжественно отпраздновал ее в лагере на Большой Охте, в виду поставленных на Неве, с бою взятых шведских судов, и не отклонил пожалованной ему генерал-адмиралом Головиным награды — ордена святого Андрея Первозванного. Отличие было безусловно заслужено личной храбростью и распорядительностью царя. Такой же награды удостоился и царский любимец Меншиков, лично участвовавший в деле. Остальным были розданы медали с надписью, выражавшей взгляд Петра на одержанную победу: "Небываемое бывает".

Таким образом, местность, занятая ныне Петербургом, была в руках Петра. Со свойственной ему поспешностью, он тотчас же обозрел все широкое невское устье, высматривая наиболее удобное место для закладки крепости. Обезопасить таким образом только что приобретенный водный путь было необходимо в виду того, что в Выборге стояли значительные шведские силы, а в Финском заливе разгуливала шведская эскадра. Так как Ниеншанц стоял на правом берегу Невы, то весьма естественно, что на этот правый берег наиболее обращено было внимание Петра. Здесь он в особенности оценил по-

ложение островка Енисаари, отделенного протоком от нынешней Петербургской стороны, и избрал его для заложения крепости.

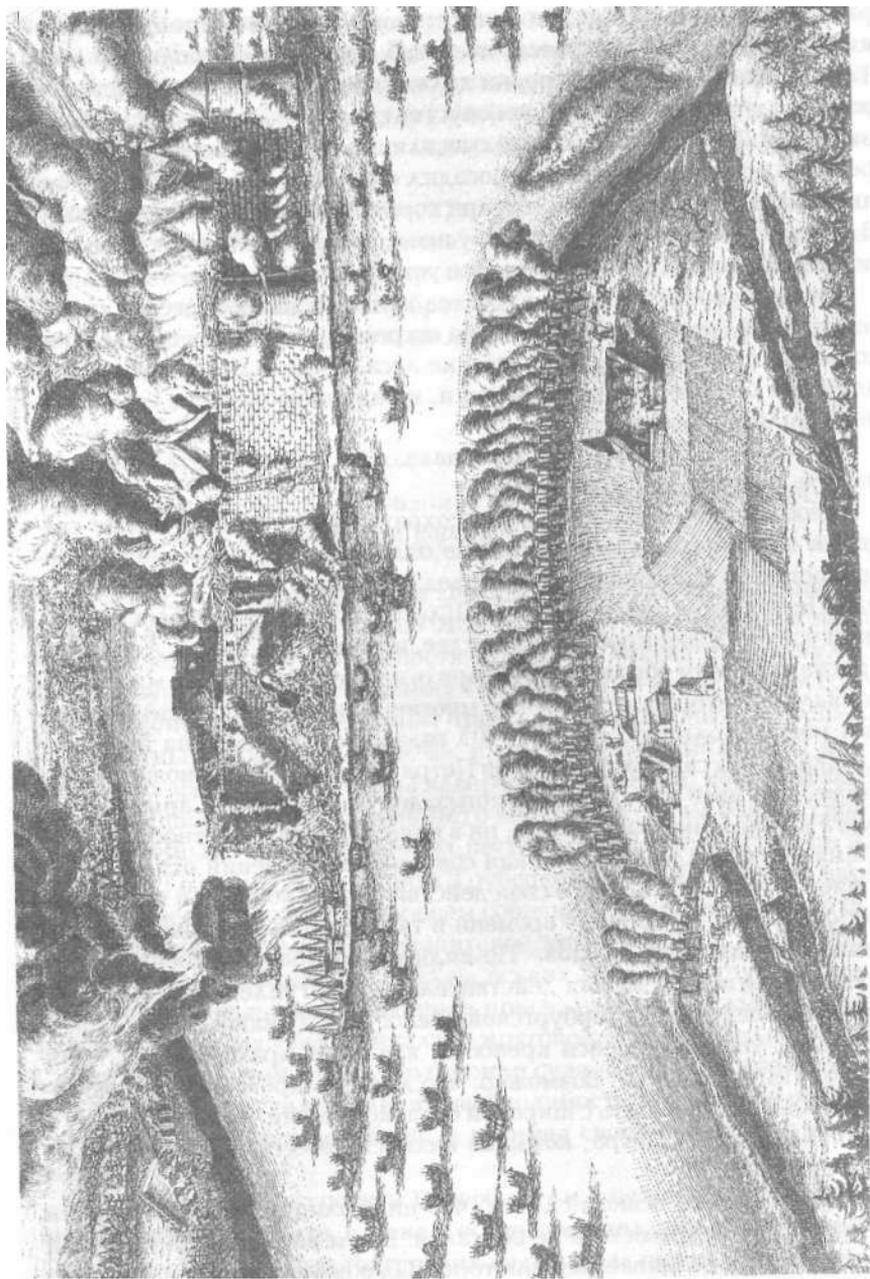
Мысль о постройке здесь столицы еще не выяснилась в то время в уме Петра. Но без сомнения он уже вполне понимал значение этой крайней точки русских владений, граничащей с морем, и был полон широких и величавых замыслов. Воображение его уже создавало новую жизнь в полудиком крае. Это была та минута в жизни Петра и России, которую изобразил Пушкин в своих чудных стихах:

На берегу пустынных волн
Стоял он, дум великих полн,
И вдаль глядел. Пред ним широко
Река неслася; бедный челн
По ней стремился одиноко;
По мшистым, топким берегам
Чернели избы здесь и там,
Приют убогого чухонца,
И лес, неведомый лучам
В тумане спрятанного солнца,
Кругом шумел...

И думал он:

"Отсель грозить мы будем шведу;
Здесь будет город заложен,
На зло надменному соседу;
Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно,
Ногою твердой стать при море;
Сюда, по новым им волнам,
Все флаги в гости будут к нам —
И запируем на просторе".

Строиться и укрепиться на новом месте Петр желал немедленно. Уже 14 мая он вновь осмотрел невшское устье и остров впереди нынешней Петербургской стороны, и указал там место для храма во имя Апостолов Петра и Павла. 16 мая, в день сошествия Святого Духа, приступлено было и к закладке крепости. В этот день в лагере отслужена была литургия, после чего Петр с большой свитой отправился на лодках вниз по Неве, и высадившись на острове, присутствовал при освящении избранного места, и вслед затем, с заступом в руках, подал знак к началу землекопных работ. Когда первый ров достиг уже двух аршин глубины, в него опустили высеченный из камня ящик, в который Петр поставил золотой ковчег с частицей мощей Апостола Андрея, и закрыв ящик каменной же плитой, убрал его собственноручно вырезанными кусками дерна.

Взятие Нотебурга

Одна любопытная старинная рукопись передает такую подробность. Когда Петр взялся за заступ, с высоты спустился орел и парил над островом. Царь, отойдя в сторону, срубил две тонкие березки, и соединив их верхушки, поставил стволы в выкопанные ямы. Таким образом эти две березки должны были обозначать место для ворот будущей крепости. Орел опустился и сел на березки; его сняли оттуда, и Петр, обрадованный счастливым предзнаменованием, перевязал орлу ноги платком и посадил его к себе на руку. Так он взшел, с орлом на руке, на яхту, при торжественной пушечной пальбе. В лагере всей свите и духовенству предложен был обед. Веселье продолжалось за полночь, и пушки не уставали палить.

Та же рукопись поясняет со слов жителей Петербургской стороны, что орел этот давно уже жил на острове. Его нашли там шведские солдаты, сторожившие королевские леса, и сделали ручным. Впоследствии он содержался в крепости, и на продовольствие его назначено было жалованье.

Городок, заложенный 16 мая, назван был Санкт-Петербургом, в память святого Апостола Петра.

Необходимо оговориться, что сохранившиеся исторические сведения об основании Петербурга не отличаются безусловной достоверностью. В Преображенском походном журнале говорится, что 11 мая Петр поехал сухим путем в Шлиссельбург, 14 мая был на сяском устье, 16 мая проехал еще далее, и 17 мая прибыл на Лодейную пристань. Таким образом, если верить этому дневнику, 16 мая Петра не было в Петербурге. Поэтому многие принимают за день основания новой столицы 29 июня 1703 года, когда совершена была закладка храма святых Апостолов Петра и Павла. Достоинно внимания также, что ни в каких современных документах имя Санкт-Петербурга не упоминается ни в мае, ни в июне того года; местность эта сохраняла имя Шлотбурга. Такая сбивчивость сведений отчасти объясняется тем, что Петр все свои действия в невском устье предпочитал сохранять до поры до времени в тайне, чтобы не привлечь особенного внимания шведов. По-видимому, правдоподобнее всего предположить, что 16 мая действительно приступлено было к работам по возведению Петербургской крепости, а 29 июня состоялась, в пределах уже строящейся крепости, закладка храма святых Апостолов Петра и Павла. Возможно, что личная скромность Петра побуждала его не спешить с широкой оглаской имени, данного городу в память Апостола Петра, который являлся небесным покровителем и самого царя.

Достоверно во всяком случае, что ни столицей, ни резиденцией Петербург в то время еще не считался. В нем видели пока будущий морской порт, создаваемый для торговых и всяких других сношений с Европой. Поздравляя Петра со взятием Ниеншанца, один из состоявших в русской службе иноземцев выразился, что этим городом

"отверзошася пространная порта бесчисленных вам прибытков". Не таков, однако, был первоначальный взгляд самого Петра на значение нового городка. Он ценил и городок, и всю прилегающую к Неве область необычайно высоко. Когда впоследствии шли переговоры с Турцией о мире, Петр, предвидя, что турки будут хлопотать за шведов, согласился пойти на уступку Лифляндии, но только не Ингрии; в крайнем же случае готов был отдать шведам даже Псков, но не Петербург.

Воинственный соперник Петра, шведский король Карл XII, судил иначе. По свидетельству Голикова, узнав о заложении Петербурга, он выразился: "Пусть царь занимается пустой работой — строить города, а мы оставим себе славу брать оные".

Последствия показали, что из двух героев русский царь был прозорливее.

Глава II

Оборона Петербурга. — Приход первого купеческого корабля. — Приезд царской семьи.

Невское устье было в руках Петра, но приходилось спешно укрепляться на новом месте, чтоб отбиваться от готовившихся к нападению шведов. Работы в крепости закипели. Войска придвинулись из шлотбургского лагеря к самому Петербургу, и занялись постройкой бастионов (раскатов). К ним присоединили рабочих, собранных из окрестных городов и деревень, и так горячо принялись за дело, что к 29 июня были уже готовы казармы в отделении, которым заведывал Меншиков, и в тот день Петр мог уже дать там банкет своим приближенным. Наблюдением за постройкой других бастионов заведывали Головин, Зотов, князь Трубецкой, Нарышкин и сам царь. Для снабжения продовольствием собранного народа устроено было в Новгороде главное провиантское управление, а в Ладоге и Шлиссельбурге временные склады всяких запасов. Отпуском всего требуемого заведывали выборные присяжные целовальники, исправность которых обеспечивалась круговой порукой волостей. На Свири в то же время деятельно строили суда, в которых с заложением Петербурга настала крайняя необходимость: на взморье все лето плавали 9 шведских кораблей, и не имея своей флотилии, нельзя было прогнать их.

Шведы пытались грозить Петербургу и с сухого пути. В начале июля Петр узнал, что к реке Сестре подошел шведский генерал Крониорт. Взяв четыре драгунских полка и два пехотных, Петр быстро двинулся против него, и 7 июля нанес ему жестокое поражение. У шведов было 13 орудий, и они занимали выгодную позицию на пе-

реправе, рассчитывая притом на помощь эскадры, стоявшей у острова Котлин. Петр решительным натиском смял неприятеля и обратил его в бегство. Бросив мост и переправу, шведы узким проходом ушли на возвышенность, откуда наша конница загнала их в лес, произведя в их рядах страшное опустошение: до тысячи человек было порублено, в том числе много офицеров; немало погибло также от ран в лесу. С нашей стороны потеря была сравнительно ничтожная: 32 убитых и несколько раненых. Дело вообще было блестящее. Петр принимал в нем горячее личное участие. Паткуль упрекал царя, что рискуя наравне с простыми солдатами, он подвергает опасности государство. Петр только усмехнулся на это, и со свойственной ему скромностью исключил из реляции всё до него касавшееся, приписав весь успех дела командиру отряда, генералу Чамберсу. Кронорт ушел в Финляндию, отказавшись помешать русским строить Петербург.

Успокоенный с этой стороны, Петр уехал на Свирь, торопить с постройкой судов. В октябре он уже вывел оттуда в Неву целую флотилию, среди которой был даже большой фрегат. Теперь он мог осмотреть Финский залив, не опасаясь шведской эскадры. На шлюпке, среди плавающих льдин, он объехал кругом остров Котлин, и поняв его важное положение против неевского устья, тщательно сам промерил глубину обоих фарватеров и выбрал место для постройки укрепления. Наблюдение за работами на Котлине царь поручил петербургскому губернатору Меншикову, но модель укрепления взялся сделать сам. Ранней весной следующего года там уже закипела работа: рубили из бревен ряжи, нагружали их камнем и опускали на дно. Пока еще держался лед, перетаскивали из Петербурга орудия и вооружили ими бастионы, защищавшие подступ с моря. В апреле все уже поспело, и 4 мая Петр в своем присутствии освятил новую крепость, назвав ее Кроншлотом.

Особенную радость доставил Петру приход в Петербург первого иностранного купеческого корабля. Это случилось еще в ноябре 1703 года. Голландское судно, с вином и солью, направлялось в Нарву, но так как город этот в то время был осажден русскими войсками, то предприимчивый шкипер решил идти в Петербург и там продать груз. По другим сведениям, судно принадлежало саардамским купцам, лично знавшим Петра и поспешившим завязать сношение с первым русским портом. Сохранилось предание, будто Петр, под видом лоцмана, сам ввел судно в Неву и поставил его на якорь как раз перед домом Меншикова. Предание это очевидно вымышленное, так как самого Петра в то время не было в Петербурге. Но Меншиков, хорошо знавший желания и виды царя, принял этого первого торгового гостя из-за моря с необыкновенной щедростью. Весь товар был тотчас куплен за счет казны, шкиперу подарено было 500 золотых, а матросам по 15 русских рублей каждому. При этом было обещано,

что когда придет второй корабль, шкипер получит 300 золотых, и когда придет третий — 150 золотых. Об этих премиях тогда же сообщили для всеобщего сведения данцигские газеты.

Между тем *шведы*, хотя и действовавшие чрезвычайно вяло, не оставляли надежды отбить русских от неевского берега. Попытки отеснить нас делались и с суши, и с моря. В мае 1704 года *шведский* вице-адмирал Депру подошел к острову Котлин со значительной эс-

Светлейший князь А. Д. Меншиков

кадрой. Там уже стояла наша флотилия, приведенная из Сяси и Свири вице-адмиралом Крюйсом. Депру выжидал в течение месяца, чтобы русские напали на *него со своими сравнительно* слабыми силами; но не дождавшись, решился сам произвести высадку на остров и разрушить возведенное там укрепление. Крюйс распорядился очень искусно: поставив два пехотных полка позади батарей, он запретил отвечать на выстрелы. Шведская канонада не причиняла нам почти никакого вреда; но Депру, не слыша наших орудий и предполагая, что кроншлотские батареи сбиты, направил туда десант на шлюпках. По причине мелководья, шлюпки не могли близко подойти; люди пошли вброд и были неожиданно встречены ружейным и пушечным огнем нашего притаившегося отряда. В рядах шве-

дов произошло смятение; часть их бросилась назад к своим шлюпкам, но другие храбро шли вперед, и были все захвачены в плен нашей спрятанной в засаде пехотой. Неприятельские суда также значительно пострадали от наших батарей. Неудача эта так расстроила шведов, что эскадра их простояла все лето за Котлином в полном бездействии.

Не более успеха имели шведы и на суше. Неспособного Крониорта сменил более предприимчивый барон Мейдель, но и ему не удалось подступить к Петербургу внезапно. Наши генералы уже умели пользоваться кавалерией, которая в июле 1704 года и открыла присутствие шведов. Ускакав без потерь от вчетверо сильнеего неприятеля, конница наша донесла петербургскому коменданту Брюсу о готовящемся нападении. Быстро были приняты меры обороны. На Аптекарском острове (в то время — Карпи-саари) в одну ночь возведены были батареи, а перед ними, поперек Невки, поставлен был фрегат. Мейдель высадился 12 июля на Каменном острове, но, встреченный огнем с наших батарей и фрегата, отступил и скрылся. В начале августа он снова попытался подойти к Петербургу со стороны Большой Охты, засел в разрушенных укреплениях Ниеншанца и стал готовиться к переправе через Неву. Оттуда он прислал Брюсу высокомерное письмо, в котором предлагал сдать ему Петербург и удалиться с берегов Невы. Брюс ответил трехдневной канонадой, после чего шведы, понеся значительные потери и не надеясь более на помощь своей эскадры, ушли к Кексгольму, уничтожив всё заготовленное для переправы.

Неудачи эти раздражали шведов, и они замыслили повести в следующем году более решительные действия и собрать достаточные силы. Пред Котлином появился адмирал Анкерштерн с большой эскадрой, в составе которой было 8 линейных кораблей и 6 фрегатов. Армия Мейделя усилена была до 10 тысяч человек. Положено было действовать одновременно с моря и с суши.

В виду этого Крюйс перегородил рогатками фарватер, поставил новую батарею с 28 орудиями, и расположил на Котлине два пехотных полка, Толбухина и Островского. 4 июня 1705 года шведская эскадра рано утром построилась против наших батарей и открыла огонь из всех орудий. К полудню пальба затихла, и на шлюпки спущен был десант в 2 тысячи человек. Наши отразили шведов. На следующий день нападение было повторено, и опять без успеха. В воскресенье 10 июня в третий раз, после жестокой пальбы с эскадры, шведы пытались высадиться, и снова были отбиты с уроном. Часть эскадры пробовала в то же время пробраться северным фарватером, но наши галеры нанесли шведским судам столько пробоин, что неприятель счел за лучшее удалиться. Только 14 июля Анкерштерн появился вновь и в последний раз произвел решительное нападение,

подготовленное бомбардировкой. Но русские отразили врагов с полным успехом, нанеся им чувствительный урон.

Между тем Мендель, после неудачного нападения на Каменный остров, дошел лесами до реки Тосны и переправился на левый берег Невы. Здесь настигли его русские отряды, вступили с ним в бой у Пильной мельницы, и принудили переправиться обратно за Неву. Испытав еще частную неудачу у реки Черной, где горсть русских три раза отбивала отчаянные атаки шведов, Мейдель отступил к Выборгу.

Анкерштерн со своей сильной эскадрой простоял в бездействии до октября, и наконец удалился. Тогда и Крюйс ввел свою флотилию в Неву и, проходя мимо Петропавловской крепости, салатовал ей. По странной оплошности, из крепости ему не отвечали. Крюйс обиделся и принес жалобу.

Пока Петербург оборонялся таким образом от наступающих с моря и с суши врагов, русские войска овладевали окрестной страной. Шереметев взял Копорье и Ямбург, и наконец вся Ингрия была в русских руках. В Москве, в присутствии царя, эти события были торжественно отпразднованы.

Со строительными работами в Петербурге спешили. Со всей России собрали сюда до двадцати тысяч людей по особому наряду, для земляных, плотницких и каменных работ. Земства, снаряжая этих людей, обязаны были отпускать для них продовольствие на все время работ.

В русском обществе, которое в большинстве своем мало сочувствовало нововведениям Петра, создалось предание, будто положение рабочих, строивших Петербург, было очень тяжелое, будто они гибли от болезней и плохого содержания, и прочее. Рассказы эти однако ничем не подтверждаются. Рабочие созывались двухмесячными сменами, и по окончании срока тотчас отпускались. В случае недостатка припасов, из казенных складов хлеб и все нужное отпускалось заимообразно. Работы продолжались от Благовещения до последних чисел сентября, и на зимние месяцы никто из очередных не удерживался. Непривычные к климату подвергались преимущественно желудочным заболеваниям; против этого недуга аптекарь Левкенс изобрел настойку из сосновых шишек.

Больше всего рабочие, как и остальные жители Петербурга, терпели от наводнений. Почва неевского устья еще не была искусственно повышена, и понятно, что в то время река даже при незначительном подъеме воды затопляла острова и берега. Наводнения начались с первых же лет. В ночь на 5 октября 1705 года Нева затопила даже левый берег, подмочила сложенные на адмиралтейском дворе припасы и разрушила много домов. В сентябре следующего года Петр был разбужен прибылью воды в своем домике на Петербургской стороне. Наводнением залило и так называемые "полковничьи хоромы", вы-

строенные для командиров полков; по словам царя, вода там доходила до 21 дюйма (около 0,5 м) над полом, а по улицам везде ездили на лодках. Понятно, что заботы Петра с самого начала были направлены на то, чтобы при застройке города укрепить и поднять почву и дать правильный сток водам. Этим объясняется множество каналов на первоначальном плане Петербурга.

Между тем шведы не прекращали попыток оттеснить русских от взморья. Положение Петра стало тем затруднительнее, что его союзник Август II изменил договору и удалился в Саксонию. Шведский король в январе 1705 года неожиданно напал на Гродно, где стояла русская вспомогательная армия. Это заставило Петра поспешить в Литву, соединить разбросанные там отряды в 15-тысячный корпус, и отдать его в распоряжение Меншикова, с приказом освободить запертые в Гродно полки. В марте цель эта была достигнута, и царь, торжествуя, прибыл в Петербург, вместе с будущей императрицей Екатериной, которая уже сопровождала его во всех походах.

Тогда Петербург впервые сделался местом празднеств и веселья. Петр, шутя, назвал его своим "парадизом"* и говорил, что ведет тут "райское житье". К царю съехались его сподвижники, русские и иноземные; едва зарождающийся городок принял вид резиденции. Благодарственное молебствие сопровождалось пальбой из крепости и с кораблей. В доме Меншикова дан был большой парадный обед с тостами. Торжественным пиром отпразднована была также закладка первого судна в новом Адмиралтействе, наскоро возведенном на левом берегу Невы. В крепости приступили к постройке каменных бастионов на месте деревянных.

Невская флотилия, предводимая царем, вышла в море. Огибая Котлин, Петр первый заметил появление шведского флота и известил о том Крюйса сигналами, но по какой-то причине сигналы не были поняты. Шведы, впрочем, держались в отдалении. Несколько позднее, в конце июля, напомнил о себе и барон Мейдель. Он переправился через Неву близ Ижоры, намереваясь подступить к Петербургу по незащищенной новгородской дороге. Но его вовремя заметили и выставили войско на речке Славянке. Мейдель, избегая боя, переправился обратно и бежал.

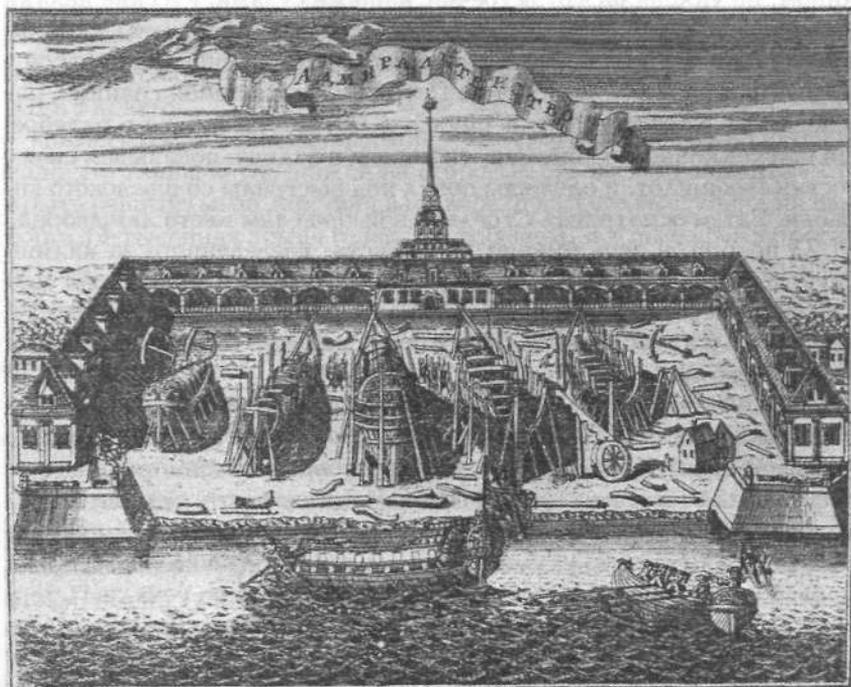
В октябре русские перешли в наступление и приблизились к Выборгу. После жестокого боя войска наши овладели внешними шанцами и захватили брошенные шведами пушки. В сумерках отряд охотников**, из 3 офицеров и 27 солдат, наткнулся нечаянно на 4-пушечный бот, и приняв его за купеческий, бросился на него. Произошла отчаянная резня, в которой пало до 80 шведов. Наши овладели судном, и несмотря на поданную ему помощь с другого бота, с торжест-

**Парадиа* (от нем. *Paradies*) — то же, что рай.

**То есть добровольцев.

вом увели в лагерь этот редкий приз. Но и храбрецы наши сильно пострадали: из 30 человек только семеро солдат остались не ранеными. Петр произвел их в офицеры, а тела убитых героев приказал с большими почестями похоронить в Петербурге.

От Выборга, впрочем, пришлось отступить, так как из-за бурной погоды нельзя было пользоваться флотилией. Однако Петра вскоре утешило радостное известие: 4 ноября пришло к нему в Петербург

Вид Адмиралтейства

письмо Меншикова, сообщавшее о блестящей победе, одержанной им над шведским генералом Мардефельдом под Калишем. Шведы занимали малодоступную позицию среди рек и болот. Русские отважно напали на них, и после трехчасового жестокого боя разгромили совершенно, выбив из строя до 6 тысяч человек. "Не в похвалу доношу, — писал царю Меншиков, — такая сия прежде небывалая баталия была, что радостно было смотреть, как с обеих сторон регулярно бились, и зело чудесно видеть, как все поле мертвыми телами устлано". Жестокие нравы века допускали такие выражения... Но Петр имел основания торжествовать: битва под Калишем, где обе стороны

*То есть правильно, согласно с правилами военного искусства.

"зело регулярно" действовали, восстанавливала равновесие между учениками и учителями, и как бы предзнаменовала полтавскую победу. Царь решил отпраздновать радостное известие со всей торжественностью: после молебствия три раза палили из пушек, и затем в доме Меншикова дан был трехдневный пир. Виновика победы Петр теперь иначе не называл, как *Herzenskind* — дитя моего сердца.

Летом 1707 года шведская эскадра опять показалась перед Котлином, но уклонялась от встречи с нашими судами. Русские делали вылазки в направлении Выборга, и имели мелкие баталии с неприятелем. Одну из них, более значительную, отпраздновали пальбой с крепости и из Адмиралтейства. Петр был на западной границе, наблюдая за Карлом XII, и вернулся в Петербург только в октябре. Пользуясь концом навигации, он плывал в заливе, показывал своим гостям Кроншлот, и однажды попал под выстрелы со шведского корабля. Затем осматривал Стрельну и выбрал там место для дворца.

23 ноября, в день именин Меншикова, возведенного за калишскую победу в княжеское достоинство, Петербург в первый раз увидел фейерверк и иллюминацию. На четырех улицах, выходявших к крепости, расставлены были транспаранты с соответствующими изображениями и надписями.

Нерадостно начался 1708 год. Война со шведами принимала решительный оборот. Союзник Петра, король Август II, отпал от него и примирился с Карлом XII. Вся тяжесть борьбы с воинственным героем лежала теперь на одной России. Неизвестность, где именно надо ждать вторжения, заставляла дробить и передвигать наши войска. Петр измучился, разъезжая по западному краю и приготавливая меры обороны. Здоровье изменило ему, и в марте он уехал в Петербург совсем больной. Тридцатипятилетнему богатырю пришлось слечь в постель. Приближенные испугались и дали знать царскому семейству в Москву об опасности. По весеннему бездорожью, сестры и невестки Петра пустились в трудный путь в Петербург. Больной между тем стал поправляться, и как только Нева вскрылась и прошел лед, выехал навстречу родным в Шлиссельбург, приказав следовать за собой и всему флоту. Торжественный въезд царицы и царевен в Петербург состоялся 25 апреля. Адмирал Апраксин встретил их на своей яхте за 4 версты выше города и ввел на пристань перед домом Меншикова, где для них приготовлено было помещение. Собственный домик Петра был очень мал и до крайности просто устроен, поэтому для всех торжественных случаев царь пользовался домом своего любимца, самым большим и богатым во всем Петербурге. Его называли также Посольским домом, потому что здесь давались аудиенции иностранным послам.

День приезда царицы и царевен закончился пиром, а на другой день утром в доме вспыхнул пожар, сильно всех напугавший. Дав своим царственным гостям время оправиться, Петр 2 мая возил их

в Кроншлот смотреть свой балтийский флот, а 13 мая, в день Вознесенья, предоставил им новое торжественное зрелище. В этот день происходила закладка второго каменного бастиона петропавловской крепости. Первый камень положил прибывший из Москвы местоблюститель патриаршего престола митрополит Стефан Яворский; второй камень заложил царь, следующие — царица, царевны и присутствовавшие сановники. Торжество закончилось банкетом в доме генерал-провиантмейстера князя Шаховского.

В июне Петр должен был внезапно прервать лечение и выехать к армии, так как мт Меншикова пришло известие о вторжении Карла XII в Украину.

Между тем опасность угрожала и Петербургу. Шведский король, зная что главные русские силы сторожат его на юге, приказал открыть решительные действия на севере. В августе выступила из Выборга 13-тысячная армия генерала Либекера, и в тоже время против острова Котлин собрался шведский флот. У реки Тосны Либекер стал готовить переправу. Генерал-адмирал Апраксин, заведывавший обороной Петербурга, пытался помешать переправе, но шведы, прикрываясь огнем артиллерии, успели перевезти на понтонных плотках 500 человек, которые тотчас окопались на левом берегу. Дальнейшая переправа совершилась беспрепятственно, и 30 августа вся шведская армия была уже на нашей стороне Невы. Апраксин, успевший стянуть свои силы, двинулся следом за ней, непрерывно ее тревожа, и наконец у Сойкиной мызы совсем ее окружил и отрезал ей все сообщения. Либекер возвел земляное укрепление и окопался, выжидая помощи с моря. Но флот бездействовал, а Апраксин 16 октября двинул войска на штурм, взял окопы, перебил третью часть шведской армии, а 3 тысячи человек взял в плен. Поражение Либекера было полное, и грозившая Петербургу серьезная опасность счастливо миновала.

Глава III

*Последние попытки шведов оттеснить русских от Невы. —
Празднества в царской семье. —
Петербург в первые девять лет своего существования.*

Решительный поворот в военных действиях настал в 1709 году, ознаменованном блестящей победой над шведами под Полтавой. Карл XII, лично распоряжавшийся своим войском, был разбит наголову и бежал вместе с изменником Мазепой в Турцию. Война еще далеко не закончилась, но шведы уже перестали быть грозными и опасными для Петра. Извещая генерал-адмирала Апраксина о по-

беде, царь писал: "Ныне уже совершенно камень в основание Санкт-Петербурха положен".

Сам он прибыл в Петербург уже к зиме, и 30 ноября дал обед "господам петербургским жителям" в частном трактире, или аустерии, иностранца Фельтена, единственного в то время ресторатора на берегах Невы. Банкет окончился фейерверком и иллюминацией.

Торжества по случаю полтавской победы происходили в Москве, которая все еще считалась столицей царства; но перенесение резиденции в Петербург было уже решено в уме Петра. В феврале 1710 года он сам туда вернулся и стал немедленно готовиться к походу на Выборг, без занятия которого не считал положение Петербурга вполне безопасным.

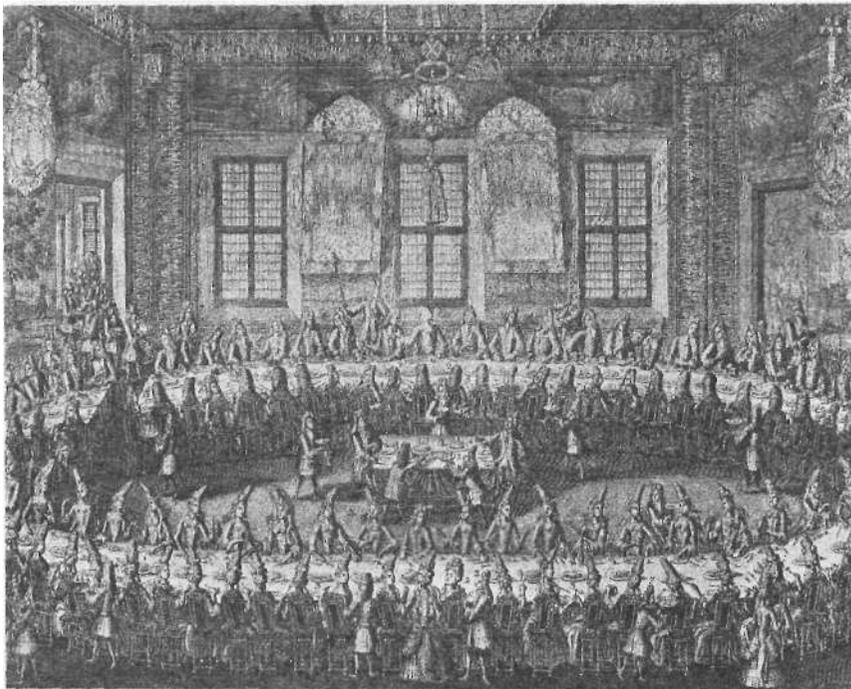
Русские войска подошли к Выборгу по льду, и устроив траншеи, открыли артиллерийский огонь. Но город стойко держался два с половиной месяца, и только 13 июня сдался на капитуляцию. Обрадованный Петр выразился, что "устроена крепкая подушка Петербургу". Вслед за Выборгом сдался русским войскам и Кексгольм.

В последний день октября 1710 года Петербург в первый раз видел большое придворное торжество, подобающее столице: в этот день происходило бракосочетание племянницы Петра, царевны Анны Иоанновны, будущей императрицы, с герцогом Курляндским. Для венчания избрана была церковь в доме князя Меншикова на Васильевском острове. Петр хотел отпраздновать свадьбу с возможной пышностью. Сам он, вопреки своему обыкновению, облекся в парадное платье: красный кафтан с бобровой оторочкой, со шпагой на серебряной перевязи. На голове у него был высокий напудренный парик, на который нельзя было шляпу надеть, и приходилось держать ее в руке. Царь сам вез невесту к венцу по Неве на катере. На гребцах были голландские куртки с вышитыми серебряными гербами. На другом катере следовали немецкие музыканты, игравшие на роговых инструментах. Жениха привезли с такой же торжественностью. Царь держал венец над герцогом, а Меншиков над царевной. По окончании венчания состоялся парадный обед тут же в доме Меншикова. Обед сопровождался любимой забавой Петра: на оба главных стола поставили два громадных кондитерских пирога, из которых среди общего смеха выскочили карлик и карлица. Петр взял карлика на руки и перенес его к карлице, после чего маленькая чета протанцевала среди блюд и графинов, французский менюэт. Когда смерклось, на невской набережной вспыхнули потешные огни и осветились транспаранты. На одном из транспарантов изображен был купидон, сковывающий молотом пылающие сердца, с надписью: "Два воедино соединяю". И надпись, и картина были придуманы самим царем.

Карлики вообще составляли одну из любимых забав Петра, и в следующем месяце он доставил себе и приближенным новое развле-

чение — потешную свадьбу карлика и карлицы, на которую собрано было отовсюду до 70 маленьких человечков обоего пола.

Петербург, после счастливого оборота военных действий против шведов, понемногу начинал оживать и кое-как застраиваться. Но весной следующего года Петру пришлось покинуть свою новую столицу: на Россию обрушилась война с Турцией, и царь вместе с армией отправился в неудачный Прутский поход. Неоправдавшиеся

Свадебный пир Петра I и Екатерины Алексеевны
19 февраля 1712 года

надежды добывать продовольствие в пострадавшей от неурожая местности поставили русскую армию, окруженную турецкими полчищами, в безвыходное положение. Пришлось вступить в переговоры и заключить невыгодный мир. Хотя армия была спасена, но трудности похода и его неудачная развязка расстроили здоровье Петра: он должен был поехать лечиться в Карлсбад. После другие дела задержали Петра за границей: устроилась свадьба сына его царевича Алексея с принцессой Брауншвейгской, невесткой императора Карла VI, и затем состоялось политическое свидание с прусским королем. В Петербург Петр возвратился только в самом конце 1711 года.

Наступил 1712 год, один из самых важных в первоначальной истории Петербурга, так как именно с этого года он становится дейст-

вительно резиденцией царского двора, и сосредоточивает на себе неотомимые заботы Петра.

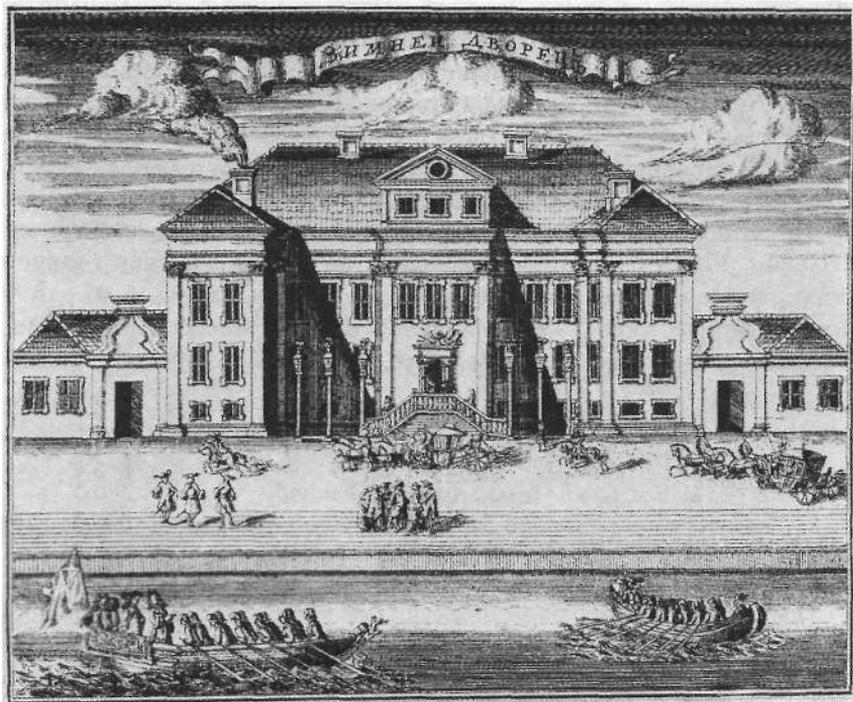
Счастливым торжеством ознаменовало первые месяцы этого года: в феврале состоялось бракосочетание Петра с Екатериной Алексеевной, разделявшей в последние годы все путевые труды и лишения царя, и оказавшей ему и государству важные услуги во время несчастного Прутского похода. Венчание происходило в Исаакиевском соборе, возле Адмиралтейства, в десятом часу утра. Оттуда новобрачные приехали в только что отстроенный "Зимний дом", на месте нынешнего Эрмитажного театра. К предложенному там обеду были приглашены не только придворные, сановники, офицеры, иностранцы, но на этот раз и жители Петербурга, чем-нибудь заслужившие внимание царя.

Петербургу шел тогда всего девятый год, и он не только не напоминал собой столицу, но даже не походил на значительный город. Военные и другие заботы отвлекали пока Петра от деятельных мер к застройке нового города. Казалось в первые годы мысль об утверждении здесь столицы еще неясно представлялась его уму. Петербургу придавалось значение морского порта, и только с течением времени стало очевидным твердое намерение царя противопоставить его, как новую столицу, старой Москве, и сделать центром обновленной государственной и культурной жизни. Такому решению содействовали и успехи в войне со шведами, и завязавшиеся деятельные отношения с иностранцами, и личное желание Петра начинать свое новое дело на новой почве.

Что же представлял собой городок перед тем как сделаться столицей и резиденцией?

Из громадного пространства, на котором раскинулся нынешний Петербург, тогдашняя городская площадь занимала очень незначительную часть. Сплошные застройки находились только в ближайшей к невскому берегу местности Петербургской стороны, называвшейся тогда "Городским островом". Там была воздвигнута крепость, сначала бревенчатая, потом каменная. К ней прилегало несколько улиц, застроенных небольшими домами, деревянными и изредка мазанками, т. е. наполовину кирпичными и наполовину деревянными. Набережная по обе стороны крепости была застроена до самой воды жалкими домишками и бараками, походившими на шалаши. На Васильевском острове, называвшемся так еще во времена новгородского владения, встречались отдельные постройки, и между ними самое большое и красивое здание — дом князя Меншикова. На Выборгской стороне тоже было несколько рядов очень бедных строений, и деревянная церковь святого Сампсония, заложенная в 1709 году в память полтавской победы. Близ крепости находился деревянный собор во имя святой Троицы.

На левом берегу Невы, где теперь расположен блестящий центр столицы, выстроено было только здание Адмиралтейства с укреплениями, и позади него церковь святого Исаакия. Кое-какие строения попадались разбросанными до реки Мойки. Вся эта часть называлась Адмиралтейским островом. За Мойкой шли уже леса, болота и пустыри. Для царского жилья существовали: маленький дворец, называемый нынче Домиком Петра Великого и принадлежавший

Зимний дворец Петра I

собственно государыне Екатерине Алексеевне, и дворец побольше, "зимний", на месте нынешнего Эрмитажа.

Таким образом, весь Петербург располагался почти на одной Петербургской стороне, которую надо считать его колыбелью. Предпочтение, отданное первоначально правому берегу Невы, объясняется отчасти тем, что и шведский Ниеншанц стоял на той же стороне, отчасти же необходимостью избрать наиболее удобное место для возведения укреплений. Крепость была центром зарождающегося поселения, и первые постройки примыкали к ней.

Там, на Петербургской стороне, или на Городском острове, дома располагались уже улицами. Кроме набережных, были улицы: Дворянская, Посадская и другие. За ними, по направлению к Карповке,

выстроены были солдатские слободы Белозерского полка и Татарская слобода, отведенная для калмыков, входивших в состав нерегулярной конницы. В той же стороне поселены были солдаты и офицеры Выборгского и Пермского полков.

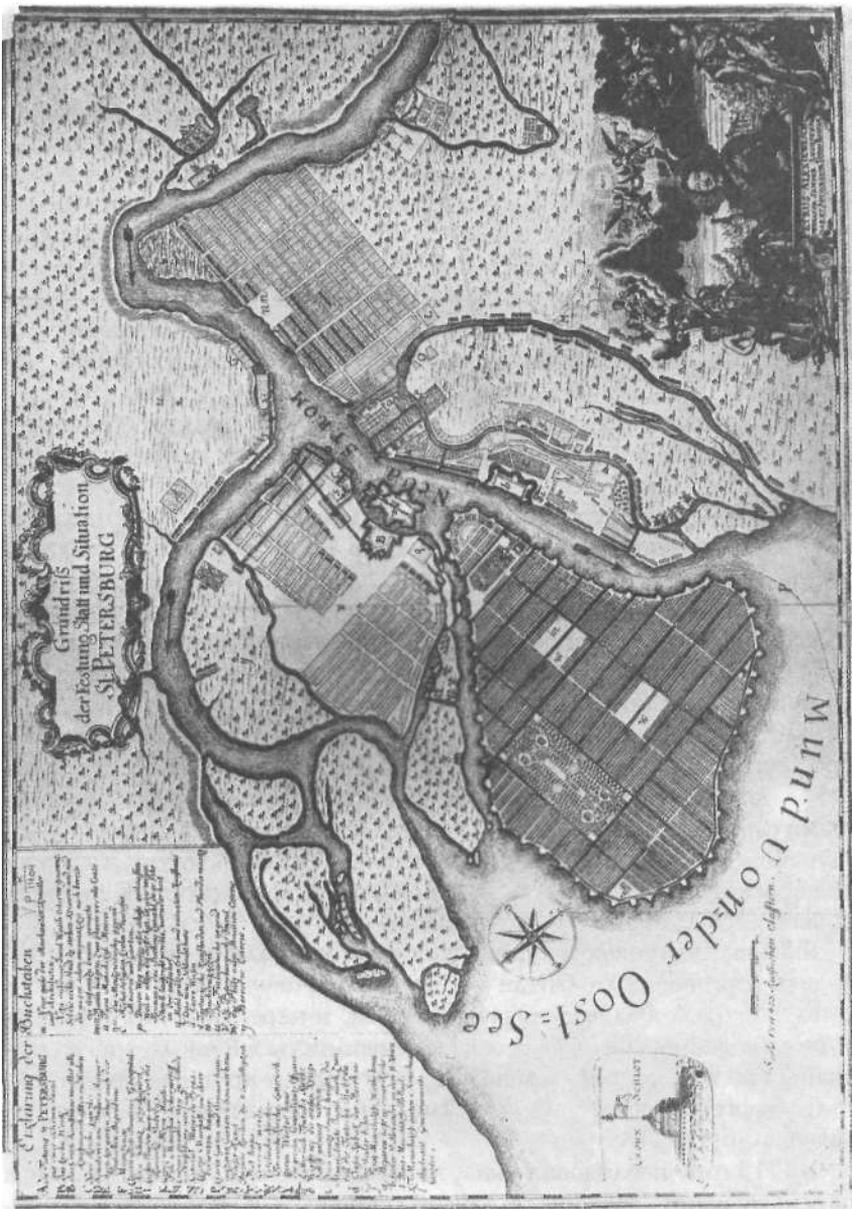
Хотя уже старались прокладывать правильные улицы, но большинство построек имело скученный и беспорядочный вид, как во всех старых русских городах. О предосторожностях в пожарном отношении никто не думал, и когда случался пожар, то ближайшие строения сгорали дотла. В особенности памятен был пожар в ночь на 28 июля 1710 года, испепеливший весь Ростовский рынок на самом берегу Невы, на Петербургской стороне. Здесь тесные ряды домов и лавок были выстроены в таком беспорядке, что когда вспыхнул огонь, доступ к рынку сделался невозможен, и несмотря на близость воды, весь участок выгорел за час.

Таков был Петербург в первые девять лет его существования. Только с 1712 года, когда назначение нового города, как главной столицы государства, вполне определилось, началась быстрая и правильная застройка улиц, площадей и набережных, и приступлено было к необходимым мерам городского благоустройства.

Глава IV

Заселение и застройка Петербурга. — Переход городского центра на левый берег Невы. — План архитектора Леблона.

Посвятив свои заботы устройству новой столицы и входя непосредственно во все подробности дела, Петр I, конечно, должен был руководствоваться и своим личным вкусом, и условиями местности и климата. По-видимому, его личный вкус во многом согласовался с характером петербургской природы. Здесь было много воды, а пристрастие Петра к судостроению и мореплаванию известно. Суровость климата, бедность почвы напоминали ему те города и страны, которые во время путешествия по Европе произвели на него наиболее сильное и благоприятное впечатление. На европейском юге Петр не был и не стремился туда. Его больше всего привлекала Голландия со своими морскими портами, речными дельтами, каналами, верфями, со своей мировой торговлей, выдающимся положением торгового и промышленного класса, богатством без роскоши, трудолюбием, грубоватой общительностью нравов и простым складом жизни. Поэтому понятно, что Голландия оставалась для него идеалом счастливого и благоустроенного государства, и что все виденное им там неотступно преследовало его мысль, когда пришлось создавать русскую столицу в обильной водами, суровой и бедной Ингрии.

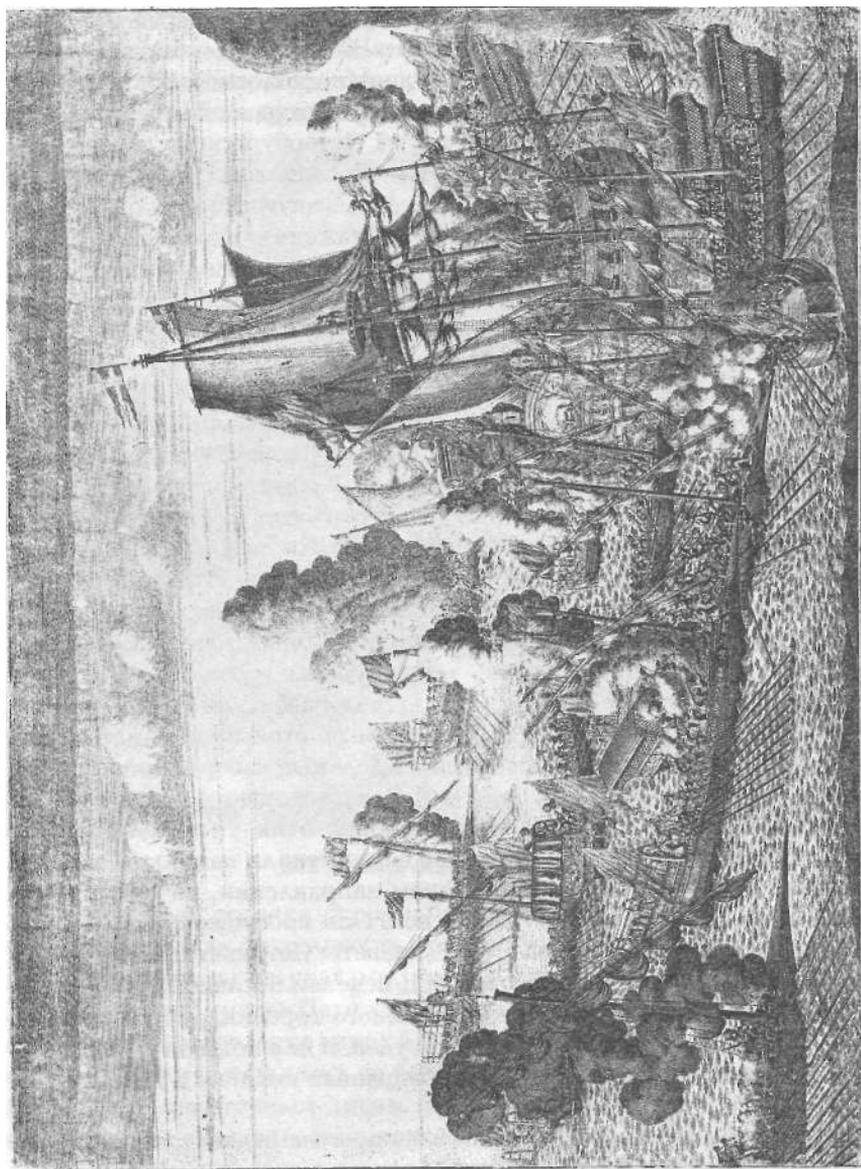
План С.-Петербурга в царствование Петра I

Было и еще обстоятельство, которое могло побудить Петра отдать предпочтение голландскому типу городского устройства и городской архитектуры. Большие европейские столицы: Лондон, Париж, Вена, были полны исторических памятников, остатков феодализма и средневекового католичества. Они были слишком неразрывно связаны с общественным и церковным строем, чуждым русскому быту. Голландия же была государством сравнительно новым, образовавшимся уже после падения рыцарства, и ее большие города были скорее центрами развивавшейся торговой и промышленной деятельности, чем исторической и политической жизни. Поэтому такая столица, как Амстердам, должна была представляться Петру образцом наиболее удобным для подражания. Хотя при застройке и украшении Петербурга Петр пользовался искусством итальянских и французских архитекторов, но предпочтение голландскому зодчеству в нем сохранилось, и ясно выразилось во всех главнейших сооружениях его царствования — в Петербурге, Петергофе и Кроншлоте.

Окончательно решив судьбу Петербурга, как столицы и резиденции, Петр прежде всего озаботился мерами по его заселению. Нужны были не одни только пришлые рабочие, отбывавшие двухмесячную очередь, но и постоянные жители. Поэтому еще в 1710 году Петр приказал переселить в Петербург до 15 тысяч разных мастеровых людей из внутренних областей, с их семьями, отвести им земельные участки и построить дома за счет казны. Раздача земель вообще была обычным явлением, и все нужные люди, которых желательно было удержать в новом городе, получали бесплатно участки под дома и дачи. Таким образом очень быстро, хотя и очень плохо, застроилась вся обширная площадь между нынешними Невским проспектом, Большой Садовой улицей, Колодной и Невой. Здесь образовался целый ряд "переведенских" слобод, заселенных вызванными отовсюду мастеровыми людьми. Для других рабочих и служилых людей отводились места в нынешней Литейной части, а также в Московской стороне, то есть за рекой Фонтанкой, которая в то время называлась Ериком.

Вызывались также и купцы, и их тоже заставляли строиться и заводить торговое дело. Среди московского купечества правительство само выбирало более деловитых людей, и перевозило их в Петербург за казенный счет, вместе с их движимостью. В числе других вызваны были таким образом в Петербург первые крупные представители торгово-промышленного сословия: Филатьев, Панкратьев, Исаев и другие.

В 1713 году последовал указ, которым все лица, причисленные к царскому двору, обязывались безотлучно жить в Петербурге и строить там дома. Указ этот относился и к царевичу Алексею, который по своим личным склонностям предпочитал старую столицу Москву. Раньше он считал свое пребывание в Петербурге временным, и по-

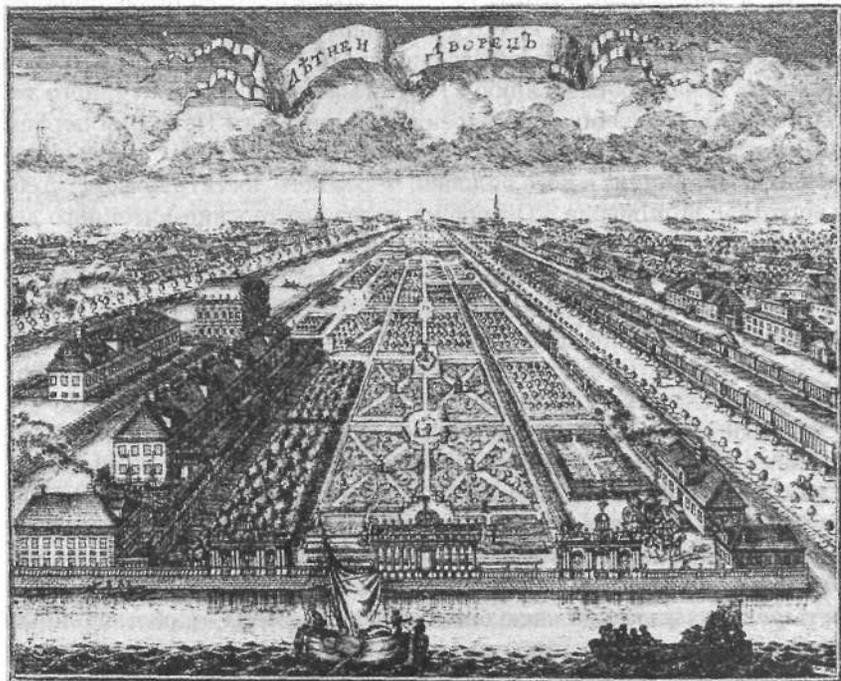
Баталия при Гапугте 27 июля 1714 года

мешался в крошечном домике на Посадской улице, состоявшем всего из двух комнат со службами. Там он поселился и после вступления в брак, предполагая вскоре переехать в Москву; но упомянутый указ разрушил его намерения. Царевич принужден был строить себе новый дом на избранном для него месте на невской набережной в Литейной части, рядом с домом тетки его Наталии Алексеевны, любимой сестры Петра I. При постройке дома пришлось сообразоваться с другим укаим, от 4 апреля 1714 года, воспрещавшим строить деревянные дома на набережной Невы, на Петербургской стороне и на Адмиралтейском острове (между Невой и Мойкой). Однако каменного дома царевич не стал возводить, а выстроил так называемую "мазанку". Здание это имело в длину 14 сажень и состояло из 16 комнат, разделявшихся на две половины: самого царевича и супруги его крон-принцессы. Последняя половина в расположении и убранстве комнат носила европейский характер, тогда как на собственной половине Алексей понаделал, по московскому обычаю, множество пегородок и полутемных клетушек.

Благодаря таким мерам, Петербург с 1712 года быстро застраивался. Возводились дворцы для царя и лиц царской семьи, дома для приближенных и начальствующих лиц. Кроме "Зимнего дома" на месте нынешнего Эрмитажа, Петр выстроил еще "Летний дом", там, где теперь находится Инженерный замок. На невской набережной, вблизи Литейной, возведен был дом для царевны Наталии Алексеевны, а вокруг дворца царевича Алексея расположились дома его приближенных. На месте нынешнего Мраморного дворца построен был Почтовый двор. Рядом делались просеки в роще, занимавшей тогдашний Царицын луг, и работали над разбивкой сада с цветником однолетних растений, получившим по этой причине название Летнего. За Литейной прорыли параллельные набережной каналы, образовавшие улицы Шпалерную, Захарьевскую и Сергиевскую, называвшиеся тогда "линиями". Ширина этих улиц объясняется тем, что первоначально посередине их протекали каналы. Такие же каналы прорыты были в поперечном направлении, на улицах Литейной, Воскресенской и Таврической. Они просуществовали не более полувека, и с царствования Елизаветы Петровны мало-помалу их стали засыпать. При Екатерине II исчезли последние из них. На Фонтанке, на месте нынешнего Соляного городка, устроена была Невская верфь для мелких речных судов, и для подвоза к ней материалов прорыт косой канал, превращенный позднее в Косой переулок.

Таким образом, левый берег Невы постепенно застраивался. Но распространение города в эту сторону едва только доходило до Фонтанки, называвшейся в то время Ериком, а свое нынешнее название получившей от фонтанов, устроенных в Летнем саду. Местность за Фонтанкой считалась уже загородной. Здесь располагались обшир-

ные дачи и стояли болотистые леса. Невский проспект стали прокладывать уже при постройке Александро-Невского монастыря, пользуясь для работ пленными шведами. Улица эта, сделавшаяся позднее главнейшей в столице, представляла в то время печальный вид. По обеим сторонам ее тянулись канавы, обсаженные деревьями, за канавами шли разбросанные строения, а местами тянулись болотистые луга, пруды, рощи. Мост через Фонтанку, на месте нынешнего Аничкова, был деревянный и содержался неисправно.

Вид Летнего сада в 1717 году

Петр не был доволен скромными размерами, в каких выражалась строительная деятельность в новой столице, и чтобы подвинуть ее, издавал указы за указами, часто принудительного характера. По всей России, кроме Петербурга, воспрещено было на неопределенное время возведение каких бы то ни было каменных построек, и все каменщики высылались на берега Невы. Приближенным к царю или вообще зажиточным лицам раздавались в Петербурге земельные участки с обязательством строиться в известных размерах; усиливалось и строительство за счет казны, для государственных надобностей.

В то же время Петр сознавал, что дальнейший правильный рост столицы требует определенного, заранее выработанного плана, и

что в этом громадном деле нельзя обойтись одними домашними средствами. Требовался опытный и талантливый инженер-архитектор, вооруженный европейскими знаниями. Такого сотрудника Петр нашел в лице парижского архитектора Леблона, выписанного в Петербург в 1715 году, и составившего общий план города на обоих берегах Невы.

Леблон был человек чрезвычайно способный, знающий и деятельный; он сразу приобрел доверие Петра, который называл его "прямой диковинкой". Хотя его план города никогда не был вполне приведен в исполнение, но его деятельность в звании генерал-архитектора оказалась в высшей степени важной хотя бы потому, что он положил начало образованию в России мастеров архитектурного дела, лепщиков, резчиков по дереву и прочим. Сам Петр при первом знакомстве оценил в Леблоне, что он "кредит имеет великий в мастеровых во Франции, и кого надобно, через него достать можем". Леблон тотчас по приезде в Петербург завел мастерские литейного дела, лепного, шпалерного, гобеленового, слесарного, резного, художественно-столярного — всего до двадцати заведений, и таким образом сразу обеспечил новую столицу необходимыми для строительных работ мастерскими.

Вникая в мысли и вкус царя, Леблон хотел самым широким образом воспользоваться водными богатствами неевского устья. По его плану, Петербург должен был представить некоторое подобие Амстердаму и Венеции, объединенное и украшенное во вкусе парижских строителей времен Людовика XV. Центральные части города с Васильевским островом должны были быть разрезаны на правильные и неправильные четырехугольники продольными и поперечными каналами, расширяющимися на пересечении в бассейны. Середину четырехугольников должны были занимать площади, обставленные красивыми зданиями, с фонтанами в центре и иногда с прилегающими садами. На сады, согласно указаниям Петра, обращено было особенное внимание, и в этом отношении Петербург уже тогда отличался большой роскошью. Летний сад был разбит на громадном пространстве, захватывая часть Царицына луга, пестрел богатыми цветниками, украшался павильонами, гротами, статуями; в числе последних была знаменитая греческая Венера, названная потом Таврической, потому что долго стояла в Таврическом дворце, и украшающая ныне античное отделение Эрмитажа.

На Васильевском острове еще раньше Леблона, по мысли самого царя, рыли три больших канала по направлению Невы, где теперь тянутся Большой, Средний и Малый проспекты. Этими каналами предполагалось достигнуть двух целей: облегчить доступ торговых судов к Петербургу, и ослабить силу наводнений. Но работы в отсутствии Петра производились плохо, каналам не дали достаточной глубины и ширины. Леблон исправил первоначальный план, допол-

нив его рядом поперечных каналов, наметив площади, бассейны, места для главного царского дворца. Но все это было выполнено лишь отчасти, первоначальная мысль Петра не осуществилась, и впоследствии каналы на Васильевском острове, а также в Литейной части, как несоответствующие своему назначению, были засыпаны.

Леблон был не только строителем новой столицы, но ему принадлежат также первые заботы о внутреннем благоустройстве города. Он хотел ввести в Петербурге порядки, существовавшие в то время в Париже и других европейских столицах. В своих докладах царю он предлагал меры, касавшиеся освещения и замощения улиц, соблюдения наружной чистоты, и даже полицейского надзора за безопасностью от пожаров, грабежей и бродяг. На всех главных улицах поставлены были масляные фонари по рисунку самого Леблона. Для снабжения города мостовым камнем вменено было в обязанность каждому возу при въезде в город иметь три булыжника, и каждой барке привозить установленное количество камня. На окраинных улицах и на перекрестках стояли рогатки, и при них, в ночное время, жители города содержали по наряду очередные караулы. В каждой части города предполагался рынок; для больниц, богаделен и скотобоен по плану Леблона указаны были места на окраинах.

С 1718 года, когда учреждена была должность генерал-полицеймейстера, заботы о внешнем благоустройстве города перешли к генерал-адъютанту Девиеру. Родом португалец, Девиер служил прежде в денщиках при Петре, и своей расторопной исполнительностью рано обратил на себя внимание царя. Назначая его начальником впервые создаваемой городской полиции, Петр составил ему в руководство собственноручный указ, которым определялись главные обязанности полицейской власти и важнейшие правила благоустройства и благочиния. Правила эти касались пожарных предосторожностей, исправного содержания улиц и каналов, торговли съестными припасами, задержания воров, бродяг и нищих. Состав городской полиции был очень незначительный, и в царствование Петра I не превышал 100 человек.

Глава V

Торжества в Петербурге по случаю заключения Ништадского мира. — Невский монастырь, школа и типография при нем. — Перенесение святых мощей Александра Невского.

Ништадским миром покончена была долголетняя тяжелая и славная война со Швецией. Россия вышла из этой войны обладательницей Балтийского побережья и могущественной европейской державой. И сам Петр, и его соратники хорошо понимали значение

мира, утвердившего за Россией плоды усилий и побед. Поэтому осень 1721 года прошла в Петербурге в чрезвычайных празднествах, в которых, по обычаю Петра, торжественность соединялась с простодушной веселостью.

4 сентября Петр, находясь на бригантине у острова Котлин, получил первое известие о заключении мира. Он сейчас же отправился в Петербург и, вступив в устье Невы, приказал стрелять из пушек и трубить. Народ повалил к Троицкой пристани; туда же поспешили сановники и высшее духовенство. Царь, сойдя на берег, направился в Троицкий собор и отстоял молебен. Тем временем на площадь выкачены были кадки с вином и пивом, и устроено было возвышение для царя. Петр вступает туда и поздравляет народ с заключением славного мира. Народ ликует; с крепости раздается пушечная пальба, выстроенные полки стреляют из ружей. По улицам города разъезжают, в роли герольдов, драгуны с белыми перевязями через плечо; перед ними трубят трубачи.

В октябре, после ратификации мирного договора, начались новые торжества. 22 октября Петр с генералами и сановниками слушал обедню в Троицком соборе. После литургии прочтен был во всеуслышание текст договора. Затем архиепископ Феофан Прокопович произнес слово, в котором, восхваляя заслуги и дела царя, заявил, что благодарная страна желает назвать его императором и отцом отечества, и канцлер Головин, повторив в краткой речи перечисление заслуг Петра, обратился к нему со всенародной просьбой принять эти титулы. Сенаторы три раза провозгласили "виват"; тот же крик повторен был толпой в церкви и на площади. Загудели колокола, загремели трубы и барабаны, раздалась пальба. Столица ликовала.

С Троицкой площади царь со свитой отбыл в Сенат, где был приготовлен торжественный обед. После обеда состоялись танцы, а вечером зажжен был великолепный фейерверк. Нарочно устроенная декорация изображала храм бога войны Януса. В ознаменование окончания войны, двери храма были затворены, и на страже их стояли, подав друг другу руки, двое коронованных рыцарей, изображавших Россию и Швецию. По обеим сторонам храма стояли щиты с изображением Справедливости, попирающей фурий, и входящего в пристань корабля с латинской надписью: "Finis coronat opus" (Конец венчает дело). Во время фейерверка снова грянула пальба с крепостных стен и с галер на Неве, прибывших к этому дню из Финляндии. Для угощения народа выставлен был жареный бык, а по сторонам его были фонтаны красного и белого вина. Затем в следующие дни опять пошли маскарады, и потехи закончились только 29 октября обедом в здании Сената для всех участвовавших в процессиях.

Так шумно и торжественно отпраздновал Петр Ништадский мир, закончивший собой самый трудный и деятельный период его царствования. Он уже видел плоды своих дел и мог утешаться быстрым

Прибытие в Петербург захваченных 30 мая 1719 года
шведских галер

ростом своего любимого создания — Петербурга. Когда достроена была колокольня собора в крепости, Петр всходил туда на самый верх и с высоты любовался зрелищем раскинувшегося по обе стороны величественной Невы города. Его уже могло радовать и правильное расположение улиц и каналов, и умножавшееся год из года число каменных строений.

Вдалеке от тогдашнего центра, вверх по Неве, привлекала внимание Петра местность, отведенная им под монастырь святого Александра Невского. По преданию, именно в этой местности одержана была князем Александром в 1241 году победа над шведами, и Петр давно уже дал ей поэтому название "Виктори"*. Еще в 1710 году он предположил построить здесь монастырь, а три года спустя там уже была освящена деревянная церковь Благовещения, и при ней стали строить монастырские кельи, сначала тоже деревянные. Но в 1717 году приступили уже к постройке каменного монастыря и других зданий, по плану архитектора Трезини. Вскоре заложен был и собор во имя святой Троицы, но постройка шла неудачно, фундамент стал расползаться, и пришлось выводить новый. К собору примыкали, в виде крыльев, каменные корпусы с кельями. Часть этих келий занята была под богадельню и больницу для инвалидов, а часть под школу для детей духовного звания. Учебное заведение это называлось сначала Цифирной школой, потом Славяно-греко-латинской семинарией, затем Главной семинарией, и наконец при Павле I преобразовано в Духовную академию.

Здесь же, в одном из монастырских корпусов, основана была значительная казенная типография, в которой печатались "Ведомости" — официальная газета, начатая в Москве и перенесенная в новую столицу, а также книги и другие издания, по преимуществу относящиеся к церковным делам и интересам. Петр очень интересовался работами типографии и отстаивал ее против нападок некоторых духовных лиц, не сочувствовавших нововведениям архиепископа Феофана Прокоповича. Царь вообще любил Невский монастырь и нередко посещал его; там до сих пор сохраняется простая кровать, на которой он спал во время говения в лавре.**

Желая, чтобы новый монастырь приобрел еще большее значение, Петр решил перенести туда святые мощи Александра Невского, покоившиеся во владимирском Рождественском монастыре. Перенесение совершилось 30 августа 1724 года, и явилось одним из исторических событий в жизни Петербурга. Гробницу с останками святого князя несли на руках до Новгорода, а оттуда она следовала на яхте по р. Волхову, Ладожскому озеру и Неве. Царь выехал на встречу святым мощам в Усть-Ижору и отвез их в Петербург на собственной

*Victory (англ.) — победа.

**В наше время хранится в Летнем дворце Петра I.

галере, лично управляя рулем, причем важнейшие сановники гребли веслами. При приближении галеры к пристани, навстречу ей выведен был старый бот Петра, называвшийся "дедушкой русского флота"; Петр с сановниками подняли раку и перенесли ее в церковь Благовещения. В течение трех дней в монастыре происходило празднование торжественного события, и повелено было на вечные времена чествовать 30 августа память святого князя Александра Невского.

Глава VI

День Петра I. — Его двор. — Судьба князя Меншикова. — Роскошь вельмож. — Общественные развлечения: ассамблеи, праздники в Летнем саду, катанья по Неве. — Царская резиденция в Петергофе.

Создав Петербург, Петр стремился также создать в нем общество и общественную жизнь. Московские и провинциальные бояре, не состоявшие на службе и предпочитавшие старину, неохотно селились в новой столице, где приходилось подчинять свою жизнь вкусам и требованиям царя. Но всех искавших службы, или лично ему известных, Петр обязывал жить и строиться в Петербурге, поощряя их отличиями и жалуя им земельные участки в городе. Таким образом, к концу царствования новая столица имела уже значительный круг дворян и служилых людей, усвоивших себе более или менее европейскую внешность, и перенимавших постепенно многое из европейских обычаев. Рядом с этим русским обществом стояла многочисленная колония иностранцев разного происхождения и всяких званий: ученых, художников, специалистов по многим отраслям знания и деятельности, военных людей, купцов, моряков, мастеров и ремесленников. Понимая значение этих людей для своей преобразованной страны, Петр оказывал им всякое покровительство, стремился сблизить их с русскими людьми, и в обращении с ними отличался такой же доступностью и простотой, как с самыми знатными боярами и сановниками.

Среди всего этого разнохарактерного населения Петр был настоящим хозяином, вездесущим, во все входящим, всему дающим движение и настроение. Его высокую, богатырски сложенную фигуру, с одушевленным и строгим лицом, с острым пронизывающим взглядом, одетую в короткий поношенный кафтан, ежедневно видели на улицах и каналах Петербурга. Он то проезжал в одноколке с Меншиковым или другим приближенным лицом, то катался на катере или маленькой яхте, то ходил по мастерским и постройкам, осматривая работы, давая указания, проверяя исполнение; нередко тут

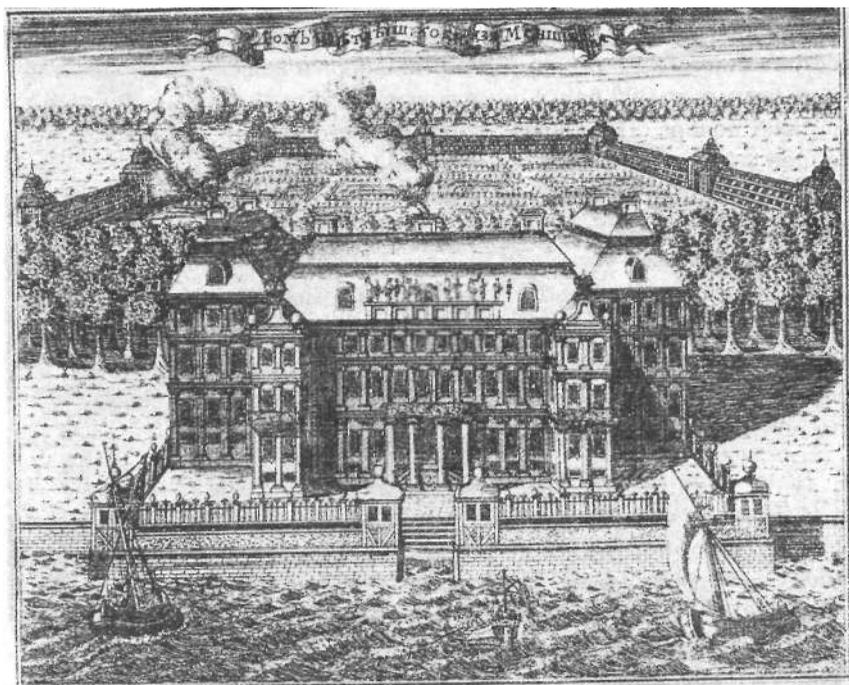
же брался за топор или какой-нибудь инструмент, помогая мастеру или обучая рабочего. А в часы отдыха и в дни каких-нибудь чрезвычайных празднеств его видели в аустерии, курящим трубку со своими русскими и иностранными соратниками, веселящимся среди приближенных на каком-нибудь потешном маскараде, беседующим с иностранными послами и купцами на "ассамблее", угощающим народ в Летнем саду, или участвующим в увеселительной прогулке по Неве.

Стремясь воздействовать на всех своим личным примером, Петр был первым работником в своей стране. Он любил говорить: "Я царь, а у меня мозоли на руках". Действительно, он трудился необычайно, и труд его отличался всеобъемлющим разнообразием. Вставал он очень рано, до свету, и в три или в четыре часа утра уже присутствовал на совете министров. Обсудив там со свойственной ему быстротой множество дел, он отправлялся в Адмиралтейство, где следил за постройкой судов и давал на месте решения по вопросам, с которыми к нему обращались должностные лица и мастера. Здесь он нередко сам брался за топор и работал над постройкой корабля. Потом, зайдя домой, занимался токарным делом, которое чрезвычайно любил и в котором был необыкновенно искусен. В 11 часов Петр садился обедать; но вопреки старинному обычаю, он не любил долго оставаться за столом, и обед его состоял из немногих простых блюд, в числе которых непременно каждый день подавался его любимый студень. Иногда перед обедом царь заходил в "герберг" (трактир) на Троицкой площади, и выпивал рюмку анисовой водки. Так как это происходило после занятий в Адмиралтействе, то Петр выражался, что "пробил адмиральский час". После обеда он короткое время отдыхал, а затем отправлялся на постройки, посещал мастерские, осматривал суда и т. д. Вечером Петр обыкновенно посещал кого-нибудь из своих любимцев, и рано возвратясь к себе, ложился спать. Вообще день Петра был полон самого разнообразного труда, и он вполне оправдывал своим образом жизни любимую свою поговорку: "Делу время, а потехе час". Пушкин прекрасно очертил его образ в строчках стихотворения:

То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник —
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник.

Двор великого царя и весь его домашний обиход отличался чрезвычайной простотой. Личный штат Петра состоял из денщиков, выбираемых часто между людьми самого простого звания. Знакомясь с их способностями и характерами, царь давал им потом различные государственные должности, и некоторые из денщиков достигали

впоследствии высокого звания. Меншиков, Ягужинский, Девиер, фельдмаршал Бутурлин вышли из денщиков. Супруга Петра, Екатерина Алексеевна, позволяла себе больше роскоши: она любила дорогие наряды и уборы, в чем ей старались подражать придворные дамы. Царь старался, впрочем, ограничить развивавшееся в петербургском обществе шегольство, и особым указом воспретил выделять более чем из 50 пудов серебра позументов в год; другим указом ограничивался ввоз заграничных шелковых материй и парчи.

Дворец князя Меншикова на Васильевском острове

Тем не менее, некоторые даже из приближенных к Петру лиц жили с чрезвычайной для того времени роскошью. Первый пример в этом отношении подавал главный любимец царя, Меншиков. О нем здесь кстати будет сказать несколько слов, так как личность его — одна из самых замечательных среди сподвижников Петра. Он был весьма незнатного происхождения, и по преданию, мальчиком торговал в Москве пирогами, потом находился в услужении у швейцарца Лефорта, а затем попал в Преображенский полк. Петр взял его к себе в денщики, и с этих пор начинается его быстрое возвышение. Неученый, малограмотный, но чрезвычайно сметливый и способный, молодой денщик полюбился царю своей расторопностью, преданностью и умением понять и оценить намерения великого преобра-

зователя. Война со шведами дала Меншикову возможность обнаружить и военные дарования. Осыпанный наградами, любимец царя еще в молодых годах возведен был в княжеское достоинство и достиг звания фельдмаршала. Он был почти неразлучен с Петром, и являлся неизменным исполнителем самых трудных его замыслов. За заслуги и дарования царь прощал ему многие провинности. Меншиков любил пышность и почет. Дом его с самого основания Петербурга был лучшим по обширности и внутренней отделке, так что Петр, до постройки дворца на левом берегу Невы, принимал в нем иностранных послов. У Меншикова был собственный придворный штат, состоявший из камергеров, камер-юнкеров и пажей. На обедах у него подавали до 200 блюд, и кухней распоряжались выписанные из Парижа повара. Парадные выезды Меншикова отличались царственной пышностью. Впереди шли скороходы, музыканты и пажи; затем двигалась великолепная карета заграничной работы, с золотой княжеской короной наверху и гербами на дверцах, запряженная шестерней богато убранных лошадей цугом. Верховые гайдуки в форме драгун собственного полка князя замыкали выезд. Немудрено, что народ собирался на улицах толпами, чтобы полюбоваться таким зрелищем.

По смерти Петра Меншиков еще некоторое время оставался в силе. Партия его, склонив на свою сторону гвардию, несмотря на сильную оппозицию при дворе, добилась провозглашения Екатерины Алексеевны императрицей. Безграничное влияние, которое и прежде имел на малообразованную, неспособную к самостоятельным поступкам вдову государя, позволило ему теперь стать истинным правителем огромной Российской империи.

Достигнув, казалось бы, предела возможного, он уже просто не имел сил удержаться от все новых и все более рискованных авантюр. Не зря выдавший виды царедворец, датский посол Юст Юль, назвал его "во всем, что относится до почестей и наживы, ненасытнейшим из существ, когда-либо рожденных". В последние годы Меншикову особенно не давало покоя то чисто моральное превосходство, которое имели перед ним представители старинных боярских родов. Наследника престола, юного Петра Алексеевича, он ухитрился обручить со своей дочерью Марьей — прежде на Руси о подобной чести могли мечтать лишь "изстаринные природные дети боярские". Но этою было мало его ущемленному самолюбию: уже не чести ищет он среди последних, но любви и поклонения. Не было вернее способа возвыситься при дворе Екате-

Ассамблея при Петре I

рины I, чем убедить временщика в самом искреннем к нему расположении.

Однако князь Алексей Долгорукий, также имевший смелые мечты и дочь на выданье, сумел не только войти в доверие юного императора, но и восстановить его против светлейшего князя. После недолгой борьбы над головой Александра Даниловича разразилась, наконец, гроза: опозоренный, лишенный всех чинов, всего своего громадного состояния, осенью 1727 года со всем своим семейством он был отправлен в ссылку в Сибирь. Сбылось предсказание Петра I, однажды с грустью заметившего: "Меншиков в беззаконии зачат, во гресех родила мать его, и в плутовстве скончает живот свой, и если он не исправится, то быть ему без головы..."

Умер Александр Меншиков в 1729 году в городе Березове, семейство же его двумя годами позже было помиловано императрицей Анной Иоанновной, и вернулось в столицу.

Чрезвычайной роскошью и хлебосольством отличался также во времена царствования Петра I адмирал граф Апраксин. Его двухэтажный дом, на месте нынешнего Зимнего дворца, с обширным садом по берегу Невы, славился отделкой и дорогой заграничной мебелью. В этом доме собиралось и пировало все петербургское общество.

Знаменитый сподвижник Петра, граф Борис Шереметев, выделялся среди других вельмож тем, что не любил излишества в питье. За его обедами, где ставилось обыкновенно до 50 приборов, пили умеренно, и сам Петр никогда не принуждал его пить, зная что вино не доставляет ему удовольствия.

Среди своих обширных преобразований Петр заботился также о том, чтобы ввести в своей новой столице европейские формы общесобрания. С этой целью он устроил "ассамблеи" — первый опыт общесобраний. Установленные в 1718 году, они продолжались до конца царствования Петра и в первые годы после его кончины. Петр в своем указе пояснял, что ассамблея — "вольное собрание или съезд, делается не для только забавы, но и для дела, ибо тут можно друг друга видеть, обо всякой нужде переговорить, также слышать где что делается. При том же забава". Устраивались ассамблеи в течение зимы поочередно в домах вельмож, причем хозяин предоставлял гостям только помещение и освещение, сам же не обязан был ни встречать, ни провожать, ни занимать их, и даже мог не быть дома. Гости собирались с 4 часов дня и оставались до 10 часов вечера, проводя время в разговорах, танцах и играх. Приезжать надо было не-

пременно с женами и взрослыми дочерьми, так как царь в особенности желал приучить русских к женскому обществу и нарушить старый московский обычай семейной замкнутости, Вход в ассамблеи предоставлялся всем дворянам, военным и гражданским чинам, знатным купцам и старшим мастеровым людям. Иноземцы, от состоящих при посольствах до шкиперов и мастеров, играли тут выдающуюся роль; но современник Петра камер-юнкер Берхгольд жаловался, что русские дамы и девушки "охотнее выбирают молодых неотесанных русских, большею частью унтер-офицеров гвардии, чем нас, иностранцев".

Отличительной чертой ассамблей, правила для которых составил сам царь, была чрезвычайная простота обращения. В намерения Петра входило ограничить кичливость знатных московских бояр и поставить деловые заслуги и полезный труд наравне со знатностью происхождения; поэтому в разнообразном обществе, собиравшемся на ассамблеях, все пользовались одинаковыми правами. Сам Петр первым подавал пример доступности, и запрещал вставать с поклонами при его появлении. Нарушившие правила ассамблей подвергались взысканиям, например, принуждались выпить огромный "кубок белого орла", наполненный вином.

Здесь к месту привести превосходное описание ассамблеи в царском дворце, сделанное Пушкиным:

"В большой комнате, освещенной свечами, которые тускло горели в облаках табачного дыма, вельможи с голубыми лентами через плечо, посланники, иностранные купцы, офицеры гвардии в зеленых мундирах, корабельные мастера в куртках и полосатых панталонах, толпой двигались взад и вперед при непрерывном звуке духовой музыки. Дамы сидели около стены; молодые убраны были со всей роскошью моды. Золото и серебро сияло на их робах; из пышных фижм возвышалась, как стебель, их узкая талия; алмазы сверкали в ушах, в длинных локонах и около шеи. Они весело поворачивались направо и налево, ожидая кавалеров и начала танцев. Барыни пожилые старались хитро сочетать новый образ одежды с гонимой старинной; чепцы сбивались на соболью шапочку царицы Натальи Кирилловны, а робронды и мантильи как-то напоминали сарафан и душегрейку. Казалось, они более с удивлением, нежели с удовольствием присутствовали на сих нововведенных игрищах, и с досадой косились на жен и дочерей голландских шкиперов, которые, в канифасных юбках и в красных кофточках, вязали свой чулок, между собой смеялись и разговаривали, как будто дома.

Императрица и великие княжны, блистая красотой и нарядами, прохаживались между рядами гостей, приветливо с ними разговаривая. Государь был в другой комнате. Там сидели большей частью иностранцы, важно покуривая свои глиняные трубки и опоражнивая глиняные кружки. На столах расставлены были бутылки пива и ви-

на, кожаные мешки с табаком, стаканы с пуншем и шахматные доски. За одним из них Петр играл в шашки с одним широкоплечим английским шкипером. Они усердно салютовали друг друга залпами табачного дыма. В это время толстый господин, с толстым букетом на груди, суетливо вошел, объявив громогласно, что танцы начались, и тотчас ушел; за ним последовало множество гостей.

Во всю длину танцевальной залы, при звуке самой плачевной музыки, дамы и кавалеры стояли в два ряда друг против друга; кавалеры низко кланялись, дамы еще ниже приседали, сперва прямо против себя, потом поворотясь направо, потом налево, и так далее. Приседание и поклоны продолжались около получаса; наконец они прекратились, и толстый господин с букетом провозгласил, что церемониальные танцы кончились, и приказал музыкантам играть менуэт".

Зимние общественные развлечения ограничивались этими ассамблеями, парадными обедами и спектаклями в театре, построенном в 1720 году на Мойке, близ Полицейского моста. В этом первом петербургском театре иностранная группа Манна давала оперы. В летнее время местом публичных увеселений был Летний сад, занимавший тогда гораздо большее пространство, чем теперь.

Петр чрезвычайно любил этот сад, и постоянно заботился об его улучшении. Разбивка сада произведена была по плану архитектора Леблона, который выполнил также рисунки для фасада летнего царского дворца, гротов и птичника. Последний, в стиле китайской пагоды, отличался затейливостью и красотой. Вокруг пруда, сохраняющегося и ныне, шла крытая деревянная галерея, под которой публика спасалась от дождя. В саду были устроены гроты красивой архитектуры, и в них помещались мраморные и свинцовые статуи, а впереди стояли скамейки и столики. Длинные, прямые аллеи сада были обсажены липами, часть которых сохраняется до настоящего времени. Петр выписывал, кроме того, для своего любимого сада разные южные породы — ильмовые деревья, грабы, розовые кусты, луковичные и другие цветущие растения. Несколько фонтанов, снабжавшихся водой из Фонтанки, украшали сад.

В Летнем саду Петр давал праздники, собиравшие многочисленную публику. Гуляющим предлагалось угощение. С наступлением сумерек зажигалась "огненная потеха", то есть фейерверк.

Часто устраивались также катанья на Неве. У каждого из петербургских домохозяев были свои парусные и гребные шлюпки, на которых в назначенные дни и часы все должны были выезжать на Неву, к крепости. Отсутствующие или уезжавшие раньше срока наказывались штрафами. Царь с царицей и всем двором всегда участвовал в этих увеселительных прогулках, представлявших великолепное зрелище, благодаря многочисленности флотилии и богатому убранству некоторых судов. Знатнейшие вельможи брали с собой на

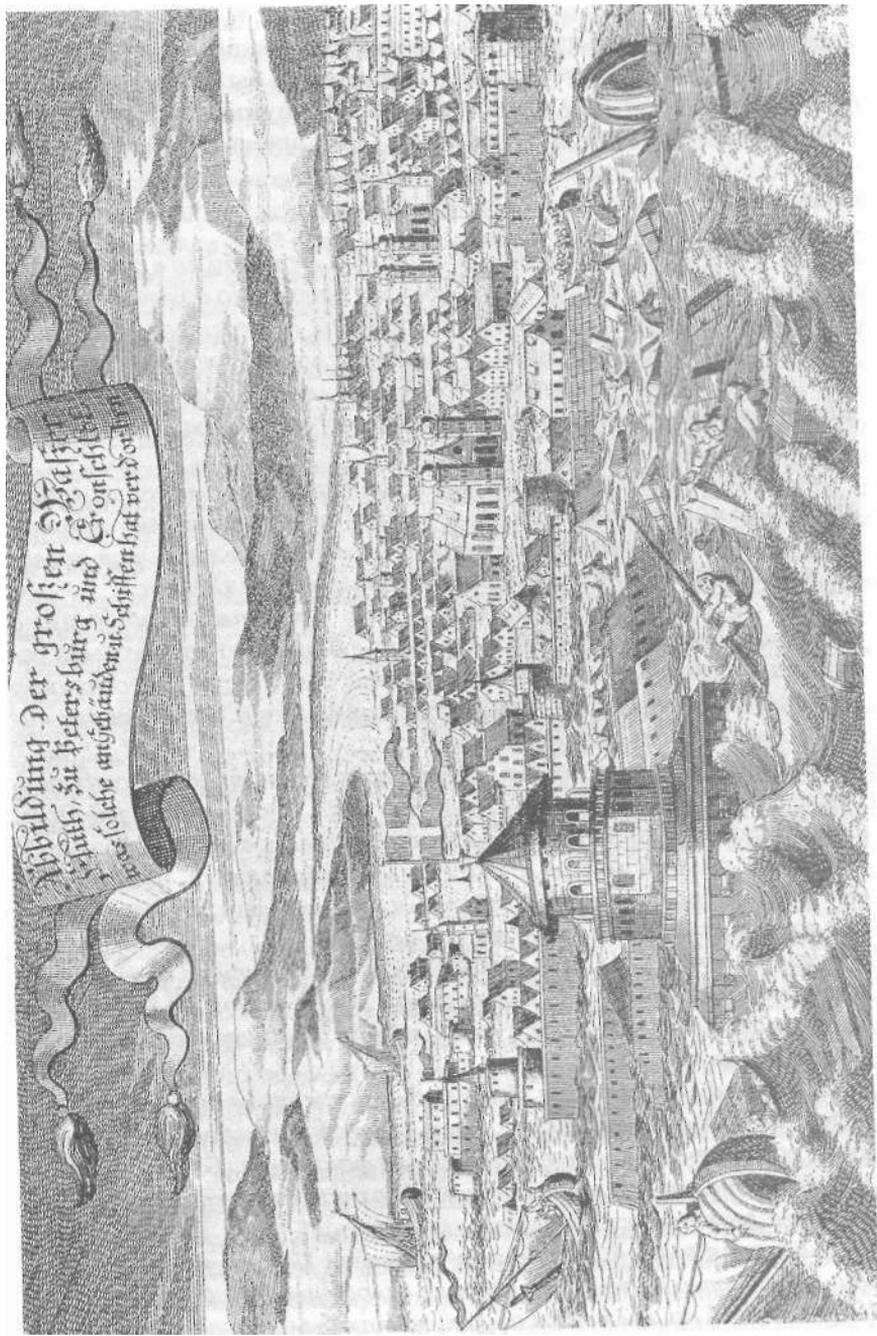

Abbildung der grossen Wasser
Fluth zu Petersburg und Gonselster
aus solche angeschwollenen Schiffen hat verdrum

Наводнение в Петербурге 5 ноября 1721 года

эти прогулки собственную музыку, отчего выигрывало общее оживление.

Таким образом, Петербург, где усиленно кипела государственная работа и городское строительство, где все были заняты серьезными заботами — умел разнообразить труд шумными развлечениями, и следуя примеру царя, отдавать "делу время, а потехе час".

Одновременно с плановой застройкой Петербурга в пригородах его ведется кропотливая и хлопотная работа по созданию замечательных дворцово-парковых ансамблей Петергофа и Царского Села, Гатчины и Павловска, Ораниенбаума и Стрельны, которые по широте замысла и мастерскому исполнению успешно соперничали с прославленными памятниками дворцовой архитектуры Западной Европы.

Во внешнем убранстве построек, интерьерах помещений, в ландшафтах прилегающих садов и парков особенно сильно проявились особенности вкуса и характера первых владельцев, как правило, принимавших деятельнейшее участие в их создании.

Еще в годы Северной войны для удобства сообщения с островом Котлин на южном побережье Финского залива была построена пристань, а возле нее — царские "светлицы" и деревянная Благовещенская церковь, где, по преданию, Петр I сам нередко читал во время литургии Апостола.

В конце 1709 года по его повелению здесь начинают строить "забавные дворцы". Имя уже тогда носило название Петергоф, или Питергоф. Поначалу на берегу залива был возведен небольшой, скромный домик в голландском стиле — Монплежир, или "попутный дворец", предназначенный для отдыха царя, его ближайшего окружения, а также царских гостей.

Однако уже в 1715 году, вскоре после торжеств по случаю бракосочетания государя с Екатериной Алексеевной, в Петергофе разворачивается широкое и планомерное строительство летней царской резиденции.

Известно, что самому Петру принадлежит не только заслуга удачного выбора местности, идея возведения дворца на вершине горы, сооружения на ее склоне каскада фонтанов, Большого канала, первоначальные планы разбивки Верхнего сада и парка, но также более десятка эскизов будущих строений.

Благодаря значению, которое придавал Петр этим проектам, строительство в его царствование велось необычайно быстро. В 10 лет с 1714 по 1725 год в общих чертах был заложен весь комплекс дворцово-парковых сооружений Петергофа: отстроены Верх-

ние палаты, ряд павильонов, Большой и Марлинский каскады, прорыты Большой канал и "канальцы", запущены 16 мощных фонтанов. Грандиозная, масштабная композиция по мысли царя должна была воплотить идею могущества и славы России.

Устройство обширного сада перед нагорным дворцом особенно занимало государя, и составляло одну из его главных забот даже во время заграничного путешествия. "Понеже Леблон с присылкою чертежей медлил, а время уже коротко, — с досадой пишет он Меншикову в 1717 году, — посылаем к вам чертежи петергофскому огороду с описания своего мнения, против которых велите делать..." Сейчас трудно представить, каких усилий и расходов стоило разведение "петергофского огорода". Из Амстердама для него везли огромные липовые деревья, из-под Москвы — клены и ильмы, из Швеции — яблони, из Дании и Ревеля — розовые кусты, и т. д. Даже с берегов Каспия царь потребовал прислать по одному экземпляру растущих там деревьев. Все это надо было не только доставить, но и укоренить на бедной почве побережья, а главное — сохранить от сырости и морозов... Почти отеческая нежность царя к своему детищу слышится в тоне его указов: "...Стараться скорее глину из роцей вывозить, чтобы более дерев не пропало...", "...Когда деревья станут раскидываться, велите прислать нам листочки оных, наклавиши на бумагу, с подписанием чисел..."

Конечно, не всем мечтам и затеям государя было суждено воплотиться. И все же, гордости Петра, лично водившего "чужестранных министров" в день открытия резиденции 15августа 1723 года меж рядов стриженных деревьев и кустарников, среди цветников, кадок с диковинными растениями, мраморных и алебастровых статуй, не было предела...

В 1720 году в Нижнем парке, также поблизости от залива, началось строительство небольшого, в один этаж, дворца Марли. Спустя год, когда здание было вчерне готово, Петр, который нередко изменял свои планы уже в ходе их исполнения, велел надстроить второй этаж. Воля его была выполнена, однако завершить отделку помещений при жизни заказчика так и не удалось...

Как по размерам, так и по внутреннему убранству помещений Марли, скромный, уютный домик, внешне ничем не приметный, вполне соответствовал как своему назначению — принимать царя в часы его уединенного отдыха, так и вкусам самого Петра, не любившего роскоши и не терпевшего проявлений склонности к ней у других. В Марлинском дворце не предусматривалось парадного зала, все комнаты имели строго определенное бытовое назначение. Большая роль в украшении интерьеров отводилась живописи. Полотна, лично отобранные Петром в Голландии, покрывали

стены Верхнего зала, приносили уют в оформление столовой и гостиной.

Глава VII

*Болезнь и кончина Петра I. — Погребение его. —
Воцарение императрицы Екатерины Алексеевны. —
Сохранившиеся дворцы Петра I.*

Неустанные труды, заботы, борьба с явными и тайными врагами медленно подтачивали здоровье Петра I. Ему шел 53-й год, но он уже называл себя стариком, и в самом деле, несмотря на его могучую природу, телесные силы его были расшатаны. С лета 1724 года болезнь, сведшая его в могилу, стала обнаруживаться угрожающими признаками. Петр принужден был слечь в постель, бранил докторов, но при облегчении мало слушался их советов. В конце сентября он присутствовал при спуске нового фрегата, причем говорил голландскому посланнику, что чувствует себя слабым. Через неделю, вопреки предостережениям своего врача Блюментроста, отправился осматривать Ладожский канал, оттуда проехал на олонекские железные заводы, выковал там собственными руками полосу железа в три пуда весом, осмотрел солеварни в Старой Русе, и на обратном пути в Петербург, близ Лахты, увидел, что шедший из Кронштадта бот с солдатами сел на мель и был близок к гибели. Петр не утерпел, поехал к месту крушения и, стоя по пояс в холодной воде, лично помогал спасать людей. Припадки болезни тотчас возобновились. Царь вернулся в Петербург больной, и уже не смог оправиться. В январе 1725 года болезнь так усилилась, что Петр часто страшно кричал от боли, и крики эти были слышны за стенами дворца. Народ, предчувствуя близкое несчастье, толпился под окнами; церкви были полны молящимися. Рядом со своей спальней в Зимнем дворце (на месте нынешнего Эрмитажного театра) Петр приказал поставить походную церковь, и 22 января исповедался и причастился. С 26 числа наступил полный упадок сил. Утром 27-го больной говорил с трудом и, потребовав грифельную доску, хотел начертать свою последнюю волю, но ослабевшая рука не повиновалась ему; едва могли разобрать слова: "Отдайте все..." Тогда он позвал свою дочь царевну Анну Петровну, обрученную с герцогом Голштинским, желая продиктовать ей свои предсмертные распоряжения; но когда царевна подошла к нему, уже началась агония. На рассвете 28 января, в шестом часу по полуночи, император Петр скончался. Императрица Екатерина Алексеевна, находившаяся при нем, собственноручно закрыла ему глаза. Собравшиеся во дворце высшие государственные сановники и полки Преображенский и Семеновский немедленно присягнули ей.

Затем озаботились приготовлением торжественных похорон скончавшегося царя. Учреждена была особая траурная комиссия, которой было поручено выработать церемониал погребения по европейскому образцу. Приготовления тянулись так долго, что только на 10 марта назначена была печальная церемония. Усыпальницей царя избран был Петропавловский собор в крепости. От Зимнего дворца через Неву наведен был мост, по обеим сторонам которого стали войска. Во втором часу пополудни медленно тронулось шествие. Те-

Архиепископ Феофан Прокопович

ло Петра вынесли из второго этажа дворца через балкон, по особой лестнице, пристроенной снаружи. Раздался заунывно-торжественный звон всех петербургских церквей, и пальба с крепости и из Адмиралтейства. За гробом следовали: маршал церемониальных дел, императрица и все особы царской семьи, поодиночке, с двумя ассистентами при каждом. Войска, при приближении траурной колесницы, опускали ружья и примыкали к шествию. Вместе с Петром погребали скончавшуюся за несколько дней перед тем дочь его, царевну Наталию. Останки поставили на величественно убранный катафалк в соборе, и красноречивый архиепископ Феофан Прокопович произнес свое знаменитое слово, сохранившееся в числе образцов ораторского искусства. Речь начиналась словами: "Что се есть? До

чего мы дожили, о россияне! Что видим? Что делаем? — Петра Великого погребаем!" Перечислив затем великие дела скончавшегося царя, причем в храме слышались рыдания присутствовавших, проповедник закончил речь словами утешения: "Не весьма же, россияне! Изнемогаем от печали и жалости; не весьма бо и оставил нас сей великий монарх и отец наш. Оставил нас, но не нищих и убогих; безмерное богатство силы и славы его, которое вышеименованными его делами означилося, при нас есть. Какову он Россию свою сделал, такова и будет; сделал добрым любимую — любима и будет; сделал врагам страшную — страшна и будет; сделал на весь мир славною — славная и быти не престанет. Оставил нам духовные, гражданские и воинские исправления. Убо оставляя нас разрушением тела своего, дух свой оставил нам". Предание земле царственных останков Петра возведено было столице троекратными залпами из пушек и ружей.

Так проводил в могилу Петербург своего великого создателя.

Дворец, где провел последние годы жизни и скончался Петр I, ныне уже не существует; но для потомства сохранилось его первое жилище, известное под названием Домика Петра Великого на Петербургской стороне. Домик этот имеет 9 сажень длины (около 20 м) и 3 сажени ширины; в нем 17 окон, и всего только две небольшие комнаты, разделенные сенями и кухней. Строили его саардамские плотники, по образцу домов рабочих в Саардаме. Сруб сделан из обтесанных с обеих сторон бревен; крыша из дощечек в виде черепицы. Первоначально все это было выкрашено под кирпич в голландском вкусе, и над домом имелось украшение из деревянной Mortier и двух пылающих бомб. Внутри обе комнаты были обтянуты белым холстом, двери и ставни расписаны букетами роз и других цветов; оконные переплеты были свинцовые. В комнате направо от входа Петр принимал сановников и занимался делами; другая служила столовой и спальней. В царствование Николая I здесь была устроена часовня с образом Спасителя. Для предохранения домика от действия климата в царствование Екатерины II он был обнесен каменной крытой галереей.

Другой дворец, сохранившийся от петровских времен до нынешних дней, находится в Летнем саду. Он тоже называется Домиком Петра Великого, но не совсем правильно, так как выстроен был для супруги его Екатерины Алексеевны, которая и занималась там своим собственным хозяйством. Постройка его была начата еще архитектором Леблоном, но закончена архитектором Микетти. Дворец двухэтажный, в каждом этаже по 11 комнат. Над окнами барельефы, стены заканчиваются лепным карнизом; крыша из белого железа. По углам крыши стояли прежде четыре дракона, окрашенные белой краской. Внутренняя отделка стен из белого холста в резных деревянных панелях. Потолки лепные, расписанные аллегорической живописью. Двери ореховые и дубовые, с резьбой; на дверях в

спальную сохраняется резное распятие, сделанное собственноручно самим Петром.

От другого дворца, построенного для Екатерины Алексеевны в Екатерингофе, не входившем тогда в черту города, сохранилось очень мало. Он был первоначально одноэтажный, но в царствование Елизаветы Петровны перестроен в двухэтажный; только боковые стены оставлены те же, какие были выстроены при Петре.

Вид Петербурга в 1727 году

Во дворцах этих сохраняются еще многие предметы, служившие великому основателю Петербурга. Так, в домике на Петербургской стороне можно видеть ялик с веслами и багром, работы самого царя. Там же находятся: изорванный парус с его катера, деревянная рюмка, выточенная им самим и пр.

Во дворце Летнего сада обращают на себя внимание часы, купленные Петром в Голландии. Они показывают не только время, но и направление ветров и состояние атмосферы. Вставлены они в футляр орехового дерева со стеклами. Там же хранится портрет Петра во весь рост, в латах, с датским орденом на цепи, и шкаф орехового дерева, работу которого приписывают Петру. В этом шкафу царь прятал свое белье и ботфорты. Наконец, в этом же здании хранятся

три стула и кресла из кабинета Петра, тоже его собственной работы. Они сделаны из простого дерева и окрашены желтой краской.

Екатерингофский дворец в XVIII веке был богаче всех предметов, относящимися к домашней обстановке Петра. При перестройке его, по приказанию Елизаветы Петровны, в нижнем этаже старались все сохранить в том виде, как было при великом царе. Перед спальней его стоял шкаф, и в нем синий кафтан с золотым шитьем, который Петр носил в сражениях. В спальне стояла простая сосновая кровать, сколоченная руками царя. На кровати лежали шелковые зеленые, сильно выцветшие одеяло и наволочки, с вышитыми золотом орлами. В верхнем этаже хранились большие английские часы с музыкой, игравшие 12 пьес; бой и музыку этих часов Петр чрезвычайно любил. Во дворце стояло также много китайских вещей, привезенных Петру из Пекина капитаном Измайловым.

Большая часть упомянутых предметов сохраняется в Екатерингофском дворце и до настоящего времени.

Добавим кстати, что в Петровской галерее Эрмитажа, среди других замечательных вещей, напоминающих Петра, находится чучело его лошади, бывшей под ним во время Полтавского боя, и восковая фигура Петра в голубом шелковом кафтане, вышитом серебром руками Екатерины. Это тот самый кафтан, который царь надевал в день коронации Екатерины, и о котором рассказывают, что встряхнув его и указывая на осыпавшиеся блески, бережливый Петр сказал: "Смотри, Катенька, слуга сметет это вместе с сором, а ведь здесь слишком дневное жалованье солдата".

* *Екатерингоф* — бывшее предместье Петербурга. В 1711 г. Петр I заложил на островке в нынешнем Нарвском районе дворец и парк. В 1924 г. здание дворца пострадало от пожара и было разобрано на дрова.

От Петра Великого до XIX века

Глава I

*Жители покидают Петербург. — Бракосочетание
царевны Анны Петровны. — Учреждение Академии наук. —
Кончина императрицы Екатерины I. —
Император Петр II Алексеевич*

Нельзя было не предвидеть, что с кончиной великого преобразователя России, быстрый рост созданной им новой столицы должен был приостановиться. Перестала действовать могучая воля, всему дававшая движение, все направлявшая к заветной цели. Новая столица еще не пользовалась сочувствием своих недавних и по большей части подневольных обитателей. Ни новизна места, ни петербургский климат, ни условия петербургской жизни не привлекали переселенных сюда жителей Москвы и внутренних областей. Даже при Петре большинство из них строилось на берегах Невы неохотно; только ценой настойчивых усилий царю удалось достигнуть застройки Васильевского острова обывательскими домами, на бесплатно розданных земельных участках. Потребовалось наводить справки о состоятельности каждого лица, о получаемых им доходах из деревень, и на основании таких справок обязывать строить дома определенного размера. Подобными мерами удалось достигнуть того, что по набережной Невы на Васильевском острове вытянулся ряд каменных домов, производивший приятное впечатление. Но дома стояли по большей части неотделанными внутри: владельцы, повинаясь царскому приказу, возвели требуемые фасады, но устраиваться в этих домах на жительство не торопились. На других улицах острова возвышались среди пустырей одинокие здания тоже почти необитаемые, и о которых современник замечал в марте 1725 года, что "и они со временем большей частью будут снесены".

Относящиеся к городскому строительству строгие указы Петра не были отменены, потому что ни императрица Екатерина, ни Меншиков вовсе не желали ниспровергать дело покойного царя; но само собой так случилось, что указы перестали исполняться, и полицеймейстер Девиер, поддаваясь общему неопределенному настроению, допускал отказ от обязательных построек.

Нерасположение обывателей к новой столице сказалось со всей очевидностью тотчас после погребения Петра. Ранней весной нача-

лось всеобщее бегство из Петербурга. Прежде всех спешили покинуть берега Невы лица придворного общества, сановники, дворяне. Все они, как только почувствовали, что твердая рука не удерживает их в петровском "парадизе", спешили выехать из него с семьями и имуществом — кто в Москву, кто в провинцию. За ними потянулись купцы, мелкие торговцы, мешане, ремесленники. Петербург в короткое время опустел наполовину. Бегство это сказалось вскоре такими неудобствами для оставшихся жителей города, что в 1729 году Петр II, хотя сам недолюбливавший новую столицу, принужден был повелеть вернуть силой разбежавшихся людей торгового и ремесленного звания, с женами и детьми, причем взять с них подписку, под страхом отобрания всего имущества и ссылки на каторгу — впредь без особого указа из Петербурга не выезжать.

Опустение столицы несколько замедлилось торжествами по случаю бракосочетания дочери Петра I, царевны Анны Петровны, с герцогом Карлом-Фридрихом Голштинским. Брак этот, имевший огромное значение для грядущих судеб России, так как плодом его был будущий император Петр III, супруг Екатерины Великой, был устроен еще отцом царевны. Он и отпразднован был по церемониалу, установленному Петром сообразно с обычаями европейских дворов. Главную роль в церемонии играли обер-маршал князь Меншиков и маршал Ягужинский. Они поехали в парадной карете за женихом и привезли его к невесте в Летний дворец. Отсюда жениха и невесту перевезли в торжественной процессии, на двенадцати больших катерах, через Неву в Троицкий собор, где и было 21 мая совершено венчание архиепископом Феофаном Прокоповичем. После венчания молодым был предложен парадный обед в "церемониальной зале", нарочно построенной в выходящей на Неву стороне Летнего сада, где теперь находится его решетка. Постройка эта состояла из громадной залы с параллельными рядами окон на Неву и в сад, и примыкавших к ней крытых галерей. Обед отличался пышностью. После гостей палили из пушек, в громадных паштетах поданы были карлики, танцевавшие по столам, и пр. Встав из-за стола, новобрачные и все общество прошли через сад на луг, где были выстроены оба гвардейских полка. Полки дали три ружейных залпа. Кругом толпился и ликовал народ, для которого на лугу были устроены фонтаны, бившие вином, и стояли жареные быки. Императрица и новобрачные любовались народным весельем до 10 часов вечера. Затем молодую чету отвезли в парадной карете государыни, запряженной восемью лошадьми, в дом адмирала Апраксина (на месте нынешнего Зимнего дворца), занимаемый герцогом.

В делах правления кончина Петра Великого вызвала неизбежное затишье. Тем не менее, некоторые планы его приводились в исполнение. Так, в кратковременное царствование Екатерины I осуществилось учреждение Академии Наук, занимавшее Петра в последние

Императрица Екатерина I
Годы правления 1725–1727

годы его жизни. Великий преобразователь сознавал необходимость для России высшего учебного учреждения, но долго обдумывал этот предмет, так как, в виду слабых зачатков образованности в стране, не считал возможным остановиться на европейских образцах академий и университетов. За границей он совещался об этом со знаменитым ученым Лейбницем и предположил основать в Петербурге такое учреждение, которое удовлетворяло бы до известной степени двоякому назначению: было бы собранием ученых людей, разрабатывающих науку, и в то же время учебным заведением для молодых людей, порученных академиком и при них занимающимся переводами иностранных книг на русский язык. На содержание такой академии Петр соглашался назначить значительную для того времени сумму — до 25 тысяч рублей. Все было уже подготовлено, и Екатерина, открывая в декабре 1725 года Академию Наук, только приводила в действие одобренный Петром ее устав.

Президентом академии был избран ученый лейб-медик Блуентрост; в числе первых академиков встречаем более или менее известных в Европе специалистов: братьев Бернулли, Гольдбаха, Мартини, Байера и др. Но при скудном уровне просвещения в стране и равнодушии общества к научным интересам, академия вначале мало преуспевала в своих ученых трудах, и вызов иностранных академиком не всегда мог назваться удачным.

По взглядам того времени, все редкостное, диковинное принадлежало к области науки, и потому в академический музей перенесли разные странные предметы из заведенной Петром Кунсткамеры, и сюда же доставляли всякие редкости: ребенка с рыбьим хвостом, разных уродцев, тело павшего слона или льва для набивки чучел и т.п. Гораздо важнее были заботы об устройстве академической библиотеки, куда поступили книги из некоторых частных хранилищ: Шафирова, архиеерея Феодосия и других. Позднее, при Петре II, сюда передана была и бывшая библиотека царевича Алексея. В Академию наук перевезли также знаменитый Готторпский глобус, подаренный Петру I в 1713 году Голштинским герцогом. Глобус этот медный, имеет 11 футов (3,3 м) в диаметре и более 200 пудов (3,2 т) весу. Наружная поверхность его представляет изображение земного шара, а внутренняя — небесного свода, со всеми созвездиями. В центре глобуса находится стол со скамейками, на которых могут разместиться 12 человек. Весь шар вращается вокруг своей оси. Доставка этого глобуса в Россию была сопряжена с огромными трудностями. До Ревеля* его везли морем, а затем двигали сухим путем с помощью особых приспособлений. В некоторых местностях приходи-

* Старое название г. Таллинна.

Император Петр II
Годы правления 1727–1730

лось прокладывать для него дорогу, вырубая просеки в лесах и наводя мосты.

В Петербурге обнаружены были случаи поджогов, и необходимо было усилить надзор за порядком в городе. Поэтому в первые месяцы царствования Екатерины снаряжались военные патрули и разъезды, охранявшие спокойствие на улицах, устроен был караульный дом у Аничкова моста, а затем увеличен личный состав полиции. При этом всем полицейским чинам дана была новая, довольно затейливая форма: кафтаны и брюки василькового цвета, зеленые камзолы, лосинные перевязи, сумки для патронов и шпаги с медным эфесом.

Ради поддержания порядка в городе, запрещены были кулачные бои, составлявшие любимую потеху обывателей. Для устройства этих боев впредь требовалось каждый раз разрешение полиции.

Весной 1727 года императрица Екатерина опасно занемогла горячкой, осложнившейся воспалением легких, и 6 мая она скончалась. Верховному Совету представлено было ее завещание, в котором преемником объявлялся внук Петра Великого, одиннадцатилетний Петр Алексеевич. За малолетством его, управление делами предоставлялось Верховному Совету из девяти лиц, в числе которых названы были обе цесаревны (Анна Петровна и Елизавета Петровна) и герцог Голштинский.

Глава II

Вступление на престол императрицы Анны Иоанновны. — Управление Миниха. — Въезд императрицы Анны в Петербург.

В кратковременное царствование Петра II основанная его дедом столица подверглась тяжкому испытанию: двор, вместе с малолетним государем, переселился в Москву, Петербург еще более опустел, и сам вопрос о том, оставаться ли ему столицей, представлялся сомнительным. В течение четырех лет Петербург не видал в своих стенах императорского двора. Начальствование над городом и оставшимися в нем войсками поручено было генерал-фельдцейхмейстеру Миниху, человеку с основательными военными знаниями, деятельному, настойчивому и распорядительному, уже прославившему себя работами по прорытию Ладожского канала. Но город с отъездом двора опустел еще больше, чем после кончины своего основателя. Дворянство и купечество спешило покинуть его, увозя свои капиталы и имущество; деньги вздорожали, учетный процент повысился.

Тем не менее, и в это неблагоприятное время кое-что было сделано для городского благоустройства. Так, еще в последние месяцы

управления Меншикова, устроен был первый наводный (плашкоутный) мост через Неву, от деревянного Исаакиевского собора близ Адмиралтейства к дому Меншикова на Васильевском острове. Раньше никаких мостов на Неве не было, и сообщение производилось на лодках и барках. По-видимому, первый мост был устроен плохо, так как имеется сведение, что когда в октябре 1729 года Миних давал у себя обед и бал, то могли собраться только гости с левого берега, с правого же никто не приехал вследствие прибыли воды.

Фельдмаршал граф Б.Х. Миних

Закончена была постройка каменных бастионов Петропавловской крепости и возводилось обширное здание Двенадцати коллегий (ныне университет). Положено было начало правильным морским сообщениям с Европой: из Кронштадта стали отходить почтовые и пассажирские пакетботы в Данциг и Любек, с платой по 3 рубля за проезд. Но самое большое значение для Петербурга имело окончание Ладожского канала, установившее подвоз припасов и расширившее торговые обороты петербургского порта.

Деятельный Миних всячески старался оживить опустевшую столицу. Он неутомимо давал обеды, балы, празднества в торжественные дни, делал смотры войскам, парады при спуске судов. Молодая

Академия наук тоже стремилась разнообразить городскую жизнь торжественными заседаниями и публичными научными опытами и чтениями, впрочем не особенно удачно, так как выписные академики произносили речи и давали объяснения на иностранных языках. Иностранцы вообще заняли видное место в общественной жизни, так как Петербург, почти перестав быть резиденцией, больше всего походил в это время на международный портовый город.

В январе 1730 года Петр II заболел оспой, и в ночь на 19 января скончался.

По завещанию Екатерины, российский престол в случае смерти наследника должен был перейти к дочери Петра Великого Елизавете. Однако Верховный Совет рассудил иначе. Для того, чтобы "себе воли прибавить", верхушка московской знати, заседавшая в Совете, составила ряд условий, значительно ограничивающих самодержавную власть, и предложила подписать их Анне, дочери царя Иоанна Алексеевича и царицы Прасковьи, родной племяннице Петра I, вдовствующей герцогине Курляндской. Анна подписала "кондиции" и прибыла в Москву, где была провозглашена императрицей всяя Руси. Среди гвардейских офицеров — большей частью, мелкопоместных и неродовитых дворян, обнаружилось сильное недовольство желанием старинных родов сосредоточить всю полноту власти в немногих руках. Уступая их "челобитной", которая, впрочем, вполне соответствовала ее собственному нраву, Анна неожиданно для родовой знати публично порвала подписанные ею обязательства. За попытку ограничения власти самодержавного правителя Верховный Совет был распущен, члены его и сторонники отправлены в ссылку.

Короновалась Анна Иоанновна 28 апреля 1730 года в Москве, и событие это в тот же день было блестящим образом отпраздновано в Петербурге.

После торжественного обеда у Миниха, вечером перед его домом был устроен фейерверк, какого еще не видали в России. Устроил его начальник порохового завода Шпаррейтер, большой мастер пиротехники. Он выставил три больших щита, освещенных разноцветными огнями. На среднем была изображена императрица со скипетром и державой. Из рога изобилия сыпались к ногам ее "короны, скипетры, венцы, меркуриевы жезлы, медали, фрукты и разные листы". Над головой императрицы "из облак выходящая рука, де-

ржа императорскую же корону, оную на ея императорское величество возлагала, и от головы, свыше коронованной, исходили лучи". Огни горели всю ночь, и потом зажигались по вечерам целую неделю.

Но вопрос, где иметь пребывание императорскому двору, еще не был решен. Только год спустя Миниха вызвали в Москву и поручили озаботиться приготовлением петербургских дворцов к переезду государыни. Осенью 1731 года вернулась в Петербург гвардия, в составе которой прибавился новый полк — Измайловский, получивший название от подмосковного села Измайлова, где жила императрица. Затем прибыла в Петербург сестра государыни герцогиня Мекленбургская Екатерина Ивановна, а вскоре после нового года — цесаревна Елизавета Петровна. Наконец, 15 января 1732 года прибыла императрица, и остановилась для ночлега в доме Брюса. Торжественный въезд ее в столицу произошел лишь на другой день.

Въезд этот устроен был с чрезвычайной пышностью: хотели придать особое значение событию, возвращавшему Петербургу его достоинство царской резиденции. Шествие тянулось по Литейному проспекту, называвшемуся тогда Артиллерийской улицей, и по Невскому. Впереди всех ехали верхами почт-директор, почтмейстеры и почталыоны; последние играли на рожках. За ними отряд драгун, потом русские и иностранные купцы, с бургомистрами на украшенных лошадях. Далее верховые литаврщики и трубачи, опять драгунский отряд, и ряд карет, запряженных цугом. Камергеры и камер-юнкеры, в числе шести пар всадников, предшествовали парадной карете императрицы. По сторонам этой кареты шли гайдуки, а за каретой обер-камергер Бирон с генерал-адъютантами, все верхом. Замыкал шествие ряд экипажей с придворными дамами и женами сановников. По Невскому расставлены были шпалерами войска. На пути шествия устроено было несколько триумфальных арок.

Проследовав через весь Невский, императрица вступила в Исаакиевский собор у Адмиралтейства. Ударили во всех церквах в колокола, из крепости раздалась пальба. Затем государыня отъехала в бывший дом Апраксина, избранный ею и отделанный для нее вместо Зимнего дворца, причем опять палили из пушек, а войска приветствовали царицу беглым ружейным огнем. Вечером город осветился иллюминацией и фейерверком.

Через три дня дан был большой придворный бал, а с 23 января установились еженедельные приемы во дворце по воскресеньям, после обеда.

Неутомимый Миних, желая развлечь двор, устроил примерное взятие войсками снежной крепости по Неве, против временного дворца, закончившееся красивым маневром на льду: войска стали таким образом, чтобы изобразить своим построением букву А.

*Первый Кадетский корпус. — Распространение Петербурга. —
Осушение болот. — Городское благоустройство. —
Наводнения и пожары.*

Одной из первых и важнейших мер нового царствования было основание в Петербурге шляхетского Кадетского корпуса. Указом 29 июля 1731 года повелено было учредить корпус из 200 дворянских детей русского и немецкого происхождения, возрастом от 13 до 18 лет, "которых обучать арифметике, геометрии, рисованию, фортификации, артиллерии, шпажному действию, на лошадях ездить и прочим к воинскому действию потребным наукам". Но так как не все бывают склонны к военной службе, и так как государству "не менее нужно политическое и гражданское обучение" — рассуждает далее указ — то в корпусе полагалось преподавать также иностранные языки и латинский, историю, географию, юриспруденцию, танцы, музыку и "прочия полезныя науки", обучая им каждого сообразно его склонностям и способностям. Таким образом, этот первый в России кадетский корпус не был исключительно военным училищем и в таком виде наиболее отвечал требованиям времени. Этим объясняется, почему из корпуса вышло впоследствии немало замечательных деятелей на различных поприщах, в том числе и литературном.

Военная часть в этом корпусе сразу была так хорошо поставлена, что уже через год кадеты, представясь императрице в манеже Бирона и произведя в ее присутствии маневры и упражнения, привели ее в восхищение и заслужили полную ее похвалу. Государыня пожаловала кадетской роте белое атласное знамя, и сама вбила первый гвоздь, прикрепляя его к деревку.

Для помещения корпуса приспособлен был великолепный дом князя Меншикова на Васильевском острове, отобранный в казну после падения временщика. Заметим кстати, что устроенный при Меншикове единственный мост через Неву был разобран во время опалы князя, но к этому времени был восстановлен.

С возвращением двора в новую столицу, приостановившийся было рост Петербурга вновь получил свое естественное движение. Вместо временного запустения, мы видим такой наплыв населения, что в городе почувствовался квартирный кризис. Все стремились в столицу, где дворец молодой государыни являлся центром пышной общественной жизни, где празднества следовали за празднествами, а потребности многочисленного двора обещали заработок торговцам и ремесленникам. Цены на квартиры сильно поднялись. Домовладельцы стали отказывать в сдаче помещений офицерам, предпочитая более зажиточных жильцов. На это обратили внимание, и были приняты меры, ограничившие жадность домохозяев.

Застройка города сделала в царствование Анны Иоанновны значительные успехи. Городская площадь на левом берегу Невы раздвинулась чрезвычайно. Оба берега Фонтанки вошли в центральную часть; там строились уже не дачи, а городские дома. Пограничной городской чертой можно было считать уже Загородный проспект и Николаевскую улицу. Но и за этой чертой, до самого Смольного и Александро-Невской лавры, деятельно строились. Большую часть этой местности "откупил" граф Миних, взявшись осушить ее собственными средствами, при условии заимообразного отпуска денег из казны и вечного права на десятую часть всего пространства, сделавшегося обитаемым. Как знающий инженер, Миних хорошо рассчитал выгоды дела, но вместе с тем оказал и городу большую услугу, приведя в короткое время обширную местность в состояние, в котором она могла застраиваться. Правительство впоследствии продолжало дело Миниха, распространив осушение почвы до Смольного и далее.

На старых местах, между Невой и Фонтанкой, на Васильевском острове и Петербургской стороне, заботились о замене деревянных построек каменными, об уравнивании улиц, устройстве рынков и пр. В 1734 году предпринята была первая подворная опись Петербурга, оставшаяся неоконченной; тогда же начаты работы по съемке города на план. Частые пожары вызывали меры для борьбы с огнем и предосторожности против поджогов и небрежности.

Одним из важнейших распоряжений по благоустройству города было учреждение Гостиного двора на его нынешнем месте. Сначала выстроены были деревянные временные ряды, но затем торговцы были обязаны построить каменные лавки по утвержденному плану. Надо впрочем заметить, что эта старейшая постройка Гостиного двора была до крайности проста и некрасива в архитектурном отношении. К ней примыкали другие торговые ряды, по направлению Садовой улицы, а дальше по той же улице предполагались дома зажиточных людей с большими садами. В настоящее время только Юсупов сад напоминает тогдашнюю затею.

В Коломне также прокладывались улицы и начиналось строение.

Многое делалось и для поддержания наружного порядка на улицах: принимались меры против нищих и бродяг, устраивались богадельни; в пригородных местах делали просеки, чтобы помешать скрываться там ворами и грабителям.

Обращено было внимание на быструю и неосторожную езду. "Многие люди и извозчики, — говорилось в указах, — ездят в санях резво, и верховые их люди перед ними необыкновенно скачут и на других наезжают, бьют плетью и лошадьми топчут". Был случай, что чья-то дышловая пара наехала на самого Миниха, и стоявшего у него на запятках адъютанта (тогда это было в обычае) сильно за-

шибла. Указы грозили за такую неосторожную езду жестокими взысканиями: битьем "кошками" и даже смертной казнью.

Запрещена была также ружейная и всякая иная охота в черте города. Но сама императрица Анна очень любила стрельбу из ружей и часто забавлялась, стреляя из окна в пролетающих ласточек и ворон.

Наводнения и пожары составляли обычное бедствие того времени. Почва городской площади была тогда ниже чем теперь, берега Невы и каналов были плохо укреплены, и потому даже при незначительном подъеме воды затопляло улицы на большом пространстве. Многие сооружения еще петровского времени были мало-помалу разрушены рядом наводнений.

Огонь находил обильную пищу в ряде скученных деревянных строений. В августе 1736 года был страшный пожар, происшедший от неосторожности прислуги персидского посла, и испепеливший огромное пространство от Полицейского моста до церкви Вознесения. В следующем году подожгли два дома на нынешней Миллионной улице, и выгорело все пространство между Дворцовой набережной и Конюшенным мостом. Обои пожарами было уничтожено более тысячи домов и нанесены миллионные убытки.

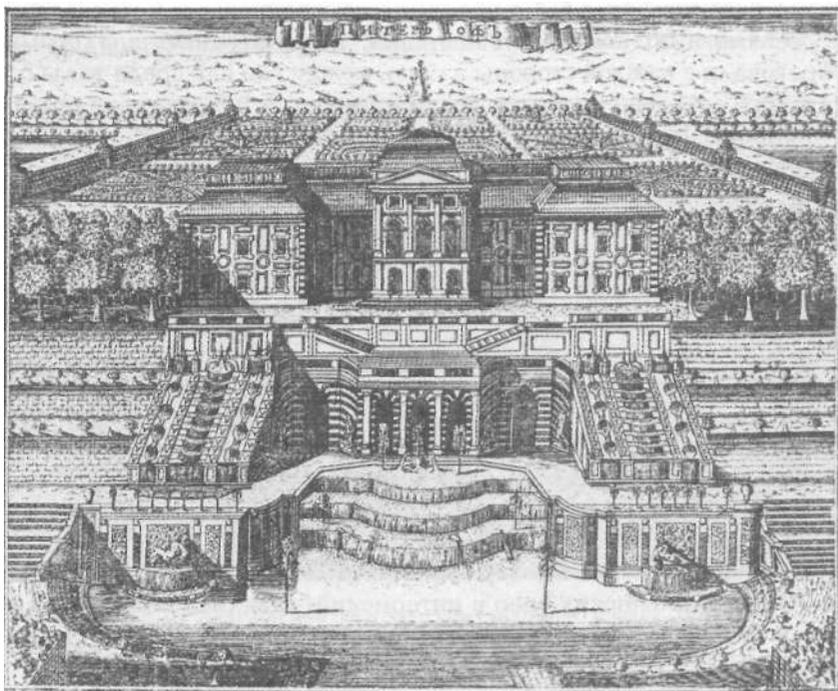
Такие бедствия вели за собой вздорожание квартир и жизненных припасов; но говоря вообще, предметы первой необходимости в Петербурге с открытием Ладожского канала, были недороги. Вот некоторые рыночные цены того времени: четверик (26 кг) гречневых круп 34-40 коп., гороха 40-55 коп., овса 15 коп., пуд (16 кг) ржаной муки 26-27 коп., крупчатой 75-80 коп., масла коровьего 1 руб. 25 коп., фунт (ок. 400 г) говядины 1 3/4 коп., гусь с печенкой 12 коп., солонина 3 коп., баранина 2 и 3 коп. за фунт и т. д. В сравнении с XX веком, цены эти кажутся прямо невероятными.

Глава IV

*Двор Анны Иоанновны. — Придворные праздники. —
Театральные зрелища. — Бракосочетание
Анны Леопольдовны. — Празднование мира с Турцией. —
Ледяной дом. — Летние развлечения государыни.*

В петербургском обществе в то время уже появлялись затей роскоши, свидетельствовавшие о том, что в столице поселилось уже много людей достаточных, и что благосостояние города повысилось. По словам одного современника, "многие стали иметь открытые столы; вместо сделанной из простого дерева мебели, начали не иную употреблять, как английскую, сделанную из красного дерева мега-

геня* ; дома увеличились, и вместо малого числа комнат, уже по множеству стали иметь; стали дома сии обивать штофными и другими обоями, почитая непристойным иметь комнату без обоев; зеркал, которых сперва весьма мало было, уже во все комнаты и большие стали употреблять. Экипажи тоже великолепие восчувствовали". Все это, конечно, относится только к состоятельному обществу; в среднем кругу образ жизни был по-прежнему крайне прост и скуден. Есть свидетельство, что кареты были тогда еще чрезвычайно редки;

Вид дворцов и каскадов в Петергофе

большинство ездил либо в открытых английских колясках, либо в неуклюжих дрожках местной работы. Очень распространена была также езда верхом.

Дворец, перестроенный из бывшего дома адмирала Апраксина, вскоре показался недостаточно обширным. Молодой архитектор Растрелли, сын переселившегося в Петербург при Петре Великом скульптора, составил план нового роскошного дворца, близ Адмиралтейства. Это был первый опыт художника, обладавшего огром-

*Т. е. махагоны.

ным талантом и сделавшегося вскоре одним из знаменитейших архитекторов в Европе. Проект его был одобрен, и немедленно приступили к расчистке места, предназначенного под дворец. Вследствие отлучек Растрелли, работы шли медленно, но через шесть лет новый Зимний дворец был готов, и как по своим размерам, так и по чрезвычайному изяществу фасадов явился лучшим украшением столицы.

Современники, даже иностранцы, удивлялись утонченному вкусу и блеску придворных балов. Об одном из них сохранилось такое свидетельство: "Зала была украшена померанцевыми и миртовыми деревьями в полном цвету. Растения, расставленные шпалерами, образовали с каждой стороны аллею, между тем как среди залы оставалось довольно пространства для танцев. Эти боковые аллеи доставляли гостям возможность часто отдыхать, потому что укрывали садившихся от взоров государыни. Красота, благоухание и тепло в этой своего рода роще, — тогда как из окон были видны только лед и снег, — казались чем-то волшебным".

В большом ходу были также придворные спектакли, для которых в новом Зимнем дворце устроена была театральная зала, где итальянская труппа давала оперы, комедии и интермедии. Труппа была довольно большая, так как кроме певцов в нее входили комедианты, мимисты, танцоры и музыканты. Оркестр этой труппы играл также во время придворных обедов. Кроме того, положено было и первое основание русскому балету: учителю танцев в шляхетском корпусе Ланде поручено было обучать балетному искусству 12 мальчиков и 12 девочек, выбранных самой императрицей в семьях дворцовой прислуги.

Другой придворный театр был в Летнем дворце.

Кроме итальянских опер и интермедий, давались также русские сцены и фарсы, разыгрываемые, за неимением русских актеров, придворными дамами и кавалерами.

Скажем кстати, что к этому же времени относятся первые опыты русских поэтов — Ломоносова, Кантемира, Тредиаковского.

Внимание петербургского двора и общества было обращено в то же время на тяжелую четырехлетнюю войну с турками и крымскими татарами, в которой успехи русского оружия чередовались с невзгодами и затруднениями, причиняемыми степным характером страны, недостатком продовольствия и повальными болезнями. Фельдмаршалы Миних и Ласи совершили несколько походов в Крым и в турецкие пределы, и везде, где русские войска встречались с неприятельскими, победа не изменяла нашему оружию. Взяты были хорошо укрепленные Перекоп, Кинбурн, Азов, занят был Бахчисарай, столица крымских ханов. В 1737 году пал сильнейший оплот турецкого владычества на Черном море, Очаков. Русская артиллерия так удачно действовала, что город был зажжен во многих местах; поль-

зуюсь переполохом, гусары и казаки ворвались в крепость, и гарнизон сдался с 93 орудиями и запасами. Спустя два года новое блестящее дело заставило султана склониться к миру. При деревне Ставучанах, близ Хотина, турецкое войско, числом до 90 тысяч, окружило русскую армию, опираясь на чрезвычайно укрепленную позицию. Миних, пренебрегая неравенством сил, напал на неприятеля, разгромил его при весьма малых потерях с нашей стороны, и подступил к Хотину, который сдался. Подвиг этот был воспет Ломоносовым в его первой оде, от которой ведет свое начало новая русская поэзия.

Мир, закончивший эту славную войну, был отпразднован с торжественностью, какой еще не видали в Петербурге. В январе 1740 го-

Ледяной дом на Неве и вид свадебного поезда

да вступила в столицу возвращавшаяся с похода гвардия. Войска шли по всему Невскому проспекту, и затем мимо Зимнего дворца, с музыкой и развернутыми знаменами. Офицеры были украшены лавровыми ветвями, солдаты дубовыми и еловыми. В зале дворца императрица принимала поздравления высших сановников, офицеров и иноземных послов. Здесь был поднесен государыне подписанный султаном мирный договор, и сейчас же раздались пушечные выстрелы с крепости, возвестившие прекращение военных действий. На другой день представлялись императрице пленные турки, с сераскиром взятой нами крепости Очакова во главе. В сумерки столица осветилась огнями, а на Неве зажжена была великолепная иллюминация.

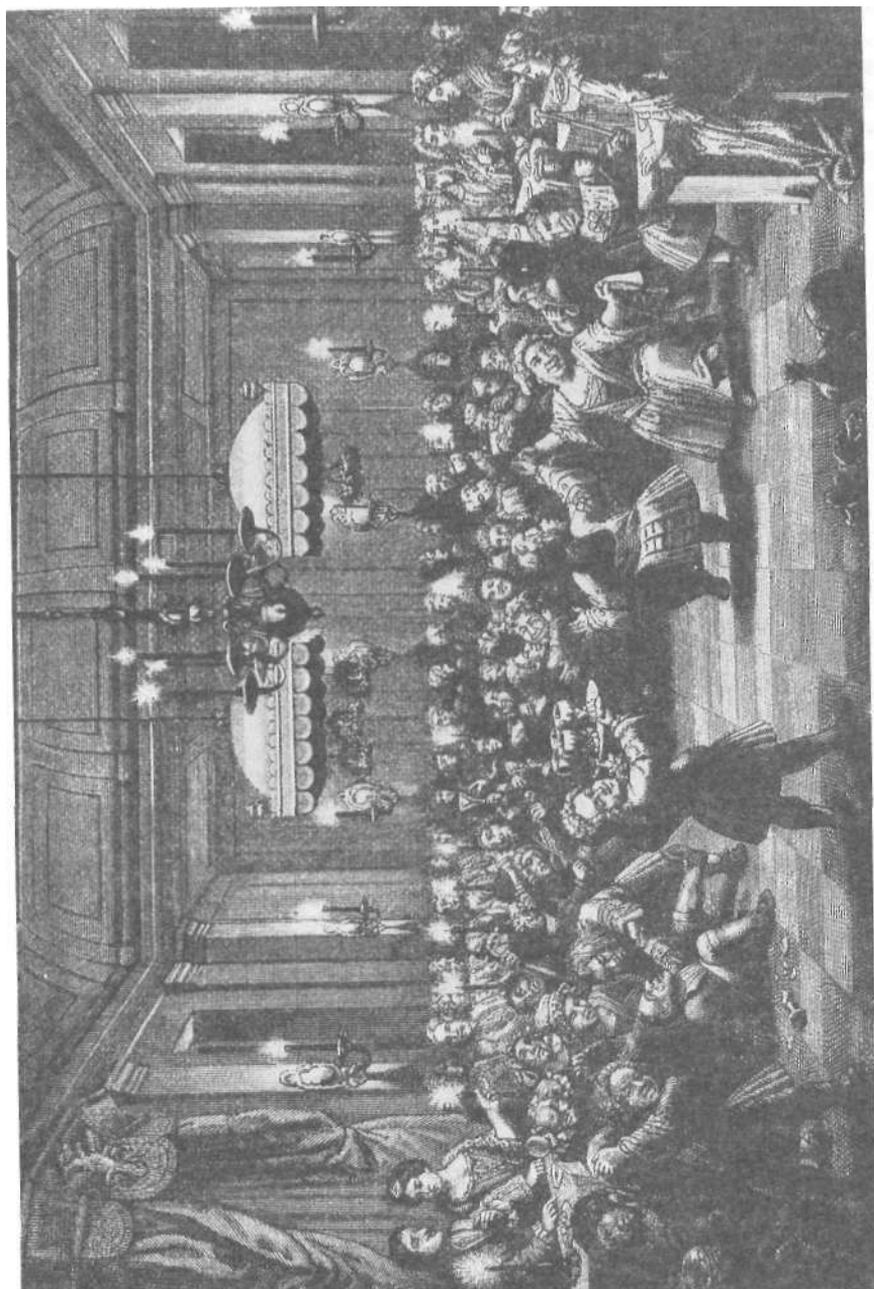
В следующем месяце, на масленице, снова праздновалось заключение мира. По городу разъезжали герольды и читали народу мир-

ные условия. На Неве, напротив Зимнего дворца, дан был развод от 20 тысяч выстроенного войска. Литургию во дворце совершали 5 архиереев и 6 архимандритов. Вечером город был роскошно иллюминирован; светящиеся декорации были поставлены не только на Неве, но и перед домами многих частных лиц. Народ толпами сновал по улицам и ликовал.

Но главным увеселением, оживившим эти праздничные дни и перешедшим в историю, был шутовской маскарад и свадьба в "Ледяном доме". Известного шута князя Голицына женили на шутихе, калмычке Бужениновой. Для новобрачных было построено на набережной, между дворцом и Адмиралтейством, затейливое здание, где все, от стен и крыши до домашней утвари, было сделано из льда. Современник говорит, что этот дом, "гораздо великолепнее казался, нежели когда бы он из самого лучшего мрамора был построен, для того казался сделан будто из одного куска, и для ледяной прозрачности и синего его цвету на гораздо дражайший камень, нежели на мрамор походил". Перед домом стояли ледяные пушки, палившие ледяными ядрами; тут же ледяные дельфины ночью выбрасывали из пасти пламя заженной нефти. Сам дом освещался множеством свечей. На ледяных деревьях с ледяными сучьями и листьями сидели ледяные птицы. На ледяном слоне в натуральную величину сидел ледяной поводник-персиянин; из хобота своего слон выбрасывал днем воду, а ночью горящую нефть. Внутри дома мебель и всякая утварь также были сделаны из льда; на столе лежали даже ледяные колоды карт.

Чтобы придать этой затее еще больше разнообразия и веселости, придумали устроить этнографический маскарад. Представители всех живущих в России инородцев должны были участвовать в шутовской свадьбе, плясать и петь по своему, и за свадебным столом есть свои любимые национальные кушанья. Губернаторам приказано было выбирать людей попарно, "и чтобы они собою были не гнусны", и перед отправкой в Петербург "убрать их в наилучшее платье со всеми приборами по их обыкновению, и чтоб при мужском поле были луки и прочее их оружие и музыка, какая у них употребляется".

Императрица Анна Иоанновна обычно проводила летние месяцы в Петергофе. По натуре своей, государыня не любила шумных торжеств и многолюдных приемов. В Петергофе, по контрасту с последними годами царствования его державного основателя, при ней было тихо и даже пустынно. Впрочем, это вовсе не означает, что императрица Анна не умела отдыхать со вкусом. Излюбленными ее развлечениями во время отдыха от бремени государст-

Свадьба карликов

венных забот были верховая езда, стрельба по птицам из окон Верхних палат, и особенно — охота.

На окраине Нижнего парка был выстроен изящный павильон "Темпель", где государыня с ружьем в руках поджидала, когда на огороженную высоким забором лужайку перед окнами выгонят зверей. В специально устроенном для этой цели зверинце содержались во множестве росомахи, песцы, кабаны, буйволы, барсы и даже тигры.

Известна и другая большая страсть императрицы Анны — птицы. Ежегодно для выпуска в петергофском саду и парке, для содержания во дворце и парковых павильонах по ее распоряжению закупались и отлавливались на воле сотнями, если не тысячами, соловьи, щеглы, зяблики, снегири, овсянки, чижы и т. д. Богатый птичник, к слову заметить, содержался при ней и в Летнем саду в Петербурге, где, к безграничному удивлению посетителей, содержались даже страусы...

Петергофский зверинец сохранялся и после смерти Анны Иоанновны. В царствование Александра I в нем содержались лишь немногие животные — олени, косули и пр. Во время посещений императрицы Марии Федоровны по звуку рога все они сбегались в одном месте, и тогда государыня собственноручно кормила их хлебом...

Глава V

*Кончина императрицы Анны Иоанновны. —
Россия в годы ее царствования. — Провозглашение
императора Иоанна Антоновича. — Воцарение
государыни Елизаветы Петровны. — Печальная судьба
" Брауншвейгской фамилии".*

Осень 1740 года императрица Анна Иоанновна проводила в Летнем дворце, но не в том, который принадлежал некогда Екатерине I и существует поныне, а в другом, новом, выстроенном по линии нынешней решетки сада, на месте галереи, где праздновалось бракосочетание царевны Анны Петровны. Дворец этот, хотя одноэтажный, был очень обширен, и убран со всевозможной роскошью; он был разобран впоследствии по приказанию императрицы Елизаветы Петровны.

В этом новом летнем дворце Анна Иоанновна, давно уже хворавшая, с 6 октября 1740 года почувствовала себя особенно худо, и 17 октября скончалась. Преемником престола объявлен был двухмесячный сын Анны Леопольдовны, принцессы Брауншвейгской, Иоанн Антонович.

По отзывам современников, лично знавших императрицу, от природы Анна была одарена здоровым умом, и чувствительным сердцем. Однако тяжелое детство, несчастный брак (овдовела она всего спустя два месяца после свадьбы), одинокие годы при чуждом ей Курляндском дворе — все это оставило на ее личности глубокий, неизгладимый след. Сказалось и то, что в юности царица не получила ни достойного воспитания, ни серьезного образо-

Герцог Э.И. Бирон

вания. От матери она унаследовала строптивый, даже до некоторой жестокости, нрав, проявлениями которого она поражала окружающих еще в молодости, от отца — страсть к буйным, безудержным весельям и пышным церемониям.

Царствование ее можно было бы назвать вполне благополучным: итоги и направление всех произведенных при ней реформ позволяют считать ее более последовательной преемницей великого преобразователя, чем это можно сказать о Екатерине I или Петре II. Однако годы, связанные в русской истории с ее именем, неслучайно пользуются недоброй славой. Едва избавившись от одного временщика, Меншикова, Россия получила при ней несколь-

ких других, гораздо более алчных и менее одаренных. На целое десятилетие фактическим распорядителем при дворе императрицы стал граф Э.И. фон Бирон. В 1731 году он возглавил новый совещательный орган при императрице — Кабинет министров, куда вошли кроме него Б.Х. Миних и Л.И. Остерман, которых Петр I по своему ценил и жаловал, но к высоким постам не допускал.

России Бирон не знал и не понимал, нимало не сочувствовал интересам русского народа, и не стеснялся открыто выражать равнодушие и даже презрение к его обычаям и самой вере. Не доверяя ни единому сословию, он организовал в империи сеть полицейского сыска и надзора. Любое недовольство, часто — даже мнимое, каралось строжайшим образом. Громкие политические процессы, неоправданно грубые методы наведения дисциплины в армии, жестокие казни, производившиеся от имени императрицы, все больше настраивали народ против "иноземцев".

Впрочем, исследования историков показывают, что масштабы репрессий при Анне Иоанновне не были чрезвычайно широкими. Общее число ссыльных насчитывают до 20 тысяч, в то время как в 1750 году в одном Петербурге населения было 95тысяч, а во всей империи, по очень приблизительным подсчетам, более 25миллионов в 1762 году.

Когда Анна Иоанновна скончалась, оставив Бирона регентом при малолетнем императоре, недовольство временичком стало настолько всеобщим и очевидным, что Миниху просто пришлось арестовать его. Суд приговорил Бирона за его злоупотребления к смертной казни, позже замененной на ссылку в Сибирь.

Впрочем, и после падения Бирона, которого теперь с успехом заменял Остерман, положение придворной партии, по мнению патриотически настроенного гвардейства, оставалось прежним. Анна Леопольдовна, сама наполовину немка, выросшая и воспитанная в немецкой среде, по-видимому, не торопилась менять заведенные при ее тетке порядки. Надежды гвардии были связаны с Елизаветой, которая, наконец, решилась на дворцовый переворот. В ночь на 25ноября 1741 года во главе солдат-преображенцев она вошла в Зимний дворец, чтобы выйти из него уже императрицей.

"Брауншвейгская фамилия" была арестована и сослана в город Холмогоры. Анна Леопольдовна умерла в 1746 году, на двадцать восьмом году жизни, незадолго до этого родив на свет еще двух несчастных сыновей. После кончины супруги светлейший принц Антон-Ульрих прожил в Холмогорах еще около тридцати лет. Екатерина Празрешила ему возвратиться на родину, но он пожелал остаться с детьми, вскоре ослеп и умер. Иоанна Антоновича в 1756 году перевели в Шлиссельбургскую крепость под Петербур-

ELISABETA
Imperatrix et
Omnium

PRIMA,
Autocratrix
Rosiarum.

Императрица Елизавета Петровна
Годы правления 1741–1761

гом. Одинокое заключение, которое он был принужден нести с грудного возраста, полное одиночество и вынужденное бездействие, наконец, суровые условия его содержания, — все это губительно сказалось на его рассудке. Из жалости кто-то выучил его читать, и с тех пор чтение Священного Писания оставалось единственным его занятием.

В инструкции, данной его страже, предписывалось "если арестант станет чинить какие непорядки... то сажать тогда на цепь, доколе он усмирится, а буде и того не послушает, то бить... палкой и плетью... буде... кто б отважился арестанта у вас отнять, в таком случае противиться сколь можно и арестанта живого в руки не отдавать". Екатерина II, взойдя на престол в 1762 году, посетила невинного узника и найдя его "поврежденным в рассудке", повелела лишь смягчить, сколько возможно, условия его содержания. К инструкции же прибавилось: "Буде же так она сильна рука, что опасись на можно, то арестанта умертвить, а живого никому его в руки не отдавать"...

В 1764 году подпоручик В. Миревич предпринял попытку освободить узника и провозгласить его императором. Уступая силе, охрана сдалась, но Иоанн Антонович, в соответствии с инструкцией, был заколот... Братья и сестры несчастного в 1780 году тайно были вывезены с небольшим штатом прислуги, священником и лекарем в Данию, где и окончили свою жизнь.

Чтобы закончить рассказ о петербургской жизни в 30-х годах XVIII века, упомянем о приезде в столицу персидского посла, которым много занималось тогдашнее общество. Говорили, будто этот посол имел тайное поручение от шаха Надира — предложил брачный союз царевне Елизавете Петровне. В подарок от шаха императрице Анне Иоанновне привезли вслед затем из Персии великолепного слона, для которого выстроен был "Слоновый двор" на Фонтанке, на месте нынешнего Михайловского замка. При слоне находился персидский "слоновый учитель", обязанный смотреть за ним, лечить его и прогуливаться с ним по городским улицам. На Невском проспекте, куда обыкновенно водили слона, собиралась всегда толпа праздного народа. Так как толпу эту составлял всякий сброд, то многие дразнили и слона, и его провожатых, бросали в них камнями и палками. Содержание слона обходилось недешево; ему полагалось одной пшеничной муки по пуду в день, сахару 28 пудов в год, и что всего удивительней — 100 ведер водки и виноградного вина. При этом оба напитка требовались лучшего качества, и однажды "слоно-

вый учитель" пожаловался, что водка "к удовольствию слона неудобна, понеже явилась с пригарью и некрепка".

В 1741 году шах НаDIR, зная, что его слон был хорошо принят в Петербурге, прислал снова 14 слонов. Для них к существовавшему "Слоновому двору" пристроили еще новые обширные сараи, а для благополучного следования их перемостили Аничков и некоторые другие мосты. На Фонтанке устроили скат, по которому слоны могли бы ходить купаться. Позднее "Слоновый двор" перевели на угол Невского (называвшегося тогда Перспективной улицей) и Лиговки.

Глава VI

Новый век петербургской архитектуры. —

Постройки Бартоломео Растрелли. —

Деревянный Зимний дворец. — Большой Зимний дворец. —

Аничкове кий дворец. — Смольный монастырь. — Улицы.

Мы видели, что до сих пор, при Петре Великом и его первых преемниках, Петербург только застраивался, удовлетворяя насущной потребности крова и разнообразным нуждам управления. Об украшении города еще мало заботились, больших, каменных зданий было немного. Даже важнейшие храмы строились деревянные: собор святой Троицы на Петербургской стороне, святого Исаакия близ Адмиралтейства, Рождества Христова на месте нынешнего Казанского собора. Но в царствование Елизаветы Петровны стали заботиться о том, чтобы украсить Петербург величественными зданиями, достойными столицы. К этому времени относятся многие такие сооружения, которые до сих пор считаются достопримечательностями города и составляют его украшение.

Наибольшая заслуга в этом отношении принадлежит молодому архитектору графу Растрелли, сыну итальянского скульптора, вызванного Петром Великим. Одаренный замечательным талантом, неистощимый в изобретении, знакомый лично с архитектурными памятниками Европы, получивший свое артистическое образование у лучших заграничных мастеров, Бартоломео Растрелли дал чрезвычайный толчок строительному искусству в России. Его именем называется целая эпоха в нашей архитектуре, и его создания отмечены такой величавой красотой, которая выделяет их даже среди позднейших памятников.

Еще в царствование Анны Иоанновны Растрелли составил первоначальный проект нового Зимнего дворца, на набережной между старым дворцом, переделанным из дома адмирала Апраксина, и Адмиралтейством. По этому плану и был выстроен временный дворец, существовавший до 50-х годов XVIII столетия. Но императрица

Елизавета Петровна не любила ни этого дворца, ни своего собственного на Царицыном лугу, где она жила цесаревной. По вступлении на престол, она имела пребывание преимущественно в так называемом Летнем дворце на Фонтанке, на месте близ нынешнего Инженерного замка. Но дворец этот не отвечал расширившимся потребностям придворной жизни, и императрица приказала разом строить два новых дворца: один временный деревянный, у Полицейского моста, другой, каменный, на невской набережной — оба по планам Растрелли.

За работы принялись с большой спешностью. Деревянный дворец строили в виде трех корпусов, соединенных галереями и выходивших фасадами на Адмиралтейский луг. Главный корпус, с парадными залами, был возведен в один год, и в ноябре 1755 года императрица могла уже переселиться в него. Несмотря на то, что дворец этот был временный, внутренняя отделка его и убранство отличались большой роскошью. Сюда были перенесены из старого дворца живописные плафоны, размещением которых в новых залах заведывал сам Растрелли. Особенным великолепием отличались парадные комнаты. В главной зале, с вызолоченными панелями, было 12 огромных окон, и против них такое же число громадных зеркал. Здание вообще изобиловало окнами, и потому все происходившее в лицевых комнатах было видно снаружи. Всех покоев насчитывалось во дворце до сотни; но так как преобладали парадные залы, то помещения оказывалось довольно тесным для придворного штата.

При дворце устроена была богато раззолоченная театральная зала для придворных спектаклей.

Постройка каменного Зимнего дворца, почти в том самом виде, какой он имеет теперь, тянулась много лет, и была закончена, и то лишь вчерне, уже в царствование Петра III. Она требовала больших денег и громадного числа рабочих. В деньгах часто происходила задержка: отпускали вместо 120 тысяч в год — 70 или 40; это так огорчало Растрелли, что он заболел. Для снабжения лесом, камнем и известью приняты были особые меры. Все сплавы по Ладожскому каналу и Неве отданы были в распоряжение "Канцелярии Строений", заведывавшей возведением дворца; никто не имел права в течение трех лет рубить там леса и ломать камень. Сенатским указом предписывалось доставить в Петербург известное число рабочих — каменщиков, плотников, столяров, кузнецов, штукатуров, литейщиков и пр. Другим указом велено было прислать из гарнизонных школ сто человек солдатских детей, от 12 до 15 лет, и отдать их в науку мастерам позолотного, резного и лепного дела, для работ по дворцу. Всего рабочих трудилось около 4 тысяч человек; их шалаши покрывали все громадное пространство, занимаемое ныне Дворцовой площадью и Александровским садом. Впоследствии, когда работы были окончены, генерал-полицеймейстер Корф предложил Пет-

ру III разрешить жителям города растащить весь скопившийся здесь хлам и мусор. Императору понравилась эта мысль, и он велел сделать соответствующее оповещение. Толпы народа тотчас устремились на площадь. Иные бежали пешком, другие ехали на возах. Суетня поднялась необычайная. Тысячи рук тащили доски, выворачивали бревна, копались в кучах щепок, щебня и мусора. Нагрузив возы, уезжали домой, сваливали добычу и спешили снова возвратиться. Зрелище получалось настолько своеобразное и забавное, что сам

Архитектор Б. Растрелли

Петр III долго стоял у окна, глядя как народ рвал и тащил все что попадалось под руку. К вечеру ото всех этих лачужек, шалашей и сараев не осталось ни щепки; даже на щебень и мусор нашлись охотники. Таким образом громадная площадь была очищена в несколько часов, и это не стоило казне ни копейки.

Затянувшаяся постройка Зимнего дворца была закончена только весной 1762 года, но и то еще не вполне. Фасады дворца имели нынешний вид, но впоследствии, при Екатерине II, к нему сделаны были еще многие пристройки со стороны Зимней канавки, а также устроен был Зимний, или висячий, сад и довершено убранство самых больших парадных зал.

В архитектурном отношении Зимний дворец представляет лучшее создание гения Растрелли и один из великолепнейших памятников середины XVIII столетия, несколько не потерявший в красоте и величии среди позднейших зданий. Он выстроен в так называемом стиле "рококо", несколько причудливом и изысканном, бывшим повсеместно в большой моде во время господства французских вкусов. Но гений Растрелли проявился именно в том, что этому небезукоризненному стилю он умел придать такую величавую красоту и изящную легкость, что его создания не производят впечатления тягеловатой вычурности, присущего вообще постройкам "рококо".

Зимний дворец представляет громадное четырехэтажное здание, расположенное в виде продолговатого четырехугольника. Крыша очень низкая, так что за находящимися на карнизах украшениями ее почти не видно. В нижнем этаже колонны ионического, а в верхнем — коринфского стиля. Главный фасад обращен к площади и украшен террасами, статуями и кариатидами. В нынешнее царствование, у западного фасада дворца разбит сад, обнесенный великолепной чугунно-каменной оградой.

В царствование Елизаветы Петровны возведено было также здание Аничковского дворца, сохранившееся с некоторыми перестройками до нынешнего времени. Название свое дворец получил от Аничковской слободы на Фонтанке. Занимаемый им огромный участок Елизавета Петровна купила в 1741 году у купца Лукьянова и поручила архитектору Земцову спешно построить там каменное здание с большим садом. Один из учеников Земцова, Дмитриев, представил чертежи и планы дворца. Они были одобрены, и работы закипели. Вскоре Земцов умер, и распоряжение постройкой поручено было Растрелли. Гениальный италянец уже не мог изменить выведенных по весьма простому плану стен, и обратил все свое искусство на внутреннюю отделку. В 1746 году дворец вчерне был уже готов. Императрица приказала поставить над ним два купола: один с крестом, над предположенной церковью, другой для симметрии на противоположной стороне. Железный крест, высотой 4 аршина (2,8 м), был выкован на Сестрорецких заводах; на золочение его пошло до двух фунтов (около 800 г) золота. Сама церковь сооружена была в 1751 году. Аничковский дворец был подарен обер-егермейстеру Алексею Григорьевичу Разумовскому, который впрочем мало жил там, и в 1767 году продал его в казну.

В своем первоначальном виде, Аничковский дворец представлял трехэтажное здание с двумя выдающимися крыльями, увенчанными куполами из белой гести, с золочеными орнаментами и звездами на шпицах, а посредине выступал фронтон, украшенный раззолоченными статуями, держащими на щите, под короной, вензель Елизаветы Петровны. От главного подъезда вели к Фонтанке гранитные ступени, так что можно было подплывать ко дворцу на лодке. У это-

го же подъезда был устроен бассейн, над которым по краю берега проходила открытая терраса с балюстрадой и павильонами по углам. Между террасой и дворцом, по обеим сторонам бассейна, были разбиты цветочные клумбы. В ворота с Невского вел проезд по мосткам через канал, тянувшийся вдоль улицы. За дворцом находился пруд с высокими насыпными берегами, с аллеями и боскетами, занимавшими все пространство нынешнего дворцового сада. На месте же нынешнего Александрийского театра разбит был цветочный сад, со спуском воды из пруда для поставленного там фонтана.

Дворец Марли

Над внутренней отделкой Аничковского дворца трудился сам Растрелли, с немалым числом итальянских художников и мастеров. Он истощил свою изобретательность, сочиняя рисунки для роскошной деревянной резьбы и других украшений.

Наряду с дворцами, Петербург украшался в то же время большими каменными храмами, причем и здесь Растрелли высказал свой блестящий талант. К замечательнейшим церковным сооружениям принадлежит выстроенный по его плану Смольный монастырь. Хотя и выведенная под купол, церковь этого монастыря долгое время ос-

тавалась незаконченной, и только в царствование Николая I получила окончательную отделку. Рассказывают, что знаменитый архитектор времен Екатерины II, Кваренги, проезжая мимо Смольного, всегда снимал шляпу и любовался превосходными линиями сооружения.

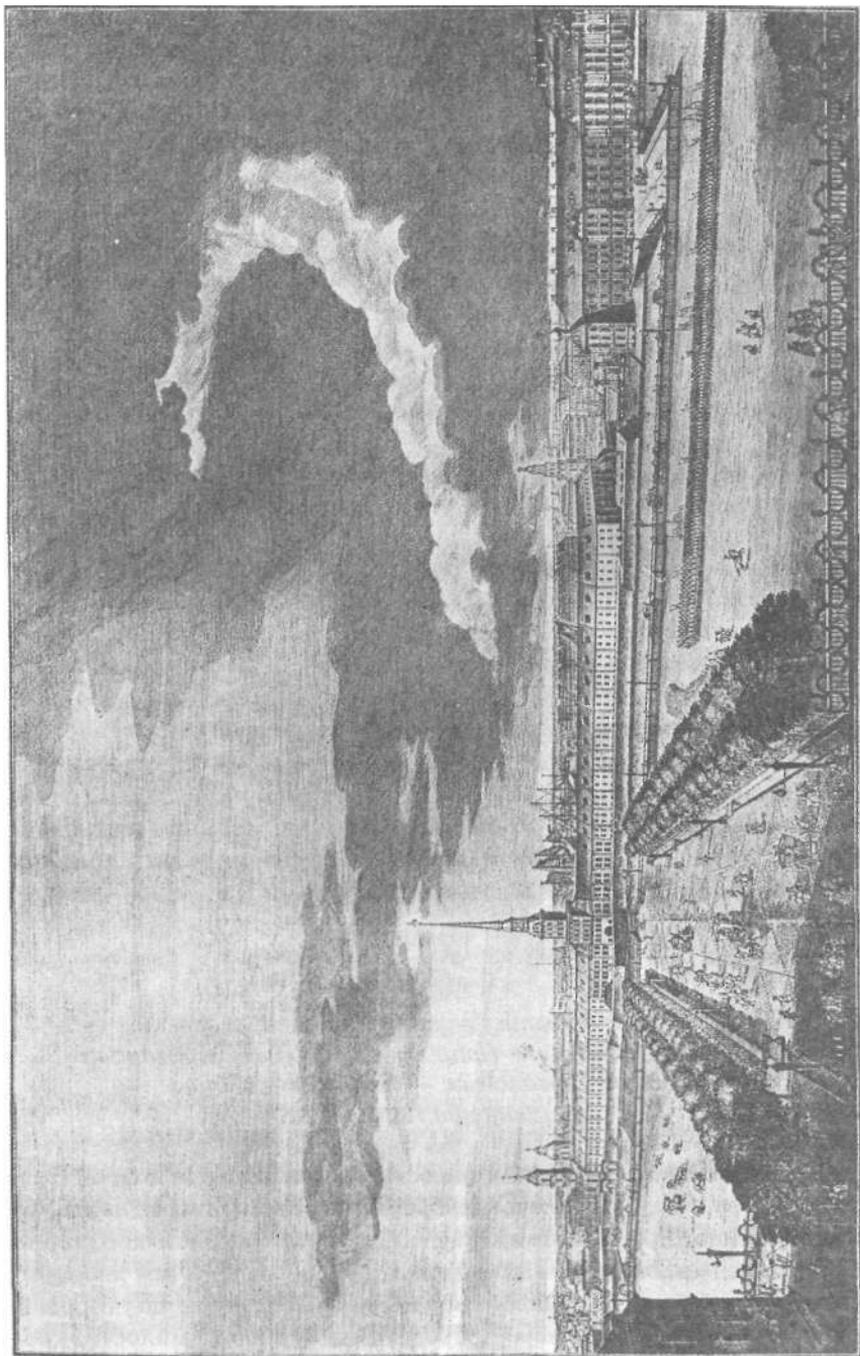
При Елизавете Петровне выстроены также Владимирская церковь, Никольский Морской собор, церковь Захария и Елизаветы и некоторые другие.

Нельзя не упомянуть также, что в это время стали строить каменные мосты на Фонтанке и других каналах, и принялись за перестройку Гостиного двора. От неутомимого Растрелли и здесь потребовали планов и распоряжений. Начали строить нынешний Гостиный Двор в 1755 году, "общим коштом" (то есть за счет) всего торгующего в нем купечества, и строили долго, так что только в 1785 году здание было окончено.

Вкус к роскошным постройкам распространялся также и среди петербургской знати. Многие вельможи елизаветинского двора строили себе большие каменные дома, по роскоши отделки мало уступавшие царским дворцам. Таковы были дома: графа Петра Ивановича Шувалова на Мойке на углу Прачечного переулка, графа Ивана Ивановича Шувалова на Невском против Садовой, графа Воронцова, где позднее находился Пажеский корпус, и другие.

Невский проспект в это время уже сильно застроился и стал лучшей улицей в городе. На нем разрешалось возводить только каменные здания, и 1 мая 1747 года назначено было последним сроком для сломки старых домов или приведения их в порядок по утвержденному плану. Но вид Невского был далеко не такой как теперь; дома, хотя и каменные, были по большей части двухэтажные, и перед каждым обязательно устраивался палисадник, так что летом вся улица утопала в зелени. Архитекторы того времени вообще любили разбивать перед фасадами маленькие садики и выводить на улицу узорчатые чугунные решетки. Часть Невского за Фонтанкой, до Николаевской улицы (тогда Грязной) перемазивалась, осушалась и также застраивалась.

Обращено было внимание и на порядок уличного движения. Новые распоряжения подтверждали изданные раньше указы о недопущении слишком быстрой езды по улицам. Езда цугом не разрешалась, как во избежание тесноты, так и по случаю дороговизны овса и сена; только иноземные послы, да выезжающие совсем из города, могли закладывать в кареты несколько пар лошадей. Езда на рысках (бегунах) на городских улицах воспрещалась, и дозволялась только за городом. Приняты были также меры к упорядочению извозного промысла. Поводом было то, что при большом пожаре 1761 года извозчики пользовались крайностью погорельцев и запрашивали непомерные цены. Сенат постановил "расписать их по частям", и

Вид Адмиралтейства с Невской перспективы

для лучшего наблюдения снабдить их кожаными ярлыками, с обозначением номера и части города. За ярлык взималось по два рубля. В случае пожара извозчики обязаны были перевозить имущество погорельцев бесплатно.

Гостиницы и трактиры (герберги) разделены были на пять разрядов и привлечены к участию в налогах, от 100 до 50 рублей в год, смотря по разряду.

Замечено было также, что улицы около зданий казенных ведомств содержались неопрятно и в таком виде, что при проезде по ним грозила даже опасность. Поэтому Сенат подтверждал всем присутственным местам наблюдать за исправностью мостовых, уравнивать ухабы и ямы, не накапливая на улице сор и пр.

Любопытно, что на главных улицах запрещалось ставить на домах вывески. Очевидно, вывески тогда делались довольно безобразные.

Пожары по-прежнему составляли главное бедствие петербургских жителей. В особенности опустошительен был пожар 26 мая 1761 года, в Мещанских улицах. Он начался в 11 часов утра и продолжался до вечера. Императрица, прибыв к Синему мосту, лично распоряжалась борьбой с огнем и спасением имущества пострадавших. Затем, приняты были особые меры для помощи погорельцам: велено было приостановить все казенные постройки, кроме Зимнего дворца, и отпускать строительные материалы по умеренной цене всем возобновлявшим свои дома на пепелище; разрешено было отпускать им и денежные ссуды из недавно учрежденного коммерческого банка. Для предупреждения подобных же бедствий на будущее время, указано было купечеству содержать караулы, иметь пожарные инструменты и воду в достаточном количестве; запрещалось ходить с огнем внутри торговых рядов или поблизости, и т. д.

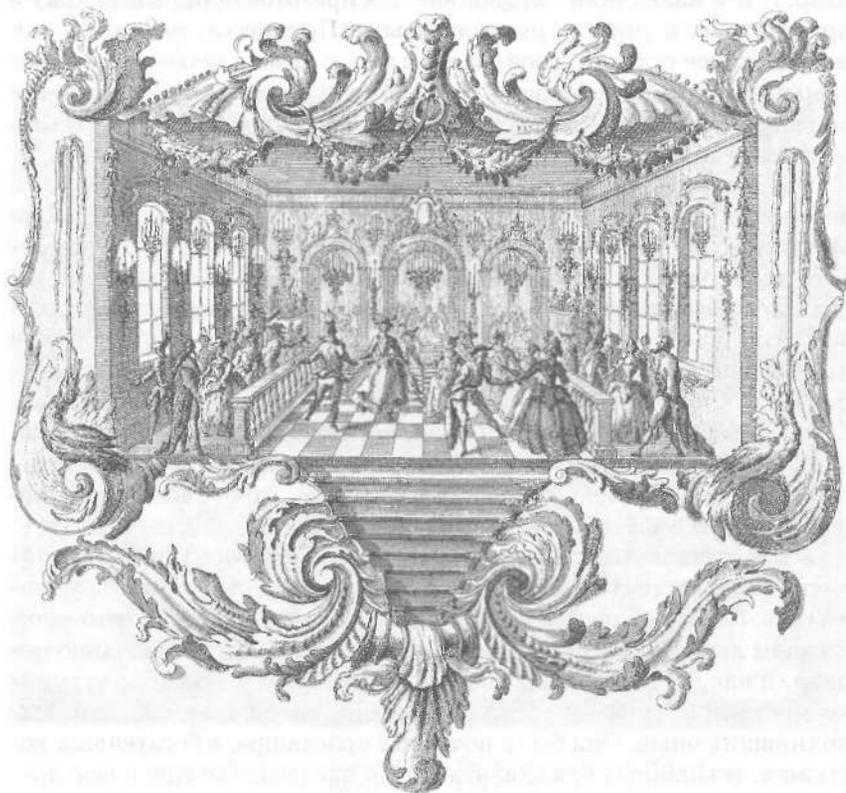
Глава VII

*Петербургские события в царствование Елизаветы. —
Придворная жизнь. — Праздники у барона Строганова
и графов Шуваловых. — Благоустройство
резиденции в Петергофе.*

Надежды, с которыми в России встретили воцарение дочери Петра Великого, были выражены декорациями, сочиненными академиком Штелином для иллюминации по случаю торжества коронации Елизаветы Петровны. Главная декорация, перед Зимним дворцом, изображала "Храм благополучия". Золоченые фигуры по сторонам храма олицетворяли четыре добродетели: мудрость, милость, кропотливость и любовь к отечеству.

Елизавета как бы спешила оправдать эти надежды, пощадив жизнь осужденных министров прошлого царствования. Верховный суд приговорил к смертной казни Остермаш* и Миниха, и вместе с ними Левенвольда, Менгдена и Головкина, но казнь была заменена им ссылкой в Сибирь.

С первых дней царствования Елизавету Петровну заботил вопрос о преемнике ее на престоле. Наследником являлся Голштинский

Маскарад в 1744 году

принц Карл Петр Ульрих, сын дочери Петра Великого, Анны Петровны. Императрица вызвала его в Петербург, произвела в подполковники Преображенского полка, и приказала готовить его к переходу в православное вероисповедание.

Вскоре императрица со всем двором, Сенатом и иноземными посольствами выехала в Москву на коронацию, и провела там почти весь 1742 год. Она вообще любила Москву и несколько раз в свое царствование выезжала туда и подолгу там оставалась, с двором и высшими чинами. Перед возвращением из Москвы после корона-

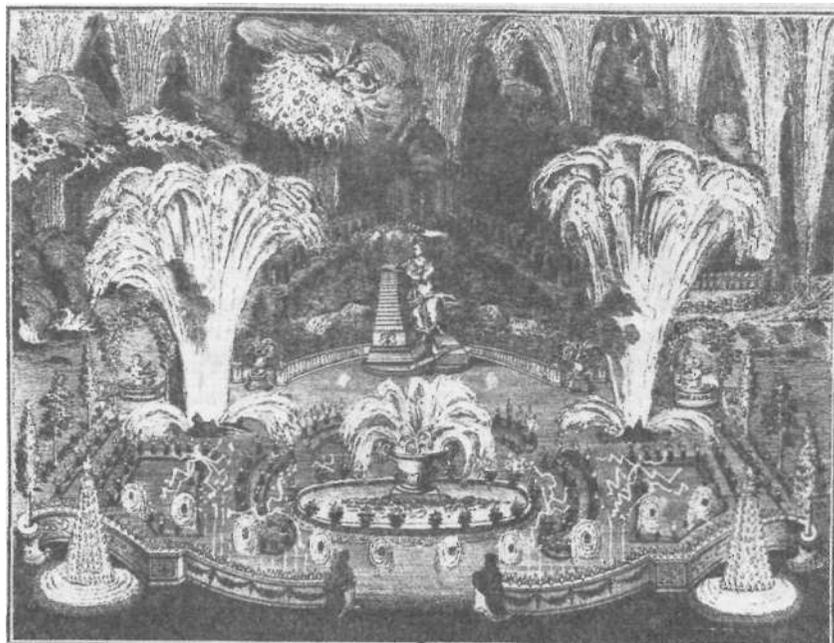
ции, герцог Голштинский объявлен наследником, под именем Петра Федоровича, "яко по крови нам ближайший".

Императрица вскоре затем озаботилась выбором невесты для преемника престола. Она остановилась на принцессе Ангальт-Цербстской Софии Августе, блиставшей умом, образованием и красотой. Императрица пригласила ее в Россию, и в феврале 1744 года принцесса со своей матерью прибыла в Москву, где тогда находился двор. К ней назначили священника для приготовления к переходу в православие, и учителя русского языка. Принцесса, желавшая как можно скорее стать русской, занималась с ними с необыкновенным усердием. 28 июня совершено было над ней миропомазание, причем она наречена Екатериной Алексеевной, а на другой день состоялось обручение с ней великого князя Петра Федоровича.

В феврале 1745 года наследнику престола исполнилось 16 лет, а в августе того же года состоялось его бракосочетание. Празднества по этому поводу отличались большой пышностью и продолжались десять дней. Любопытно, для характеристики времени, познакомиться с распоряжениями относительно приезда к придворным торжествам особ высших классов. Приказано было лицам I и II классов иметь у каждой кареты по 2 гайдука, от 8 до 12 лакеев и по два скорохода, а кто пожелает, то еще по 2 пажа и по 2 егеря. Особы III класса должны были иметь у каждой кареты по 6 лакеев и по 2 скорохода, камергеры освобождались от скороходов, но по 6 лакеев должны были иметь непременно. Требовалось также, чтобы все приезжающие ко двору платье и экипажи имели хорошие.

В век Елизаветы жизнь высшего петербургского круга отличалась широким гостеприимством и пышностью. Иностранцы удивлялись блеску маскарадных балов, дававшихся во временном Зимнем дворце. "Красота и богатство апартаментов невольно поразили нас, — писал один из них, — но удивление вскоре уступило место приятнейшему ощущению при виде более 400 дам, наполнявших оные. Они были почти все красавицы, в богатейших костюмах, осыпанных бриллиантами. Но нас ожидало еще новое зрелище: все шторы были разом спущены, и дневной свет внезапно заменен блеском 1200 свечей, которые отражались со всех сторон в многочисленных зеркалах. Загремел оркестр, состоявший из 80 музыкантов. Великий князь с великой княгиней подали пример танцам. Вдруг услышали мы глухой шум, имевший нечто весьма величественное. Двери внезапно отворились настежь, и мы увидели великолепный трон, с которого сошла императрица, окруженная своими царедворцами, и вошла в большую залу. Она поклонилась троекратно. Дамы и кавалеры окружили нас, говоря с нами по-французски, как говорят в Париже. В 11 часов обер-гофмейстер объявил Ее Величеству, что ужин готов. Все перешли в очень большую и богато убранную залу, освещенную 900 свечами. Посредине стоял фигур-

ный стол на 300 персон; на хорах во все время ужина гремела вокальная и инструментальная музыка. Были кушанья всех возможных стран Европы, и прислуживали французские, русские, немецкие и итальянские официанты, старавшиеся ухаживать за своими соотечественниками. На этих балах-маскарадах часто разыгрывались лотереи, и почти всегда садились за ужин по билетам, которые выпадали гостям, так что случай решал, какому кавалеру сесть около какой дамы".

Изображения иллюминаций и фейерверка в Петербурге
10 февраля 1745 года

Другой француз так описал маскарады того же времени: "Маскарады эти были роскошны и давались во дворце, где по этому случаю раскрывались все парадные покои, ведущие в большую залу, представляющую двойной куб в сто футов. Вся столярная работа выкрашена зеленым цветом, а панели на обоях позолочены. Нелегко описать впечатление, которое зала производит с первого взгляда своим величием и великолепием. По ней двигалось бесчисленное множество масок в богатейших костюмах, разделенных на кадрили и группы. Все покои были богато освещены: в одну минуту зажигается не менее тысячи свечей. Есть несколько комнат для танцев, для игры, и общий эффект самый роскошный и величественный. В одной из ком-

нат обыкновенно императрица играла в фараон или пикет*, а к 10 часам она удалялась и появлялась в маскарадной зале, где оставалась до пяти или шести часов утра, несколько раз переменяя маски. Каждое воскресенье бывали прием и бал, кроме больших праздников. Нельзя вообразить себе более величественного двора при подобных случаях. Редко бывало менее трех тысяч гостей, в том числе молодежи. Придворные дамы немало способствовали блеску этих собраний, обладая в высокой степени искусством одеваться к лицу. Наряды дам очень богаты, равно как и драгоценности их: бриллиантов придворные дамы надевают изумительное множество. На дамах более низкого звания бывает бриллиантов на 10-12 тысяч рублей. Они даже в частной жизни никогда не выезжают, не увешанные драгоценными уборами, и я не думаю, чтобы из всех европейских цариц была хоть одна, имевшая более драгоценных уборов, чем русская императрица".

Иногда придворные праздники соединялись с разными декоративными затеями. Так например, под новый 1751 год, за ужином устроен был посредине стола цветник из тропических растений, и вокруг него горело до 300 восковых свечей. Иллюминация представляла колоссальный глобус, обращенный к зрителям той частью, где приходилась Россия. Посредине круга горели ярким огнем начальные буквы имени императрицы под короной. Выше же глобуса ярко сияли цифры "1751" в венке из пальмовых и лавровых ветвей; ниже них пушены были вниз лучи. Падая, они сходились на поставленных по сторонам декорации жертвенниках, у подножий которых начертаны были на щитах восемь стихов, восхвалявших добродетели государыни.

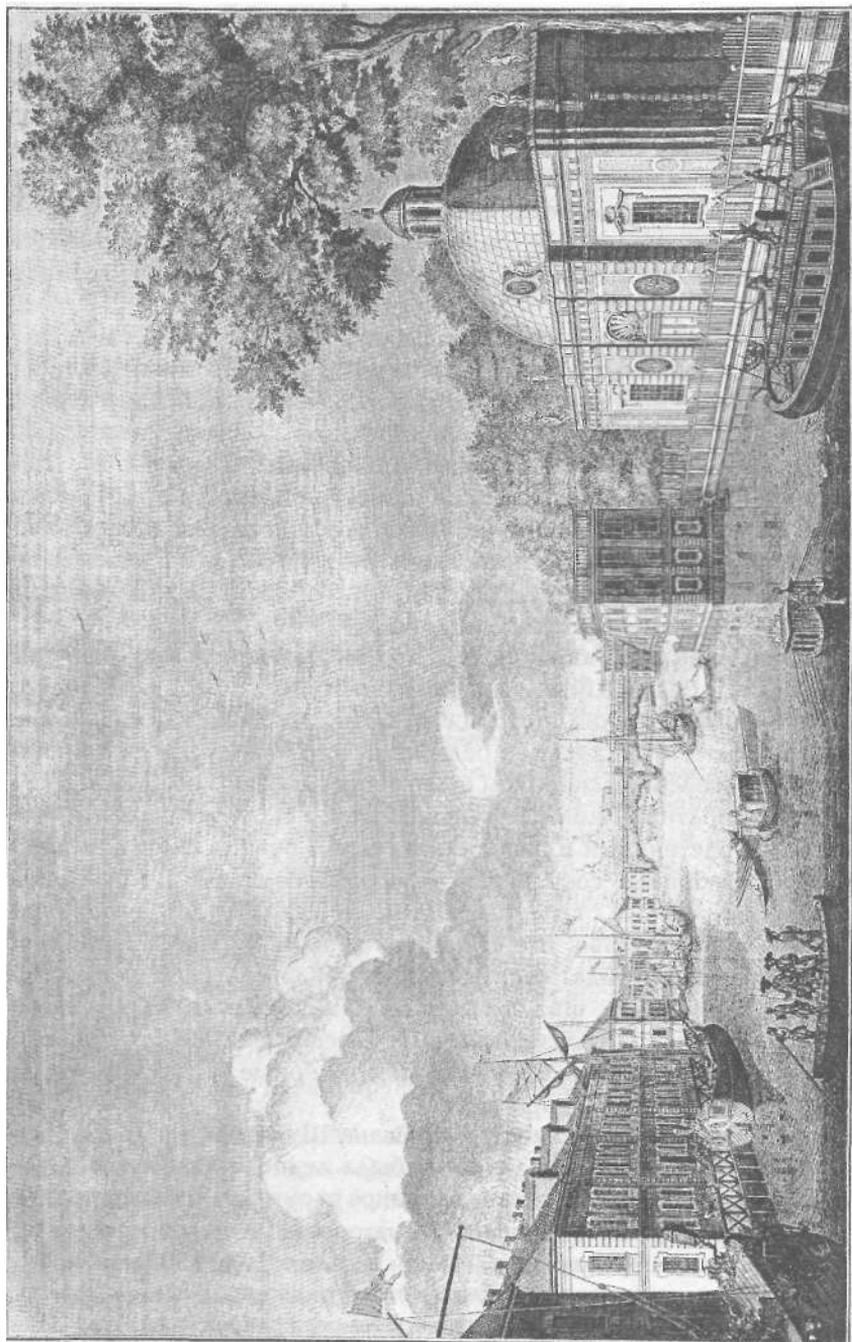
Здесь кстати отметить, что в 1752 году запрещено было дамам являться ко двору в платьях темных цветов. Распоряжение это, по-видимому, понравилось петербургскому обществу, так как до конца XVIII века вкус к светлым и ярким платьям сохранялся, хотя восприятие темных цветов не возобновлялось.

Так как в придворные маскарады допускалось очень много публики, то первоначально, вероятно, некоторые посетители являлись в несоответствующем платье. Об этом можно заключать из того, что в 1742 году предписано было указом: "Дабы впредь в маскарад желающим ездить в хорошем и не гнусном платье, а в телогреях, полубухах и кокошниках не ездить".

Маскарады давались также и в Летнем саду.

Многие из петербургской знати строили себе дома, походившие на дворцы, и вели необычайно роскошный образ жизни. Особенной расточительностью отличался канцлер Бестужев. Граф Апраксин

* *Фараон, пикет* — названия карточных игр.

Вид устья реки Фонтанки и Зимнего дворца в 1753 году

держал открытый стол для многочисленных гостей и одевался с большой пышностью, так что в шкафах его собиралось по несколько сот дорогих кафтанов. Граф Разумовский, хотя был сыном простой казачки, ввел в обычай носить на платье бриллиантовые пуговицы и звезды. У некоторых вельмож появились большие хоры роговой музыки; лучшими считались Нарышкинский и Разумовский, принадлежавший младшему из братьев Разумовских. Этот хор впоследствии купил Потемкин. Когда австрийский император Иосиф II услышал этот хор, то пришел в полный восторг, и говорил потом, что никогда в жизни не испытывал такого сильного музыкального впечатления.

Пышностью обстановки и жизни славился и барон Строганов, выстроивший себе по плану знаменитого Растрелли дом на Невском у Полицейского моста, существующий и поныне. В этом доме Строганов дал по случаю рождения великого князя Павла Петровича роскошный бал-маскарад, описанный в тогдашних "Ведомостях". Приглашенные начали съезжаться с 7 часов. В большой зале танцевали, а в остальных парадных комнатах всю ночь потчивали дорогими винами, фруктами и конфетами "в великом довольстве". С 11 часов вечера до 7 часов утра там же расставлены были столы для ужина, за которые маски попеременно садились.

Едва ли не всех, впрочем, превосходили роскошью своих праздников оба брата Шуваловы. Дом Петра Шувалова, на Мойке, у Прачечного переулка, походил на музей по богатству собранных здесь предметов искусств и редкостей. В 1754 году в этом доме роскошным балом-маскарадом было отпраздновано рождение будущего императора Павла. Большая зала вся была уставлена тропическими растениями и походила на сад. В буфете блистали золотые и серебряные сосуды и фарфоровые сервизы. Но особенное удивление вызывал грот, где поставлен был стол для императрицы и великого князя. Все стены грота были украшены спелыми гроздьями винограда, составлявшего тогда большую редкость в Петербурге. Из-за шпалер виноградника выставлялись камни разных горных пород, отражавшие блеск огней. Между кристаллами стояли античные бронзовые и мраморные бюсты, из-под которых били фонтаны дорогих вин.

На маскарадном балу у графа Ивана Шувалова вдоль внутренних стен дома, во дворе, устроена была ледяная колоннада. Освещенная огнями, она представляла такое чарующее зрелище, что петербургская публика добивалась повторения, и через неделю бал был действительно повторен. На нем веселилось до 1500 масок.

К концу царствования Елизаветы придворная жизнь заметно приутихла, так как здоровье императрицы требовало отдыха. Явилось даже преследование чрезмерной роскоши в обществе: в 1761 го-

ду указом запрещен был ввоз из заграницы "излишних" вещей, как-то: кружев, блонд* и галантереи.

Годы царствования Елизаветы Петровны составляют новый, и притом весьма значительный, период в истории Петергофа. Сады вновь покрылись множеством цветников, по-прежнему высоко и шумно забили отремонтированные фонтаны. Значительно расширены и украшены были Верхние палаты, которые с этого времени по праву стали называть Большим дворцом.

Обер-архитектор Растрелли бережно отнесся к старому строению, сохранил в целом его архитектурное решение, чем, безусловно, угодил государыне, трепетно относившейся ко всякой детали, исполненной по личной инициативе Петра Великого. Вместе с тем, по двум сторонам фасада архитектором были пристроены каменные флигели, причем в правом из них поднялось нарядное здание церкви во имя святых Апостолов Петра и Павла. В главном здании Растрелли надстроил третий этаж. С большим интересом и вниманием Елизавета отнеслась к отделке интерьеров дворца. При утверждении эскизов зал, где предполагалось принимать столичное купечество, она повелела "как можно более вызолотить", пояснив: "Торговые люди ведь любят золото..." Впрочем, и сама государыня обнаружила немалую любовь к роскоши, и в последние свои годы с особенной гордостью подчеркивала, что Петергофский дворец ничем не уступает Версальскому.

Неподалеку от Монплезира Елизавета распорядилась выстроить небольшую летнюю кухню в голландском стиле, где иной раз для забавы сама готовила для себя трапезу.

Дворец Монплезир по распоряжению императрицы был отведен для проживания великой княгини Екатерины Алексеевны. Именно отсюда в июне 1762 года Екатерина тайно отправилась в Петербург, где была провозглашена Всероссийской императрицей. Впоследствии Петергоф пробуждал в ее памяти, вероятно, не слишком радостные воспоминания. Видимо, поэтому Екатерина недолюбливала эту резиденцию, и мало занималась ее благоустройством.

*Блонды — французские кружева из шелковых нитей.

*Первый русский театр в Петербурге. — Волков. —
Сумароков. — Ломоносов. — Кончина Елизаветы Петровны. —
Характер императора Петра III Федоровича. —
Воцарение на престоле императрицы
Екатерины II Алексеевны.*

Не одна только внешняя обстановка петербургской жизни делала успехи. Царствование Елизаветы Петровны было временем зачинающегося русского просвещения, к нему относятся первые шаги русской литературы и русского театра, оно блистает именами Ломоносова, Сумарокова, Дмитревского, Волкова.

Ломоносов находился тогда в самом расцвете своего разностороннего гения. Он представляет собой, без сомнения, одно из замечательнейших явлений русской жизни XVIII века. В XIX веке, когда каждому простолыдину открыты средства образования, когда крестьянский мальчик в своей или в соседней деревне находит начальную школу, предоставляющую ему возможность проверить свои способности и удовлетворить первые требования любознательности — мы нередко встречаем образованных и даже ученых людей, вышедших из народа, и силой воли выбившихся из своей скромной доли. Но в первой половине XVIII века условия были другие: не только не было школ по деревням, но не было людей, которые своим примером, своими рассказами могли бы расшевелить воображение крестьянского мальчика и побудить его, покинув семью и дом, искать во что бы то ни стало образования, школьного учения. Ломоносов всеми своими успехами обязан лично себе, своему уму и дарованиям, своей твердой воле, неотступно звавшей его из темноты крестьянской жизни к свету книжной образованности.

Михайло Васильевич Ломоносов родился в 1711 году в Архангельской губернии, близ Холмогор. Он был сыном зажиточного крестьянина, промышлявшего рыбной ловлей и перевозкой грузов по Белому морю. Мать его, дочь дьякона, была грамотна и выучила его читать. Мальчик пристрастился к чтению; но отец вовсе не сочувствовал такому увлечению, и Ломоносову приходилось прятаться с книгами. Да и книг было мало, а мирских, не церковных, совсем не было. Между тем от крестьян, бывших в Москве и Питере, Ломоносов наслышался о Петре Великом, о его славных делах, о его стремлении положить в стране зачатки просвещения. Попавшая ему в руки "Арифметика" Магницкого дала ему понятие о таком учении, какого не знали холмогорские грамотеи из староверов. Мальчиком овладело непреодолимое желание ознакомиться со школьным учением. Но для этого надо было попасть в Москву. И вот Ломоносов, никому не сказав, без всяких средств, уходит из дому с рыбным обо-

зом, отправлявшимся в Москву. Терпя всевозможные лишения, он добирается после долгого пути до старой столицы, и поступает там в славяно-латинскую академию, где изучает латинский язык и знакомится с философией. Положение его в Москве было самое плачевное; он так о нем рассказывает: "Имея один алтын* в день жалованья, нельзя было иметь на пропитание больше как за денежку хлеба и на денежку квасу, прочее на бумагу, на обувь и другие нужды. Таким образом жил я пять лет и наук не оставил". По-видимому, за эти

М.В. Ломоносов

пять лет Ломоносов побывал в Киеве и в тамошней академии, считавшейся лучшей в старой России.

Но вот в судьбе юноши происходит решительная перемена: его выбирают в числе 12 способнейших семинаристов и везут в петербургскую Академию наук, а оттуда в 1736 году отправляют в Германию, в Марбургский университет, к знаменитому профессору философу Вольфу. Там Ломоносов пробыл пять лет, занимаясь философией, математикой, физикой и химией, и в то же время пробуя свои

* *Алтын* — старая серебряная монета достоинством в 3 копейки. *Денежка* монета, равная 1/2 копейки, то же, что грош.

силы в поэзии. В 1739 году он прислал в Академию наук оду на взятие Хотина, приложив к ней "Письмо о правилах российского стихотворства". Этими правилами он установил русское стихосложение, которого до сих пор держатся все наши поэты. Ода была блестящим, звучным образцом, отвечающим этим правилам, и ее по всей справедливости можно признать произведением, с которого начинается русская поэзия.

Между тем жизнь в Германии тяжело доставалась Ломоносову при его скудных средствах и неумении распоряжаться деньгами. Дошло до того, что его завербовали в солдаты; он должен был бежать из Германии, оставив там пока свою семью, и с трудом добрался в 1741 году до Петербурга. Прибыл он туда в качестве студента академии, и хотя ревностно трудился над переводом на русский язык ученых немецких книг, работал в академических кабинетах и писал оды и рассуждения, но в первое время не получил места. Только с восшествием на престол Елизаветы Петровны, в 1742 году Ломоносов становится адъюнктом физики, с очень скромным жалованием. Лишь через три года удалось Ломоносову стать профессором химии в Академии, выписать из Германии жену с детьми, и спокойно отдаваться своим разнообразным литературным и научным трудам, доставившим его имени блестящую известность, как первого русского поэта и ученого. Опыты над минералами и в особенности над электричеством, изучение которого тогда было в зародыше, разнообразились у Ломоносова с трудами по составлению русской риторики и русского словаря, сочинением од, посланий, поэм и трагедий, и приготовлениями к первому тому задуманной им истории России. Работать ему, однако, приходилось все еще при тяжелых условиях: интересы научные и литературные были еще очень слабы в петербургском обществе, в Академии наук преобладала немецкая партия, завистливо относившаяся к русскому сопернику, средства к жизни у Ломоносова были очень скудные. В таких тяжелых обстоятельствах он находил поддержку у графа И.И. Шувалова, составившего себе славу первого у нас покровителя наук и искусств, "мецената". Шувалов постоянно ходатайствовал за Ломоносова у императрицы, ободрял его, мирил с академическими врагами. В доме Шувалова на Невском, в угловой гостиной, увешанной портретами и картинами, у просвещенного и радушного хозяина часто сходились образованнейшие люди того времени: Ломоносов, Сумароков, Костров, княгиня Дашкова. Можно сказать, что это были первые в Петербурге собрания, посвященные разговорам о литературе и научных открытиях, чтению стихов и т. п. Шувалов и сам писал стихи, пользуясь советами и критикой Ломоносова. Впоследствии в этой приветливой гостиной Шувалов принимал также, еще совсем юношами, будущих знаменитостей екатерининского царствования — Державина, Фонвизина и Богдановича.

Фрагмент плана С.-Петербурга 1753 года
(Адмиралтейская и Литейная части)

Сумароков был воспитанником Кадетского корпуса, в котором, как мы уже знаем, давалось образование не только специальное, но и литературное. Очень рано молодой человек обнаружил расположение к стихотворству, и по рукам ходили его стишки нежного содержания, не имевшие впрочем никакого достоинства. Сразу большой успех приобрел Сумароков своей трагедией "Хорев", вышедшей в 1747 году. За "Хоревом" последовал еще целый ряд трагедий и комедий в стихах. Все они были написаны по одному и тому же французскому образцу и не отличались литературными достоинствами; но как новинка, чрезвычайно нравились обществу, в котором уже ощущалась смутная потребность — иметь русский театр.

В то время русского театра с постоянной труппой в Петербурге не существовало. Для развлечения общества имелись итальянская опера и пантомима, да представления циркового характера, даваемые наезжавшими из-за границы предпринимателями. На русском языке давались только придворными дамами и кавалерами народные или фантастические сцены в придворном театре. Когда появился "Хорев", предложено было поставить его кадетам в корпусе; спектакль этот был доступен только для придворной публики.

Между тем до Петербурга дошли слухи, что в городе Ярославле существует русский театр, вмещающий до тысячи зрителей, и что там труппа, состоявшая из местных жителей и приказных, дает представления под руководством купеческого сына Федора Волкова, человека больших способностей и проникнутого великой страстью к театральному делу. Любопытство императрицы было сильно возбуждено этими слухами, и она приказала привезти Волкова в Петербург, с его труппой, костюмами и необходимыми принадлежностями. Ярославские комедианты приехали. Сам Волков, двое его братьев, товарищ его Дмитревский и еще некоторые были оставлены в столице, а прочие отпущены обратно. Сумарокову поручено было учить Волкова и других актеров составившейся труппы сценическому искусству, и таким образом начало русскому театру в Петербурге было положено. Помещением для него выбран был дом Головкина на Васильевском острове, на 3-й линии, а для пополнения труппы вызывались через объявления в "Ведомостях" желающие всякого звания. Женские роли предполагалось предоставлять женщинам.

Федор Григорьевич Волков, справедливо считающийся основателем русского театра, тоже представлял собой, подобно Ломоносову, замечательное самородное явление в русской жизни. Он родился в 1729 году в Костроме, в купеческой семье. Мать его рано овдовела и вышла вторично замуж за ярославского купца Полушкина. Полушкин был человек состоятельный и добрый; он позаботился обучить пасынка грамоте, и затем отправил его в Москву, в академию. Там Волков учился три года, а затем был взят Полушкиным домой в Ярославль и приставлен вместе с братьями к торговым делам. По

Император Петр III
Годы правления 1761–1762

этим делам ему случилось быть в Петербурге, и тут довелось видеть придворный спектакль. Театральное зрелище произвело на него потрясающее впечатление. Он весь отдался новой страсти, и оставаясь два года в Петербурге, все свободное время посвящал сценическому искусству. В 1747 году, возвратившись после смерти отчима в Ярославль, он составил труппу из своих братьев, местных сидельцев и приказных, и стал давать представления в пустом каменном амбаре. Первый спектакль состоялся 29 июня 1750 года. Новинка имела успех, и вскоре на собранные среди купечества деньги был построен настоящий деревянный театр. Вот об этой-то ярославской труппе, первой в России, и дошли в Петербург слухи, побудившие Елизавету Петровну выписать провинциальных артистов в столицу.

Волков в Петербурге трудился неутомимо, переводил и ставил пьесы, играл в них героические роли. Его игра отличалась простотой и правдивостью; современник его, Новиков, сообщает, что декламация Волкова была "только что природная и неукрашенная искусством". Такое направление Волков как бы передал в завет русскому театру.

Императрица так интересовалась первыми представлениями ярославских комедиантов, что костюмы для трагедии "Хорев" готовились в ее присутствии, и перед спектаклем она сама украшала бриллиантами головной убор героини пьесы.

На содержание театра назначено было 5 тысяч рублей в год, и директору театра, бригадир* Сумарокову, жалованье в тысячу рублей. Неутомимый директор продолжал ставить все новые пьесы, трагедии и комедии, частью из русской истории и русских нравов, частью переводные с французского. Увлеченный его примером и поощряемый Шуваловым, Ломоносов также написал несколько трагедий. Таким образом мало-помалу создавался репертуар, в который вошли и почти все известнейшие пьесы французских авторов, в особенности Мольера и Расина. В обществе сочувствие театру было огромное, и сценические зрелища сразу заняли значительное место в городской жизни.

Уже давно не пользовавшаяся цветущим здоровьем, императрица Елизавета в ноябре 1761 года сильно захворала. Врачи, считавшие ее болезнь лихорадкой, старались прервать пароксизмы, и достигнув этой цели, думали, что государыня вполне оправилась. Но в декабре болезнь проявилась в угрожающей форме, и в день Рождества Христова Елизавета Петровна скончалась. Ей наследовал племянник ее Петр III, сын Голштин-Готторпского герцога Карла Фридриха и старшей дочери Петра I Анны.

* *Бригадир* — старинное воинское звание, промежуточное между полковником и генерал-майором.

Зимний дворец, к скорейшей постройке которого Елизавета Петровна и архитектор Растрелли прилагали так много забот, еще не был окончательно отделан внутри. С этой отделкой теперь торопились, и 6 апреля совершенно было освящение большой дворцовой церкви во имя Воскресения. Накануне, без особой торжественности, но при пушечной пальбе, Петр III переехал в новое здание. С тех пор Зимний дворец становится главной императорской резиденцией и сохраняет, за небольшими изменениями, свой наружный вид, созданный по рисункам Растрелли.

К переезду императорской семьи готова была только некоторая часть здания. Государь выбрал для себя комнаты в юго-западной стороне. Спальной его была угловая комната на площадь; рядом с ней помещалась его библиотека. Императрица заняла комнаты, названные потом покоями императрицы Марии Федоровны. В остальной части дворца продолжались работы по внутренней отделке, под руководством архитектора Чевакинского, даровитого ученика Растрелли. Поправляли потолки и крышу, дававшую течь, расписывали плафоны, отделявали мрамором стены аванзалы и античной залы, поправляли набережную.

Кратковременное царствование Петра III не оставило существенных следов в жизни столицы. Можно только отметить, что в мае 1762 года учрежден был Государственный банк, чем, без сомнения, оказано было влияние на развитие городской торговли. Кроме того, по случаю нового пожара в Мещанских улицах, подтверждены были указы о принятии противопожарных предосторожностей и запрещено было строить вновь деревянные дома во всех незаречных частях города. Тогда же впервые были приняты меры для истребления бродячих собак на городских улицах.

Детство и юность Карла Петра Ульриха (после провозглашения престолонаследником — Петра Федоровича) прошло в Пруссии. Рано осиротев, он воспитывался под наблюдением гофмаршала Брюмера. Атмосфера беспросветной грубости и унижений, которым подвергался ребенок при малейшем проступке (в качестве воспитательной меры, например, ему подвязывали ослиные уши), озлобила его сердце и серьезно подточила жизненные силы, и без того слабые. Поначалу молодого герцога готовили к занятию шведского престола. Отношения же Швеции и России на протяжении всего XVIII века оставались напряженными, так что представление о России, ее народе и вере у юноши с ранних лет естественным образом сложилось превратное. Единственным уте-

шением, которое могла доставить ему жизнь, была армия: среди солдат и офицеров он мог чувствовать себя более уверенно...

Когда планы родственников изменились, и Карла привезли в Россию, время было упущено. Юношу впервые оставили в покое, с ним обращались как с будущим императором; однако ни к занятиям, ни к государственным делам он не проявлял ни малейшего интереса. За двадцать лет, которые он провел в России до восшествия на престол, легкомысленностью и своенравным характером Петр Федорович сумел разочаровать как Елизавету, которая под конец просто махнула на племянника рукой, так и супругу, великую княгиню Екатерину Алексеевну. Симпатии его принадлежали Пруссии — даже во время Семилетней войны он, не скрывая, носил на груди портрет императора Фридриха II. Весьма недовольна им была русская аристократия и русская гвардия, которой он откровенно предпочитал вывезенный из Пруссии полк голштинцев. Сразу по восшествии на трон Петр III вернул из ссылки и восстановил в правах опального Миниха и многих его сторонников. Крайнее равнодушие к религиозным традициям России, указ о равенстве вероисповеданий, а также знаменитый указ о конфискации в государственную казну земель и угодий церкви сильно настроили против него духовенство. Наконец, позорный мирный договор с Пруссией, подписанный очевидно в пользу последней, вызвал почти ненависть к императору во всей армии.

Ближайшее окружение Петра III не заботилось о том, чтобы открыть ему глаза на недальновидность его пруссацкой политики и причины всеобщего недовольства его распоряжениями. Лишь немногие, в том числе сам Фридрих II, предупреждали его о возможности заговора. При этом опасения обычно связывались с устраненным от власти Иоанном Антоновичем.

Настоящая же беда грозила совсем с другой стороны. После смерти Елизаветы в высших кругах общества исподволь зарождалась мысль о том, что настало время в очередной раз "спасти Отечество". Привлечь на свою сторону гвардию, которой за последнее время не раз доводилось вмешиваться в придворные дела, не составляло труда. К тому же, во главе заговора стояли братья Григорий и Алексей Орловы, которых гвардия любила и уважала за неоднократно проявленные отвагу и храбрость. В планы Орловых вовсе не входило вызволять из неволи Иоанна Антоновича: в своей опасной игре они ставили на супругу императора, пребывавшую после восшествия на престол Петра Федоровича в положении, близком к опале. Ходили слухи о намерении императора расторгнуть брак и сослать Екатерину в монастырь, как это удалось проделать со своей первой женой Петру I. Екатерина же считала себя призванной к широкой и славной государственной

деятельности. Благодаря близким отношениям с Григорием Орловым, она охотно вошла в заговор, не будучи, впрочем, ни вдохновительницей его, ни, тем более, организатором.

К лету 1762 года план был готов во всех подробностях. Гвардейцы поджидали лишь удобного момента. Случайность (арест одного из заговорщиков) чуть было не провалила всего дела. Император находился в это время в Ораниенбауме. 28 июня Екатерина прибыла в столицу. Гвардейские полки спешно присягнули на верность "избавительнице". В Казанском соборе Новгородский архиепископ Димитрий с амвона провозгласил ее императрицей всея Руси. Петр, до которого известие о перевороте дошло лишь к исходу дня, растерялся, попытался бежать, но был задержан и заключен под стражу в Ропшинском дворце под Петергофом. На другой день он подписал отречение от престола, а 6 июня в пьяной драке скончал свою жизнь от руки одного из своих стражников, князя Федора Барятинского. Убийство, кажется, в самом деле было случайностью. По крайней мере, сама Екатерина к нему не имела отношения. Народу, впрочем, было объявлено, что бывший государь скончался от "приступа геморроидальных коллик"...

Глава IX

Век Екатерины Великой. — Стремление придать Петербургу вид европейской столицы. — Требование каменных построек. — Устройство гранитных набережных.

Со вступлением на престол Екатерины II, для Петербурга, как и для всей России, настала пора блестящего развития. Одаренная умом и замечательными способностями, Екатерина много училась не только в детстве, но и в том возрасте, когда воспитание женщины уже считалось законченным. Еще будучи невестой Петра III, она прилежно занималась русским языком и православным Законом Божиим, а впоследствии до самой старости не переставала читать все замечательное в иностранной и русской литературе, вести личную переписку с европейскими литературными знаменитостями и интересоваться успехами русской поэзии, русского театра и русского искусства. Со своими просвещенными взглядами и обширной образованностью, она ставила задачей довершить дело Петра Великого, — распространением образования в обществе, смягчением нравов, оставшихся еще очень грубыми, перевоспитанием семьи. Она стремилась поставить Россию на уровень европейских стран не только по развитию политического могущества, но и по успехам гуманного просвещения. В такой же мере она заботилась о том, чтобы столица

империи не уступала, по красоте и благоустройству, другим европейским столицам.

Уже одно то обстоятельство, что Екатерина в течение своего продолжительного царствования жила почти постоянно в Петербурге, переезжая только на летние месяцы в Царское Село, должно было благоприятно отразиться на росте столицы. Пребывание двора, возрастающие удобства городской жизни, постройка больших каменных домов для отдачи квартир внаймы, безопасность и порядок, возможность покупать произведения и изделия чужих стран — все это привлекало в Петербург жителей из Москвы и провинции, и побуждало их селиться здесь и строиться.

При вступлении Екатерины на престол число жителей Петербурга доходило только до 60 тысяч, причем половину этого числа составляли военнотруженики. С первых же лет царствования Екатерины начался быстрый прирост населения, естественный и вследствие передвижения, в год кончины императрицы число жителей в Петербурге в 3 с половиной раза превышало цифру 1762 года, перейдя за 200 тысяч. (По некоторым, не заслуживающим полного доверия сведениям, в 1796 году в Петербурге было даже от 225 до 230 тысяч жителей).

В таких же размерах подвинулась в царствование Екатерины II застройка Петербурга и его распространение в сторону за Фонтанку, в нынешних Московской и Литейной частях.

Стремление дать Петербургу характер вполне европейского города озабочивало Екатерину с первых лет царствования. Еще в декабре 1762 года, во время пребывания государыни в Москве для коронации, издан был указ об учреждении "Комиссии для устройства городов Санкт-Петербурга и Москвы". По отношению к Петербургу, комиссии этой была поставлена задача приостановить распространение города по окраинам и усилить застройку его в центральных частях, не допуская пустырей и топей.

Действительно, бедный и пустынный вид придавало Петербургу именно то обстоятельство, что он расползался вширь, не застраиваясь как следует внутри. Домовладельцы захватывали большие участки и оставляли их наполовину пустыми, отчего по улицам тянулись среди редко стоящих зданий жалкие и длинные заборы. Для надобностей казенных ведомств отводились также непомерно большие пространства. Дома строились преимущественно одноэтажные, и несмотря на запретительные указы, деревянное строение или преобладало, или перемешивалось с каменным. Екатерине хотелось сделать город лучше застроенным, заставить его распространяться не вширь, а ввысь. Поэтому Комиссия стала требовать, чтобы на главных улицах дома строились непременно каменные, и притом двух и трехэтажные. Требованию этому подчинялись сначала неохотно, так как в России исстари привыкли строиться в один этаж, на

Императрица Екатерина II
Годы правления 1762-1796

просторных дворах, не дорожа местом. Притом же существовало убеждение, будто каменные дома не могут быть так же теплы, как деревянные. Предрассудок этот проистекал, конечно, из того, что в то время плохо знали каменную кладку, не умели хорошо выводить печи и плотно пригонять двери и оконные рамы. Но мало-помалу пример вельмож и других состоятельных лиц, выстроивших трехэтажные дома, подействовал на остальных крупных домовладельцев, и высокие дома стали все чаще вырастать на петербургских улицах, даже соприкасаясь вплотную один с другим, что раньше казалось совсем необычным. Понятно, как эти новшества должны были изменить наружный вид города.

Требование, чтобы на главных улицах дома строились только каменные, очевидно, плохо соблюдалось в предшествовавшее время. Оно было вновь подтверждено, причем на набережной Невы и Фонтанки разрешалось возводить строение не ниже двух этажей, "в линию"; если же строились отступя от линии, то на набережную должны были выходить каменные заборы, или же чугунные на каменных столбах ограды. Внутренние строения допускались и деревянные, но не иначе как по плану, выданному из полиции.

Быстро возраставшее население Петербурга создало спрос на квартиры. Многие стали строить дома именно с целью извлекать из них доход сдачей помещений в наем. Между домовладельцами и жильцами уже заключались контракты, и бывали случаи споров и исков; такие споры предоставлено было ведать полиции, в составе которой находились и архитекторы, и которая вообще наблюдала за порядками домостроительства. Заботы по этой части сильно обременяли полицейское управление, и потому в 1766 году учреждена была должность обер-полицеймейстера "для вспоможения генерал-полицейместеру". На эту должность назначен был прокурор Канцелярии Строений Зыбин, очевидно потому, что круг обязанностей его определялся именно надзором за постройкой домов и разбором исков домовладельцев с неисправных жильцов.

Побуждая жителей города к постройке каменных домов, правительство Екатерины, разумеется, подавало первый пример, заменяя деревянные казенные строения каменными. Таким образом, приступлено было к постройке каменных казарм для полков Лейб-Гвардии и артиллерийских казарм в Литейной части, причем оставшуюся свободную землю велено было отводить частным лицам. Вообще заботились, чтоб постройки возводились ближе одна к другой и уничтожались пустыри; с этой целью свободные казенные земли охотно уступались желающим, а крупным домовладельцам, захватившим большие участки и не имевшим средств застроить их, разрешалось продавать землю мелкими участками другим лицам.

Заботы об украшении города наталкивались на существенное препятствие — бедность большинства петербургского населения.

Комиссия желала бы, например, создать в городе красивые площади, и "по времени убрать в память российских дел монументами". Но так как находилось мало охотников возводить роскошные, дорого стоящие фасады, то комиссия составила любопытный план застройки площадей на казенный счет лицевыми стенами, с тем чтобы предоставить жителям пристраивать к этим стенам дома, какие будут по средствам каждому. Таких площадей предполагалось три — на Песках, в Коломне и в Нарвской части. Екатерина утвердила этот ори-

Граф Г.Г. Орлов

гинальный проект. Впоследствии, когда окончательно расчищена была Дворцовая площадь, возвратились к подобной же мысли обнести ее полукруглым казенным зданием, с целью прикрыть частные строения, выходившие на площадь задворками и представлявшие жалкий вид.

Одной из главнейших задач благоустройства города признана была облицовка рек и каналов гранитными набережными. На Неве такая облицовка производилась частями и раньше; Екатерина II пожелала одеть в гранит Неву на всем ее течении в черте города, и точно также отделать гранитом берега Фонтанки и Глухого протока, то есть нынешнего Екатерининского канала.

Сплошная набережная Невы, стоившая громадных трудов и денег, поражала современников; в докладах Комиссии о ней говорится, как о "великолепии, красотой и полезностью славной". И действительно, это было, по размерам, единственное такого рода сооружение в Европе. Понятно, что сохранявшиеся на набережной одноэтажные мазанки, обветшавшие и еще более понизившиеся вследствие повышения берегов, не соответствовали гранитной облицовке Невы. Поэтому Комиссия настаивала, чтобы вместо мазанок возведены были двухэтажные каменные дома, и притом в сплошную линию и одинаковой высоты.

Отделка берегов Фонтанки и Глухого протока вверена была наблюдению известного инженера Вильбуа, и начата в первые же годы царствования Екатерины. Глухой проток приходилось предварительно выпрямлять и расширять, потому что он протекал излучинами, не позволявшими дать набережной красивый прямолинейный вид. Кроме того, при слабом течении, вода застаивалась в этих излучинах и порождала вредные испарения. Решено было выкупить на снос существовавшие по берегам ветхие деревянные дома, выравнять течение и раздать участки под новые каменные строения. Когда громадная задача эта была выполнена, новому каналу по всей справедливости присвоено было, в честь императрицы, название Екатерининского.

С устройством набережных связано было и сооружение каменных складов, как для товаров, предназначенных к заграничному отпуску, так и для запасов, удовлетворяющих внутреннему потреблению. Надобность в складах была тем настоятельнее, что торговля петербургского порта быстро возрастала. Об этом можно судить по ходу навигации. В 1764 году купеческих кораблей пришло в Кронштадт 333, ушло 332. В 1769 году, т. е. пять лет спустя, в приходе было 564 корабля, в отходе 540. В 1773 году в приходе 676 кораблей, в отходе 669. В 1777 году в приходе 729 кораблей, в отходе 713 и т. д.

Часть Васильевского острова, ближайшая к Неве, входила в строительный план города наравне с центральными частями. Здесь также разрешено было строить только каменные двухэтажные здания вблизи биржи, по набережным по Большому проспекту и по 1-й Кадетской линии. Окончательно решена была и судьба каналов, вырытых на острове при Петре Великом: их признано необходимым засыпать, потому что в них, по словам Комиссии, "бывает одна грязь и происходит дух вредительный здоровью". Так как ширина Большого проспекта, после засыпки канала, оказалась непомерной, то решено было впереди обеих линий домов устроить сады, сохраняющиеся и по настоящее время.

Внутренняя отделка Зимнего дворца. — Постройка Эрмитажа. — Собственные комнаты Екатерины II. — Меры против роскоши.

Новый Зимний дворец при воцарении Екатерины II был еще не вполне отделан. Число громадных зал и жилых покоев в этом дворце было так велико, что в течение еще тридцати лет работы внутри здания почти не прекращались. Вследствие малого наклона, кровля дворца давала течь, от которой страдали потолки; нижнее жилье не имело сводов; внутренние стены не везде были облицованы мрамором или лепной штукатуркой. Заведывать всеми этими работами поручено было известному впоследствии государственному деятелю И.И. Бецкому, которому помогали архитекторы Фельтен, Деламот и знаменитый Кваренги. Внутренняя отделка дворца поглотила в первые годы царствования Екатерины более двух с половиной миллионов рублей. Внутри дворца устроен был обширный манеж и над ним зимний сад, в котором могли помещаться деревья до 4,5 сажен (3 м) вышины. В 1767 году приступлено было к постройке Эрмитажа, предназначавшегося первоначально для хранения не только художественных сокровищ, но и собственных библиотек государыни, в том числе купленных у французских писателей Вольтера и Дидро. Сперва выстроена была только часть здания, ближайшая к Зимнему дворцу, между Невой и Миллионной улицей; потом постройка была продолжена до Зимней канавки, и наконец уже в 1784 году выстроен был, под наблюдением Кваренги, Эрмитажный театр. Тот же Кваренги построил закрытую арку, соединяющую Эрмитаж с театром. Это архитектурное произведение казалось современникам настолько смелым, что явилось опасение за его прочность, и императрица приказала тщательно его осмотреть и проверить.

В следующие годы отделялись аванзалы и Георгиевская зала с великолепным тронном, впоследствии переделанным. К трону вели шесть мраморных ступеней, огражденных мраморными же стенками с арками, орнаментами, богатым архитравом*. По сторонам стояли две большие мраморные вазы и две статуи, изображавшие Веру и Закон.

Резиденция царей и хранилище художественных и исторических драгоценностей, Зимний дворец создавался медленно. Нужно было много времени, труда и затрат, чтоб сделать его одной из богатейших достопримечательностей Петербурга.

* *Архитрав* — деталь архитектурного убранства, нижняя часть перекрытия над колоннами.

Собственная половина императрицы состояла из небольшого числа комнат, убранство которых отличалось простотой. Тут было мало позолоты, мебель не поражала роскошью. Ближайшая от лестницы комната была проходная; здесь за ширмами стоял письменный стол с принадлежностями, к которому присаживались, после доклада, министры и статс-секретари, чтобы исполнить спешные приказания государыни. Из этой комнаты двери вели в обширную уборную, окнами на Дворцовую площадь, а за уборной помещалась спальная, где Екатерина чаще всего занималась по утрам делами, особенно в последние годы. Из спальни был выход во вторую уборную, в кабинет и в так называемую зеркальную комнату.

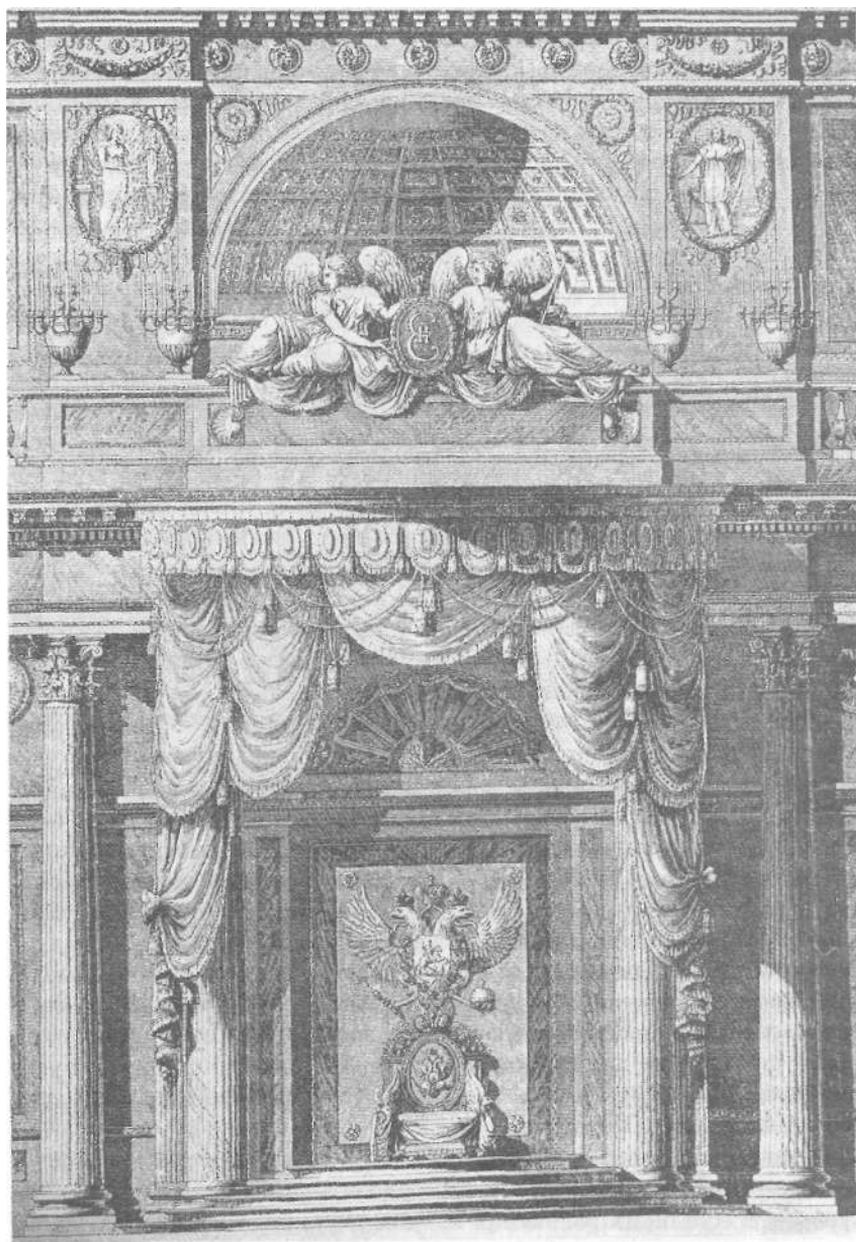
В обыкновенные дни, когда не было торжественных приемов, образ жизни Екатерины также отличался большой простотой. Она вставала раньше всех лиц своего штата, в 6 часов утра, и только в последние годы жизни поднималась в 8 часов. Сама зажигала она восковые свечи, растапливала камин и одевалась. Затем она звонила, чтобы потребовать воды, а также льду для обтирания лица. Если прислуга мешкала, государыня терпеливо ждала; она вообще не любила прибегать к взысканиям. По окончании туалета она иногда переходила в кабинет, куда ей подавали крепкий кофе с густыми сливками и гренками — такой крепкий, что после нее камер-лакеи и истопники несколько раз переваривали его для себя. Не забывались при этом и любимые собачки государыни, которым перепали кусочки сахара и гренок.

После этого раннего завтрака начинались доклады; Екатерина, слушая их, обыкновенно вязала или вышивала по канве. Обедала Екатерина II в час дня, кушая три или четыре блюда и запивая их одной чистой невской водой. Только под старость, по совету доктора, она стала выпивать одну рюмку мадеры в день. После обеда некоторое время посвящалось чтению книг; часто читал императрице вслух И.И. Бецкий.

Когда Екатерина занималась делами, перед ней всегда стояла табакерка с портретом Петра Великого. "Я мысленно спрашиваю это великое изображение, — говорила она, — что бы он повелел, что бы запретил, или что бы стал делать на моем месте?"

В числе высших должностных лиц, ежедневно являвшихся с докладами к императрице, был и генерал-полицеймейстер. Екатерина спрашивала его о городских происшествиях и о ценах на жизненные припасы. Узнав однажды, что вследствие малого пригона скота мясо поднялось с 2 копеек до 4 (за фунт, т. е. 410 г) (вот какие были тогда цены!) государыня приказала закупить некоторое количество скота на казенные деньги, чтобы снова понизить цены на говядину.

В 6 часов обычно собирались на половине императрицы приближенные лица. В 10-м часу Екатерина удалялась в спальную, и не ужинав, ложилась в постель.

Трон Екатерины Великой в Зимнем дворце

В молодости Екатерина появлялась на выходах в длинном белом платье, и с маленькой короной на голове; из-под короны длинные локоны падали на плечи. Позднее, императрица придумала себе костюм, похожий на старинный русский, с фатой и открытыми проймами на рукавах. Еще позднее, императрица стала носить свободный кафтан без талии (молдаван) и меховую венгерскую шапку с кистью. Под старость она ходила в простом чепце, шапочке и капоте.

Один англичанин, бывший в Петербурге в 1778 году, так описывает большой выход в Зимнем дворце: "Императрица в церкви стояла за решеткой. После обедни потянулся длинный ряд придворных обоюбого пола попарно; императрица шла одна, тихим и торжественным шагом, с гордо приподнятой головой, и беспрестанно кланялась на обе стороны. При выходе она остановилась на несколько секунд и приветливо разговаривала с иностранными послами, которые приложились к ее руке. Она была в русском наряде: светло-зеленом шелковом сарафане с коротким шлейфом и в корсаже из золотой парчи, с длинными рукавами. Волосы ее были низко причесаны и слегка посыпаны пудрой; головной убор весь унизан бриллиантами. Особа ее очень величественна, хотя рост ниже среднего; лицо исполнено достоинства, и особенно привлекательно, когда она говорит".

Подражание русскому женскому платью, придуманное Екатериной II, с того времени сделалось обязательным для придворных дам на больших приемах и выходах во дворец.

Двор Екатерины отличался вообще большой пышностью. Россия в ее царствование окончательно вошла в число великих европейских держав, государственный бюджет сильно возрос, явилось соперничество с другими дворами, блиставшими великолепием. Удобства петербургской жизни, слава императрицы и ее главных сподвижников, возможность блеснуть роскошью, привлекали в Петербург богатых дворян из Москвы и провинции. Современник-англичанин, слова которого мы привели выше, говорит, что пышность русского двора превосходила всякие описания. В особенности поражало обилие драгоценных камней, которыми щеголяли не только дамы, но и мужчины. Последние являлись на придворные балы и выходы в дорогих французских костюмах, усыпанных бриллиантами: на пуговицах, пряжках, рукоятках шпаг, эполетах и шляпах сверкали драгоценные алмазы.

Выезды Екатерины, в особенности в загородные окрестности, также отличались пышностью. Впереди обыкновенно скакали лейб-гусары, в мундирах расшитых галунами; такой же отряд замыкал поезд. Вечером дорогу освещали факелами. Толпа народа всегда бежала с громкими криками вслед за любимой государыней.

Щеголять лошадьми и экипажами было в моде среди придворного общества. Сани запрягались парой, четверней и шестерней цугом; для отделки саней и сбруи не щадили серебра. Очень любили также

кататься в маленьких шорных санках без кучера. На запятках стоял или сидел выездной лакей в гусарском одеянии, с бичом, и кричал встречным: "Пооди! Берегись!" На Неве и Дворцовой набережной часто устраивались такие катанья, представлявшие очень оживленную картину.

Тем не менее, замечавшееся в петербургском обществе чрезмерное стремление к роскоши озабочивало правительство и побуждало принимать ограничительные меры. Запрещено было, например, гайдукам и скороходам идти впереди экипажей, и допущены были только двое верховых слуг для выездов особ двух первых классов. Лицам ниже VIII класса воспрещалось обшивать ливреи своих лакеев галунами. Требовалось, чтобы "всяк, сколь возможно, старался удалить от себя все лишние и ненужные всякого рода дворянство разоряющие роскоши". Особенное внимание обращено было на "содержание излишнего и многого числа праздных служителей в доме, навек от пашен отлученных, где бы они полезнее для господина, для себя и для общества быть могли". Запрещалось "купцам, мещанам и всяким господским людям иметь кареты, сани, одноколки, роспуски или дрожки вызолоченные, или высеребряные, или иным чем украшенные, кроме одной краской и лаком покрытых, по произволу выбирая цвет окраски". Что же касается извозчичьих экипажей, то для них всех обязателен был, в отличие, желтый цвет. Это правило соблюдалось во всей России до второй четверти XIX века.

Глава XI

*Замечательные постройки екатерининского времени. —
Исаакиевский собор. — Мраморный дворец —
Таврический дворец. — Памятник Петру Великому. —
Резиденция в Царском Селе. — Ее заложение
и благоустройство при Петре I и Елизавете Петровне. —
Екатерина Великая в Царском Селе. — Заботы государыни
о воспитании цесаревича Александра Павловича.*

Сознавая политическое величие России и ее развивающееся богатство, Екатерина II стремилась украсить Петербург зданиями, соответствующими значению столицы могущественной империи. В ее царствование исполнены или начаты весьма важные сооружения, составляющие до сих пор главные архитектурные достопримечательности столицы.

Мраморный Исаакиевский собор, по плану придворного архитектора Ринальди, был заложен в присутствии самой императрицы в 1768 году. Первоначально он был выстроен из дерева подле Адмиралтейства при Петре Великом, потом перенесен на место нынешне-

го здания Сената, и в 1735 году сгорел от удара молнии. Екатерина II пожелала возобновить здание из мрамора, на месте, где оно находится и до сих пор. Изготовление мраморной облицовки поручено было кексгольмским каменоломням, но кроме того выписывался мрамор из Италии. Через пять лет после закладки выведен был нижний цоколь и начата кладка стен. Работа была громадная, так как под фундамент понадобилось вбить более 10,5 тысяч свай, трехсаженной длины и 12 вершков (около 0,5 м) в диаметре. Сам фундамент представлял сплошную массу гранита 4-аршинной (около 3 м) глубины. Задуманное по чрезвычайно широкому плану, сооружение требовало громадной затраты средств денежных и художественных, и затянулось надолго. Екатерине не пришлось видеть окончания своего величавого замысла. Собор был наскоро достроен при императоре Павле I, причем план Ринальди был упрощен, размеры собора сокращены, мрамор местами заменен простым камнем. При императоре Александре I вновь вернулись к проекту Ринальди, обновленному и дополненному архитектором Монферраном, и собор был перестроен.

Смольный собор, начатый по проекту Растрелли при Елизавете Петровне, стоял недоконченным. В царствование Екатерины II достройка его подвигалась медленно, и ограничивалась частными работами: отделкой чугунных фигур ангелов на фронте*, выполнением ваз из пудожского камня и пр. Завершение постройки и внутреннее украшение храма относится уже ко временам императора Николая I. Но устроенный при соборе воспитательный дом для девиц, первообраз девичьих институтов, привлекал заботы Екатерины, и она неоднократно посещала его со всем двором, принимала приветствия воспитанниц, беседовала с попечителями и наставницами, и слушала литургию в домовой церкви.

Некоторые другие, донные существующие в столице храмы также сооружены в царствование Екатерины: церковь Владимирской Божьей Матери (на Владимирской площади), Андреевский собор на Васильевском острове** (впоследствии значительно перестроенный), Никольский Морской собор (начатый при Елизавете Петровне) и др. Добраивалась также и Александро-Невская лавра.

Мы уже говорили, сколько стараний приложено было Екатериной II для внутренней отделки Зимнего дворца и постройки Эрмитажа. При ней же возникли и другие дворцовые сооружения. В 1779 году был достроен вчерне Мраморный дворец на Дворцовой набережной, который Екатерина II купила у наследников графа Орлова и впоследствии передала в собственность своего второго внука, великого

* *Фронтон* — верхняя часть фасадной стены здания, обычно в виде треугольника, ограниченная скатами крыши и отделенная от стены карнизом.

** На углу Большого проспекта и 6-й линии В.О.

князя Константина Павловича. Дворец этот, с нижним этажом из гранита, мраморной облицовкой второго и третьего этажей и с вызолоченными бронзовыми переплетами окон, представляет одно из замечательнейших зданий Петербурга. Внутри стены некоторых зал облицованы лапис-лазурью и яшмой.

Другой замечательный дворец екатерининского времени, Таврический, был первоначально построен князем Потемкиным, но затем Екатерина II купила его, поручила архитектору Старову перестроить и украсить здание, и в обновленном виде вновь подарила его князю. Главный корпус этого дворца представляет внутри одну громадную залу с двумя боковыми крыльями и двойным рядом колонн, как бы нарочно предназначенную для тех блистательных празднеств в честь Екатерины, какие давал здесь "великолепный князь Тавриды". Фасад дворца украшен портиком с 6 колоннами; над кровлей возвышается громадный купол.

Дворцы Каменноостровский и Елагинский также выстроены при Екатерине II. Первый предназначался для наследника престола великого князя Павла, и был любимой летней резиденцией его и по вступлении на престол. Елагинский в первоначальном виде принадлежал графу Орлову; при Александре I он был куплен в казну и перестроен.

Обширные строительные предприятия Екатерины, в которых она любила соединять величие, красоту и блеск, требовали большого числа даровитых архитекторов, художников и мастеров. Ряды их пополнялись преимущественно иноземными талантами; но все более чувствовалась необходимость создать рассадник художественного образования для русских дарований. С этой целью еще при Елизавете Петровне образована была, по мысли И.И. Шувалова, Академия художеств. Екатерина II, тотчас по вступлении на престол, обратила внимание на недостаточные денежные средства этого заведения, и в 1763 году дала ему новый устав и 60 тысяч рублей годового содержания. Затем задумано было выстроить для Академии роскошное здание по плану ее директора, даровитого архитектора Кокоринова. В июле 1765 года состоялась торжественная закладка здания. Екатерина прибыла туда на катере по Неве. Для нее устроена была временная, богато украшенная пристань, с арками в виде триумфальных ворот. Положение первого камня руками императрицы сопровождалось пушечной пальбой. Затем, пройдя в смежное старое здание Академии, Екатерина присутствовала на торжественном акте, поздравляла академиков и слушала благодарственную речь, сочиненную Сумароковым. Торжество закончилось "хором вокальной и инструментальной музыки", а по отъезде императрицы — академикам предложен был от двора обед, сопровождавшийся тостами и пальбой.

Работы по сооружению академического здания продолжались быстро под наблюдением Кокоринова, и вскоре был закончен величественный фасад на Неву, с куполом над ним и с надписью над входом: "Свободным художествам".

В декабре 1770 года в Академии открылась аукционная продажа произведений ее учеников. Аукционы эти происходили два раза в неделю и пользовались сочувствием публики, которой нравилось приобретать недорогой ценой более или менее удачные художественные произведения. Прекратились эти аукционы только в 1830 году-

Было бы утомительно перечислять здесь все значительные сооружения, предпринятые в Петербурге в царствование Екатерины II. Упомянем лишь главнейшие, как-то: Государственный банк, нынешнее здание судебных установлений**, Обуховская больница***, Соляной городок, Горное училище, каменный Андреевский рынок, Большой театр в его первоначальном виде, перестроенный затем после пожара 1817 года. При Екатерине же начата постройка здания Императорской Публичной библиотеки по проекту архитектора Соколова, оконченная в царствование Александра I.

Наконец, благоговению Екатерины к памяти Петра Великого и ее художественному вкусу Петербург обязан известнейшим из украшающих его памятников — конной статуей создателя новой столицы и преобразователя России. В 1765 году Екатерина приказала нашему послу в Париже найти там талантливого ваятеля для создания памятника Петру, достойного его славы. Между представленными художниками, выбор императрицы остановился на скульпторе Фальконе, который в следующем году приехал в Петербург и изготовил в малом виде модель. Одоблив ее, Екатерина II приказала отыскать громадную цельную мраморную глыбу, годную служить подножием. Вскоре явился крестьянин из деревни Лахты и сообщил, что у них, в 12 верстах от Петербурга, имеется подходящая гранитная скала, известная в той местности под названием "Гром-Камня". Название произошло оттого, что когда-то молния ударила в этот камень и произвела в нем расщелину. По преданию, на эту скалу всходил несколько раз Петр Великий, чтобы обозреть окрестности. Камень лежал на 15 футов (4,5 м) в земле и весь оброс мхом; в расщелине росли даже березки.

Перетащить эту гранитную глыбу в Петербург представляло нелегкую задачу. Объявлена была награда в 700 рублей тому, кто придумает легчайший способ передвинуть эту громаду. Зимой 1770 года

* На Садовой улице (д. 21). Сейчас здание бывшего банка занимает Университет экономики и финансов.

** Находилась в начале Литейного пр. (д. 4).

*** Находится на наб. р. Фонтанки (д. 106).

**** Рядом с Андреевским собором (Большой пр. В. О., д. 18).

приступили к делу. В январе Екатерина II ездила с двором в Лахту смотреть, как тащат камень. В ее присутствии 400 человек, под барабан, передвинули его на 200 сажень (425 м) на медных полозьях, по желобкам, в которых двигались медные шары. Через залив и Неву глыба была переправлена на плоскодонном судне в 180 футов (54 м) длиной.

Между тем Фальконе окончил гипсовую модель памятника в полную величину; голову Петра сделала французская художница

Мария Колло. Чтобы дать возможность художнику вернее схватить движение коня, перед окнами мастерской Фальконе устроено было искусственное возвышение, на которое по нескольку раз в день въезжал вскачь искусный берейтор, попеременно на двух лучших лошадях царской конюшни.

Нужно было приступить к отливке группы, но с Фальконе вышли несогласия, и он отказался от работы. Пригласили из-за границы литейщика, который однако ничего не мог сделать. Фальконе снова взялся за отливку. В работу пущено было 11 тысяч пудов (176 т) бронзы, да 250 пудов (4 т) железа для равновесия группы. Отливка не вполне удалась: в самую решительную минуту расплавленная

медь потекла из глиняной формы. Фальконе в ужасе выбежал из мастерской; но русский рабочий, литейщик Хайлов, не растерялся, и с опасностью для жизни стал собирать вытекший металл и снова вливать в форму. Изъян удалось исправить, на что потребовалось два года.

7 августа 1782 года состоялось наконец торжественное открытие памятника. На площади вокруг него собрано было 15 тысяч войска. Екатерина прибыла в Сенат, и смотрела с балкона, в короне и порфире, как пали холсты, прикрывавшие группу. Со слезами на глазах, она поклонилась бронзовому изображению великого Петра...

8 последние годы царствования Екатерина II внимательно следила за окончанием работ по сооружению собора святой Троицы в Александро-Невской лавре. Собор этот заложен был еще при Петре Великом, в 1720 году, но работы подвигались очень медленно; в 1753 году здание едва было выведено вчерне, но оказалось так непрочным, что его пришлось разобрать. В 1776 году Екатерина приказала вновь заложить его, по плану архитектора Старова. Собор окончили в 1790 году и тогда же перенесли в него святые мощи Александра Невского из другой, меньшей церкви. Об украшении гробницы святого князя заботились две императрицы: Елизавета Петровна соорудила богатую раку из массивного серебра, которого пошло 90 пудов (около 1,5 т), а Екатерина II пожертвовала драгоценный покров с бриллиантами и лампаду из литого золота, с кистью из жемчуга.

Александро-Невский монастырь, переименованный императором Павлом I в 1797 году в лавру — один из богатейших в мире. Его составляют 12 церквей* (из них позднейшая, во имя Сошествия святого Духа, построена в 1822 году), под сводами которых хранятся редкие драгоценности и покоятся гробницы многих исторических лиц. Главный собор, во имя святой Троицы, о котором мы только что упомянули, имеет иконостас из белого итальянского мрамора с бронзовыми вызолоченными украшениями. Образа обложены красным сибирским агатом; все они на медных досках, превосходной итальянской живописи. На карнизах и по стенам уставлены 20 сидящих фигур святых. По правой стороне помещается рака святого князя Александра**. В этом же соборе находятся: мраморный бюст митрополита Гавриила, под наблюдением которого строился собор, изваянный художником Козловским, лаписовый образ "Моления о чаше", подаренный папой Пием IV Екатерине II, религиозные изображения кисти Рафаэля, Рубенса, Ван-Дейка, Гверчино, русских художников Угрюмова, Уткина и др. Тут же хранятся четыре напре-

* До наших дней сохранились только три, остальные были разобраны или перестроены за годы Советской власти.

** Ныне рака находится в Государственном Эрмитаже.

стольные Евангелия московской печати XVII века, старинный золотой крест с драгоценными камнями, весящий около двух фунтов, драгоценные сосуды, митры, пангии и пр.

В ризнице и библиотеке Александро-Невской лавры хранятся многие достопримечательности: трость Петра Великого, янтарная трость Екатерины II, маршальский жезл Петра Великого, собрание старинных монет и пр.

Лавра представляет большое историческое значение и как усыпальница многих царственных особ и знаменитых русских людей. Здесь погребены: царица Прасковья, супруга брата Петра Великого, Иоанна Алексеевича; сестра Петра Великого — Наталья Алексеевна, сын его Петр Петрович; дочь Петра III — Анна; первая супруга Павла I — Наталья Алексеевна, и дочь его Ольга; дочери Александра I — Мария и Александра; и грузинская царица Дарья Георгиевна. Тут же гробницы графа Разумовского, графа Н.И. Панина, И.И. Бецкого, графа И.И. Шувалова, фельдмаршала князя А.В. Суворова*, и других. Над могилой Суворова вделана в стену бронзовая доска с простой надписью: "Здесь лежит Суворов". По преданию, надпись эту избрал сам великий полководец, во всем любивший простоту; другие же полагают, что ее придумал поэт Державин.

Кладбище Александро-Невской лавры также замечательно могилами многих знаменитых русских людей. Здесь погребены Ломоносов, Крылов, Гнедич, Глинка, Даргомыжский и многие другие.

Вся лавра, со всеми принадлежащими ей строениями и с кладбищем, окружена высокой каменной оградой, большая часть которой построена при Екатерине II.

С 1723 года до самой кончины государыни Елизаветы Петровны Петергоф сохранял свой статус главной загородной резиденции правящего монарха. Екатерина Великая первая отступила от этой традиции, сосредоточив усилия множества архитекторов и художников на благоустройстве почти исключительно одного Царскосельского ансамбля. В дальнейшем, своеобразное противостояние вкусов и взглядов членов августейшей фамилии выдвигало на передний план то одну, то другую резиденцию. Император Павел I, едва взойдя на российский престол, задался целью восстановить в прежних славе и блеске Петергоф, несколько запущенный в последние годы жизни его матери. Одно-

* В бывшей церкви Благовещения Пресвятой Богородицы, здание которой сегодня занимает Городской музей скульптуры.

временно, как мы знаем, в Петербурге для него возводился Михайловский замок, для отделки и украшения которого государь повелел брать из Царского Села все, что будет потребно и пригодно. Александр I, пообещав, что при нем "все будет, как при бабушке", успел не только восстановить то, что было предано запустению при Павле, но и сделать много нового, благодаря чему вошел в историю Царского Села как его благодетель и рачительный хозяин. В свою очередь, император Николай I заботился больше о Петергофе, и т. д.

Царское Село возникло не на пустом месте. Во времена Петра Великого здесь уже располагалось небольшое имение Сарицгоф, или, по-русски, Сарица. В 1707 году царь в числе прочих земель пожаловал его светлейшему князю Меншикову, но уже спустя три года "передарил" царице Екатерине. В ближайшие годы старая усадьба была подновлена и меблирована. Вокруг нее быстро возникают новые деревни для размещения переведенных из-под Москвы "государевых крестьян". Тогда-то и стали Сарскую мызу называть сперва Сарским, а затем, ближе к началу XIX века, и Царским Селом.

В 1718-1724 годах по проекту архитектора И. Браунштейна на месте старого господского дома здесь были выстроены "каменные палаты о шестнадцати светлицах" — вытянутое, приземистое здание в два этажа, внешне напоминавшее петергофские Верхние палаты, которые, впрочем, возводились в те же годы и тем же архитектором.

По завещанию Екатерины I имение перешло в собственность цесаревны Елизаветы Петровны. Здесь пришлось коротать ей долгие годы, довольствуясь почти исключительно одними скудными доходами от приписанных к усадьбе вотчин. Естественно, что все усилия ее сводились лишь к поддержанию стареющих построек в исправности с тем, чтобы не допустить их полного обветшания. Заново в это время были разбиты только фруктовые сады с апельсиновыми деревьями, и разбит зверинец, где для цесаревны, также любившей охоту, содержались олени и лоси.

Единственная роскошь, которую позволила себе цесаревна за двадцать лет своего заточения в Царском Селе, было возведение каменной Знаменской церкви на месте сгоревшей в 1827 году Успенской. Из-за постоянного недостатка средств строительство небольшого, скромного храма растянулось на тринадцать лет, и было завершено архитектором М. Земцовым лишь по воцарении Елизаветы на престоле.

В стенах этого храма долгое время хранилась чудотворная икона Знамения Божией Матери, полученная еще царем Алексеем Михайловичем в дар от кого-то из восточных патриархов. По

преданию, Петр Великий, умирая, благословил этой иконой свою дочь. Перед этим образом молилась она в ноябрьскую ночь 1741 года, прежде чем отправиться в Зимний дворец во главе роты преображенцев...

Историки отмечают разительный контраст между скромными издержками императрицы на любимую вотчину прежде воцарения, и сказочными тратами на ее благоустройство и расширение

Арка между зданиями Лицея и Екатерининского дворца
в Царском Селе

впоследствии, когда Елизавета буквально ничего не жалела на украшение своего "увеселительного замка". Поистине, ни до, ни после ее царствования российская казна не знала столь опустошительных расходов на содержание императорских резиденций.

Лучшие архитекторы своего времени — М. Земцов, А. Квасов, С. Чевакинский, Б. Растрелли, сменяя один другого, неустанно трудились над расширением и отделкой интерьеров Большого дворца, увеличив его длину до 300 метров за счет новых галерей и флигелей. Как и в петергофском дворце, здесь был надстроен третий этаж. В правом флигеле архитектор Растрелли устроил нарядную церковь во имя Светлого Христова Воскресения. Внутренняя же отделка дворца, по свидетельству современников, ослеп-

ляла в равной мере и российских, и иностранных посетителей: верно уловив пристрастие императрицы, Растрелли вызолотил едва не все внутренние поверхности стен, и даже лепные украшения на фасаде.

В глазах Елизаветы Растрелли выгодно отличался от большинства прочих мастеров живым воображением и расторопностью. Схватывая на лету самые неопределенные замечания государыни, он быстро исполнял их, причем непременно угадывая ее вкус. Практически в одно и то же время он руководил строительством и украшением сразу трех грандиозных резиденций — Зимнего, Петергофа и Царского Села.

К сожалению, живое воображение обер-архитектора иногда оборачивалось печальными последствиями. Дворец в Царском, по замечанию великой княгини Екатерины Алексеевны, "шесть раз был разрушен до основания и вновь выстроен". От былой расчетливости цесаревны не оставалось, кажется, и следа...

Напротив, Екатерина, в бытность императрицей, всегда оставалась верна своим "разумным правилам". Некоторое время после воцарения она вовсе благоразумно воздерживалась от дорогих проектов. Средства на содержание резиденций были настолько урезаны, что архитектор и управитель Царского Села в отчаянии пророчили ей быстрый упадок и полное разрушение всего ансамбля. На самом деле, позолота на фасадах дворца и павильонов оказалась недолговечной, и Екатерине пришлось издержать немалую сумму только на то, чтобы заменить ее повсюду охрой.

Позже в царствование ее работы по перестройке Большого дворца были продолжены. По двум сторонам фасада добавили новые флигели, в правом из них в 1790-х годах были отведены покои для цесаревичей Александра и Константина Павловичей. Так как в старости Екатерина избегала лишней раз спускаться и подниматься по высоким лестницам, между этим флигелем и зданием дворца была устроена изящная арка-галерея, через которую она во всякое время могла свободно навещать любимых внуков.

В сравнении с пристрастиями Елизаветы, вкус Екатерины отличался большей сдержанностью и благородством. Регулярная планировка царскосельских садов и парков была заменена при ней более естественной — пейзажной, или английской. По берегам прудов перед дворцом и Большого озера выросли новые павильоны — Царская и Турецкая бани, "Зала на острове" в неоклассическом стиле, изнутри некогда сплошь покрытая живописной росписью, Мраморный мостик, Грот, и т. п.

Для цесаревича Александра, которого государыня прочила после себя на российский престол, неподалеку от Екатерининского дворца по проекту Дж. Кваренги был выстроен новый — Алексан-

дровский, в строгом классическом стиле, с величественной колоннадой и живописным английским парком вокруг.

...Рождение первого внука было огромным событием для Екатерины, о котором она с нескрываемой радостью писала своему корреспонденту Гримму: "У великой княгини только что родился сын, который в честь св. Александра Невского получил великолепное имя Александра. Но, Боже мой, что-то выйдет из мальчика?"

Архитектор Дж. Кваренги

Я утешаюсь тем мнением, что имя оказывает влияние на того, кто его носит, а это имя знаменито..." С несколько неожиданной для пожилой и больной женщины энергией, принялась императрица за воспитание ребенка, руководствуясь советами Руссо, основателя популярной в то время школы "естественного воспитания". Сам дворец для Александра, по ее первоначальной мысли, должен был представлять собой копию Фернейского замка в Швейцарии, где долгие годы жил сам Ж.-Ж. Руссо. У Гримма она просила разыскать рисунок фасада и внутренний план этого знаменитого в XVIII веке строения, однако на этом почему-то дело и встало.

Царское Село, где рос и воспитывался будущий император Александр, стало позже излюбленным местом его пребывания, где он предпочитал не только отдыхать, но и работать. "В Царском в один день успеваю сделать больше, чем во всю неделю в Петербурге", — признавался он, считая себя питомцем этих мест. Действительно, многие черты его характера можно понять всего за несколько прогулок по тенистым аллеям Царскосельских парков...

Так, создавая и перестраивая замечательные резиденции в пригородах столицы, российские монархи невольно заботились вовсе не только о себе, но прежде всего — о своих преемниках, а значит — и о будущем всей России.

Глава XII

*Городское управление Петербурга в предшествующее время. —
Учреждение С.-Петербургской губернии. —
Жалованная грамота городам Екатерины II. —
Открытие С.-Петербургской Думы.*

Заботы о государственном благоустройстве привели Екатерину II к мысли о необходимости дать городам новый порядок управления. В 1785 году дана была городам "Жалованная грамота", положившая начало нынешнему городскому общественному управлению. В жизни Петербурга событие это представляет чрезвычайную важность, и на нем необходимо остановиться.

Взглянем сначала, как управлялась наша столица в предшествовавшее время.

Создавая Петербург, Петр Великий хотел завести в нем порядки, напомилавшие европейские. С этой целью учрежден был в 1720 году Главный магистрат, который должен был ведать дела всего торгового сословия во всей России, и в то же время заботиться о благоустройстве и хозяйстве новой столицы. Членами магистрата избирались "добрые и пожиточные граждане"; в выборах участвовало исключительно торгово-промышленное население города, так называемые посадские и "черных волостей люди". За особые заслуги члены магистрата могли быть возводимы в дворянское достоинство. Задачи на Главный магистрат возлагались обширные: ему поручалось завести "хотя малые школы", сиротские и смирительные дома, госпитали, биржу, заботиться о предупреждении и тушении пожаров, пристраивать бродяг и нищих, и пр.

Но этот первый опыт общественного управления не имел удачи. В тогдашнем торговом сословии не было людей просвещенных, и найти между ними честных и способных деятелей было трудно. Город-

ские дела шли плохо. В 1727 году Главный магистрат в Петербурге был закрыт, а распорядительная власть в городе еще ранее перешла к генерал-полицеймейстеру. Позднее, в 1742 году Главный магистрат был снова восстановлен, но занял очень зависимое положение: действительными хозяевами города были губернатор и генерал-полицеймейстер.

Во время своих путешествий по России Екатерина II собственными глазами видела печальное положение городов, совсем не соответствовавшее тому представлению о центрах общественности и торгово-промышленной деятельности, какое она имела. Сподвижник ее князь Потемкин рисовал ей картину цветущего города, который он намеревался создать на юге. В этом городе предполагались фонтаны, каналы, ботанический сад, величественные храмы, судебное здание "наподобие древних базилик*", торговые ряды "полукружьем", с биржей и театром посередине, фабрики суконные и шелковые, университет, музыкальная академия и т. д. Сочувствуя таким планам, Екатерина понимала, что подобные города не могут возникнуть при существующих магистратских порядках, и мысль о создании нового городского устройства занимала ее с первых лет царствования.

В 1775 году появились "учреждения для управления губерний", которыми Главный магистрат в Петербурге был снова упразднен, а место его занял Городовой магистрат. Еще ранее в 1767 году учреждена была должность городского головы, избираемого всеми городскими сословиями и являющегося представителем всего городского населения, "общества". Городской голова мог быть избираем из лиц как дворянского, так и купеческого звания, на два года. Первым петербургским городским головой был обер-комендант генерал-поручик Николай Иванович Зиновьев, прослуживший в выборной должности несколько двухлетий. Городовой магистрат, в виду многочисленности и сложности дел, разделен был на четыре департамента, из которых первый, состоявший из шести гласных, заведывал городским хозяйством и соответствовал нынешней городской управе.

С.-Петербургская губерния устроилась на основании нового "учреждения" в 1780 году. В мае съехалось в столицу петербургское дворянство и представило списки кандидатов на выборные должности. Такие же списки представлены были от горожан и сельчан губернии. Выборы произведены были с большой торжественностью. С 7 часов утра 19 мая войска стали шпалерами от Казанского собора до Летнего дворца на Фонтанке. Играли трубы, гремели литавры. Сенатор Волков, управлявший губернией, двинулся с дворянством из своего дома в Летний дворец. Там в парадной зале, на верхней ступени тро-

* *Базилика* — прямоугольное здание из нескольких построек, соединенных рядами колонн.

на, встретил их фельдмаршал Голицын, начальствовавший над столицей. Отсюда все направились в Казанский собор, где принесена была после литургии присяга представителями дворянского, городского и сельского сословий. Торжество закончилось парадным банкетом дворянству и духовенству во дворце, и обедом для горожан и сельчан в доме губернатора.

Через десять дней состоялось в таком же торжественном порядке открытие губернских присутственных мест. Таким образом Петербург получил учреждения, существовавшие до преобразования императора Александра П.

Екатерина II не участвовала лично в этих торжествах, так как она в то время совершала путешествие на Юг России.

Окончательное устройство городского управления относится к 1785 году, когда дана была Екатериной "Жалованная грамота на права и выгоды городам Российской империи". Грамота эта представляет до сих пор важнейшую основу существующих у нас порядков городской общственности.

Главное отличие "Жалованной грамоты" от прежнего законодательства заключается в том, что ею создан административно-хозяйственный орган, заведующий делами сословного городского населения, и образующийся путем сословных выборов. Органом этим является Городская Дума, подразделяющаяся на общую и шестигласную; первая, соответствующая нынешней Городской Думе, была органом совещательным, собиравшимся обыкновенно только в начале каждого трехлетия, для выборов шестигласной думы — вторая, соответствующая нынешней городской управе, была учреждением постоянным, и притом только распорядительным и исполнительным. В отличие от магистратов, ведающих судебные дела торгового сословия, дума была устранена от всякого вмешательства в судебную часть. Ей поручено ведать все, что для города "потребно, выгодно и полезно"; она заботится о хозяйстве города, о приращении городских доходов, о безопасности и благосостоянии городских жителей, и о благоустройстве самого города.

Таким образом, новая Дума не была учреждением сословным, потому что ей вверены были интересы всего городского населения, и не была учреждением правительственным, подобно старым магистратам, члены которых считались на службе по табелю о рангах. Дума явилась первым в России учреждением общественно-городским.

Общую Думу составляли городской голова и гласные*: от "настоящих городовых обывателей" (т. е. владеющих домами или торговыми, промышленными и ремесленными заведениями), от гильдий**,

* *Гласные* — в старой России избираемые на срок представители, депутаты.

** *Гильдии* — разряды купечества в старой России; определялись по величине торгового оборота.

от цехов, от иногородних и иностранных гостей, от именитых граждан и от посадских. Под именитыми гражданами подразумевались преимущественно ученые и художники, которым их научное или художественное образование, удостоверенное дипломом или званием, заменяло имущественные и торговые права. Нововведение это выгодным образом отличает екатерининскую грамоту от прежнего законодательства.

Шестигласную распорядительную Думу избирала общая Дума из своей среды. Городской голова председательствовал в той и в другой думе.

Различные сословия и группы, входящие в состав городского общества, собирались для выборов отдельно. "Настоящие городовые обыватели" разбивались на мелкие собрания по частям города; купечество подавало голоса по гильдиям, и каждая из гильдий (их было тогда три) избирала по одному гласному; ремесленники собирались по цехам, и каждый цех выставлял одного гласного. Иностранные и иногородние гости избирали гласных "каждый народ особо", по одному от народа. Именитые граждане разделялись на семь "названий", и какое название имело более 5 человек, то выбирало гласного особо от других. Таким образом, представительство городского населения распределялось очень неравномерно: купечество имело в думе всего только 3 гласных (по числу гильдий), городские обыватели 10 гласных (по числу гильдий), а именитые граждане, т. е. ученые и художники, были представлены очень широко, имея зачастую гласного от 5 человек. Но затем эта неравномерность представительства сглаживалась тем, что все гласные одного состояния или одной группы составляли только один голос, и таким образом в Думе оказывалось всего 6 голосов.

Дума подчинялась генерал-губернатору или заступающему его место. К нему она обращалась с ходатайствами о пользах и нуждах города; от него исходили предложения Думе, на которые последняя должна была давать "пристойные ответы"; к нему поступали ежегодные ведомости о городских доходах и расходах.

Расходы допускались только "законные", а именно: на содержание магистрата и лиц, находящихся на городской службе; на содержание городских школ и других заведений приказа общественного призрения, и на городские строения. Жалованная грамота устанавливала, что "сверх положенных точно расходов, городовые общества не могут сами собою издерживать денег городских и делать новых издержек". Но само собой разумеется, что Дума могла ходатайствовать о всяких необходимых или общепользных затратах, если оказывались свободные денежные средства.

Жалованной грамотой положено также начало цеховому устройству ремесленного класса. Каждое ремесло, если имеет 5 мастеров, образует цех. Каждый цех на ежегодных сходах избирает управного

старшину и двух его товарищей. Цеха избирают ежегодно ремесленного голову, как представителя всего ремесленного населения города.

Открытие петербургской Думы на основании жалованной грамоты состоялось в следующем 1786 году, при меньшей торжественности, чем та, при какой происходили двадцать лет назад первые выборы городского головы. В назначенный день городские избиратели сошлись рано утром в помещение Думы и расселись по "голосам". По прибытии властей прочитан был указ о выборах, после чего все направились в Казанский собор на молебствие. По возвращении, приступлено было к выборам кандидатов в городские головы, и затем самого головы. После того избиратели разделились по сословиям и произвели выборы гласных в общую Думу. Избранные были представлены городскому голове, а тот в свою очередь представил их губернатору. Затем оставалось выбрать шестигласную Думу.

Число гласных общей Думы первого трехлетия в точности неизвестно, но 12 лет спустя число это равнялось 94.

Глава XIII

*Заботы Екатерины II о городском благоустройстве. —
Богадельни и больницы. — Народные школы. —
Освещение улиц. — Полиция. — Пожары. —
Наводнение 1777 года.*

Устраивая городское управление законодательным путем, Екатерина II в то же время деятельно заботилась о внешнем и внутреннем благоустройстве своей столицы. В этом отношении в ее царствование сделано очень много.

Потребности народного образования прежде всего привлекали внимание императрицы. Кроме забот о среднем и специальном образовании, выразившихся в преобразовании Шляхетского Кадетского корпуса, учреждении Горного училища и гимназий, устройстве институтов для благородных девиц, Екатерина II стремилась создать также средства для просвещения низших классов петербургского населения. Для этой цели приказ общественного призрения должен был учредить хотя бы по одной начальной школе в каждой части города; а чтобы подействовать личным примером, Екатерина приказала открыть на собственные ее средства первую такую школу в Адмиралтейской части. Можно считать, что училища для первоначального образования, подобные нынешним городским школам, получили свое начало в царствование Екатерины.

Призрение больных, бедных и неспособных к труду также впервые было правильно устроено. Уже в первые годы царствования

Екатерина предписывала "сделать лучшее рассмотрение об учреждении для неизлечимых и крайне престарелых особливых богаделен". Таких лиц в Петербурге оказалось до двух тысяч, но около половины из них еще были способны к какой-нибудь работе. Для совершенно беспомощных выстроены были особые богаделенные дома на Васильевском острове, близ Смоленского кладбища. При тогдашней дешевизне жизненных припасов, содержание призреваемых обходилось недорого: на продовольствие лиц из простого класса отпускалось по 2 коп. в день, а лиц обер-офицерского звания — по 4 коп., и при тогдашних ценах отпуска этого было достаточно. На больных, требовавших лечения, полагалось по 20 рублей в год. Недорого стоила и прислуга при богадельне: ей платилось от 12 до 15 рублей в год.*

Кстати будет привести здесь и установленные при Екатерине II размеры вознаграждения за церковные требы. За крещение полагалось давать 3 копейки, за венчание 10 копеек, за погребение взрослого 10 копеек, младенца 3 копейки. За исповедь и причастие вознаграждалось что-нибудь брать.

Для хронических больных учреждена была Обуховская больница, первоначально на 60 кроватей, и при ней отделение для сумасшедших и смирительный дом для женщин. Такой же дом для мужчин устроен был отдельно. Содержавшиеся в нем обязаны были исполнять различные работы, в доме и в городе.

При Екатерине впервые положен был отпуск денег на содержание арестантов, по 2 копейки в день. Раньше арестованные должны были кормиться на свой счет, или на пожертвования.

Для надзора за медицинской частью учреждена была Медицинская коллегия, и без разрешения никто не мог заниматься врачебной практикой.

Право торговли спиртными напитками впервые при Екатерине отдано было на откуп. За Петербург и Москву товарищество откупщиков уплатило за четырехлетний срок, громадную по тогдашнему времени сумму — 2 320 000 рублей, обязавшись продавать водку по 3 рубля за ведро. Из этого можно заключить, что непомерное употребление спиртных напитков составляло тогда большое зло столичной жизни.

В ряду забот о наружном благоустройстве города, вопрос об освещении улиц и площадей особенно привлекал внимание Екатерины. Недостатки освещения происходили от малого числа фонарей и от плохого состава фонарщиков. Против этих недочетов постепенно принимались меры. В 1770 году в Петербурге горело уже 1257 уличных фонарей, и ставилось еще 1000. На каждые 20 фонарей полагал-

* Автор имеет в виду 1903 год.

ся один фонарщик, получавший 18 рублей в год жалованья (следовательно больше, чем богаделенный служитель), при готовом дольствии наравне с воинскими чинами.

Для поддержания порядка в городе необходима правильно устроенная полиция, и на эту отрасль городского управления обращено было большое внимание. Раньше наружную полицейскую службу в Петербурге несли драгунские и другие войсковые команды; но участие России в Семилетней войне потребовало отозвания этих команд в армию. Тогда стали набирать нижних полицейских чинов из дворовых и крестьян, по найму от владельца, причем помещики старались сбывать людей нетрезвых и вообще дурного поведения. От таких блюстителей порядка было немного толку. Поэтому при Екатерине II полицейская служба в Петербурге подверглась полному преобразованию. Мы уже говорили раньше об учреждении должности обер-полицеймейстера, главным образом для разбора взаимных споров и притязаний между домовладельцами и жильцами. В 1782 году ему дан был помощник в лице полицеймейстера, который вместе с тем присутствовал в учрежденной тогда управе благочиния, ведавшей судебные, торговые и паспортные дела городских обывателей, и просуществовавшей до преобразований императора Александра II. Для каждой из тогдашних десяти частей города учреждена была должность пристава. Части разделены были на кварталы, примерно от 50 до 80 домов (нынешние участки) и в каждый квартал определен квартальный надзиратель, а в помощь ему квартальный поручик. Весьма любопытно, что квартальные надзиратели назначались управой благочиния, а квартальные поручики избирались самими гражданами города из своей среды, на три года.

Надобность в улучшении и усилении полицейской службы была тем настоятельнее, что Петербург быстро разрастался, население увеличивалось, постройки возводились более скученно. Требовалось постоянное наблюдение и за скопльшимся в городе бедным рабочим населением, и за исполнением правил городского благоустройства и благочиния. Давнишнее зло — пожары, — продолжало угрожать Петербургу, несмотря на заметное уже преобладание каменных построек. Чаше других частей города страдал от огня Васильевский остров. В 1771 году большой пожар испепелил там множество домов, между невской набережной и Большим проспектом, в том числе дом графа Миниха, где помещался Морской корпус. Раньше, в 1763 году, там сгорел Гостиный двор*, и это бедствие вызвало назначение поощрительной награды той из пожарных команд, которая раньше других прибудет по тревоге.

* От старого Гостиного двора на Васильевском острове (Биржевая линия, 1) до сегодня сохранился лишь небольшой фрагмент постройки.

В 1774 году был большой пожар в Адмиралтейской части. Выгорело более 140 домов, в том числе более 100 каменных. В 1780 году горел Гостиный двор на Невском. В нем только лицевая галерея была каменная, все же остальное строение деревянное; оно выгорело дотла, и жертвой огня сделалось еще много жилых домов, расположенных позади торговых рядов. Пожар этот привел к тому, что во избежание крайней скученности лавок, разрешено было открывать отдельные магазины во всех улицах города; прежде же торговля дозволялась только в рядах.

Другое бедствие, издавна знакомое жителям столицы — наводнения, — также постигало Петербург в царствование Екатерины II. Самое сильное и губительное наводнение произошло в ночь на 10 сентября 1777 года. Двое суток перед тем на море свирепствовала буря, гнавшая воду в Неве вверх против течения. С необычайной быстротой вода поднялась на 10,5 футов (3,1 м) выше обычного уровня и залила город, за исключением Литейной и Выборгской частей. Екатерина II в этот день только что вернулась в столицу из Царского Села. Вот как описывала она наводнение во французском письме к Гримму:

"В 10 часов пополудни поднялся ветер, который начал с того, что порывисто ворвался в окно моей комнаты. Дождь шел небольшой, но с этой минуты понеслось в воздухе все что угодно: черепицы, железные листы, стекла, вода, град, снег. Я очень крепко спала; порыв ветра разбудил меня в 5 часов. Я позвонила и мне доложили, что вода у моего крыльца, и готова затопить его. Я сказала: "Есть так, отпустите часовых с внутренних дворов; а то, пожалуй, они вздумают бороться с напором воды и погубят себя". Желая узнать поближе, в чем *дело*, я пошла в Эрмитаж. Нева представляла зрелище разрушения Иерусалима. По набережной, которая еще не окончена, громоздились трехмачтовые купеческие корабли. Я сказала: "Боже мой! Биржа переменяла место, графу Миниху придется устроить там, где Эрмитажный театр. Сколько разбитых стекол! Сколько опрокинутых горшков с цветами! И словно подстать цветочным горшкам, на полу и на диванах валялись фарфоровые вазы с каминов. Нечего сказать, тут-таки похозяйничали".

Хотя высокая вода стояла недолго, но опустошения, причиненные наводнением 10 сентября, были громадны. В затопленных частях города все лавки с товаром размыло, уцелели только каменные в Гостином дворе. В Коломне разнесено около ста домов со всеми службами и заборами. На 11 версте вокруг Петербурга находили на полях трупы людей и животных. В парках были вырваны с корнями даже мачтовые деревья. В Летнем саду буря поломала множество старых лип, посаженных еще при Петре Великом, и разрушила фонтаны, которые после того уже не были возобновляемы.

Наводнение 1777 года подало повод установить сигналы для предупреждения жителей столицы о грозящей опасности. Екатерина II утвердила правила, по которым, как только в Коломне и Галерной гавани Нева начинала разливаться по берегу, давались три выстрела из пушек, и на Адмиралтейском шпиге подымались красные флаги, а ночью фонари. При возрастающей опасности следовали пять пушечных выстрелов, и т. д. Эта система сигналов, с изменениями, удержалась и до настоящего времени.

Осенью 1771 года Петербургу угрожала другая опасность: в Москве свирепствовала моровая язва, и потребовались строгие меры предосторожности, чтобы предупредить занесение ее в новую столицу. Распоряжением от 10 октября приказано было во всех петербургских слободах иметь ворота и калитки в домах днем и ночью закрытыми, чтобы никто не мог войти во двор без ведома хозяина. Внутри города все дома, не имеющие при воротах дворника или караульного, приказано было запираť с вечера и не отпирать до 7 часов утра. О всех случаях скоропостижной или быстрой смерти домохозяева обязывались сообщать полиции, никого к телу умершего не допускать, и накуривать в комнате камфарой, уксусом, можжевельником, перьями или ельником. Меры эти, в связи с другими, достигли цели, — московская чума не была занесена в Петербург. Вместе с тем, эти меры любопытны как первый в нашей столице опыт применения строгого санитарно-полицейского наблюдения за безопасностью города.

Скажем в заключение, что при Екатерине II впервые появляются выборные от петербургского купечества, наблюдающие за правильностью мелочной и разносной торговли в городе. Они обязаны были следить за исправностью весов и мер, и вообще за тем, чтобы "товары продавали правдиво, не чиня никакого обмана и не мешая с добрыми худых".

Глава XIV

*Державин и Фонвизин. — Торжества по случаю побед. —
Механик-самоучка Кулибин. —
Общественные развлечения и театры.*

Блестящее царствование Екатерины II ознаменовалось не только успехами во внешней и внутренней политике страны, но и небывалым оживлением общественной жизни. Помимо своего государственного и торгового значения, Петербург все более становился центром нового просвещения, и заботы Петра Великого начали приносить плоды. Появилась русская литература, выдвинувшая несколько крупных дарований.

Эта литература развивалась в двух направлениях. С одной стороны, блестящие дела Екатерины, победы Румянцева и Суворова, возросшее могущество русского государства, вдохновляли поэзию к прославлению в торжественном тоне героев царствования. Представителем такой поэзии был Державин, воспевавший Екатерину и ее сподвижников, и сообщивший русскому стиху, еще не чуждому церковно-славянских форм и оборотов, возвышенную силу, звучность и красоту. С другой стороны, стремление Екатерины преобразовать грубые нравы и искоренить в обществе застарелые пороки, вызвало литературу сатирического направления, осмеивавшую слабые и достойные порицания стороны тогдашней русской жизни. В этом направлении наибольшей известностью пользовались Фонвизин и Новиков. Первый написал несколько комедий, из которых самая замечательная, "Недоросль", до сих пор играет на сценах, и по языку очень близко подходит к нынешнему разговорному. Второй пользовался влиянием, как издатель сатирических журналов и автор большого числа сатирических статей и очерков. К последнему направлению принадлежали и произведения самой Екатерины II, главным образом — комедии, осмеивавшие пристрастие высшего общества ко всему французскому, и прикрытую наружным лоском грубость понятий и нравов.

Славным делам царствования соответствовал блеск придворной и светской жизни. Громкие победы русского оружия требовали громкого отклика. Екатерина, любившая щедро вознаграждать своих сподвижников, праздновала всенародно их подвиги. В 1769 году, получив в Царском Селе донесение о взятии Хотина, она немедленно прибыла в столицу и явилась в Казанский собор, где уже ожидали ее великий князь наследник и все высшее общество. Молебствие сопровождалось пальбой из пушек, затем следовал парадный обед во дворце и гулянье в Екатерингофе, которое императрица посетила вместе с сыном и со всем двором. В следующем году столица видела торжественное празднование Чесменской морской победы. Оно началось в Петропавловском соборе, перед гробницей Петра, которому возданы были посмертные почести, как создателю русского флота. Здесь архимандрит Платон произнес свое знаменитое слово, оставившее в слушателях неизгладимое впечатление. Четыре дня спустя, празднование продолжалось в Адмиралтействе, где состоялся в присутствии государыни и двора парадный обед, сопровождавшийся пушечной пальбой и игрой труб и литавр. Также торжественно было отпраздновано в 1774 году и заключение славного мира с турками. Екатерина и двор прибыли к Казанскому собору в 22 экипажах, по церемониалу. В собор были приглашены все иностранные послы, высшие чины и все столичное духовенство. После литургии и молебствия, от поезда императрицы отделился отряд из 100 конногвардейцев, для объявления жителям, в пяти местах, радостной вес-

ти. Глашатаи имели через плечо перевязь из белого атласа с золотыми кружевами, а в руках снопы лавровых ветвей.

Но всего блистательнее было отпраздновано в 1791 году взятие турецкой крепости Измаила. На этот раз торжество устроил князь Потемкин в Таврическом дворце. Как все затеи знаменитого сподвижника Екатерины, бал его отличался неслыханным великолепием. Убранство дворца с садом напоминало сказку из "Тысяча и одной ночи". Для въезда императрицы воздвигнуты были перед дворцом триумфальные ворота. Тут же, на площади, заготовлено было даровое угощение и подарки для народа. Для освещения бальных зал употреблено было воску на 70 тысяч рублей, а для убранства их — такие ковры, гобелены, люстры, мраморные изваяния, которые вместе представляли совершенно волшебное зрелище. Ужин на 3 тысячи приглашенных поражал роскошной сервировкой. Высшее петербургское общество приняло участие в празднике: в балете, нарочно для этого случая поставленном балетмейстером Лепиком, танцевали 24 пары молодежи из знатнейших фамилий, блиставшие красотой и роскошью нарядов и драгоценностей. Полагают, что тут было бриллиантов на несколько миллионов. У самого Потемкина на шляпе было столько бриллиантов, что он утомился носить ее в руке, и передал адъютанту. После роскошного ужина бал продолжался до утра.

Этот Таврический дворец, по обширному и по роскошному внутреннему убранству представлявший одно из замечательнейших зданий в Петербурге, со смертью Потемкина в 1792 году перешел в казну. Екатерина II в последние годы жизни любила проводить здесь весну и осень. Дворец раньше отличался такой сыростью, что в залах из-под колонн проступала вода; но императрица приказала обвести все здание выложенной камнем сточной трубой, и с тех пор сырость прекратилась.

При императоре Павле I Таврический дворец пришел в запущение и обращен был в манеж Конногвардейского полка. В саду поставлена была над прудом модель одноарочного деревянного моста через Неву, сделанная знаменитым механиком-самоучкой, нижегородским мещанином Кулибиным. Этот Кулибин, представленный Екатерине II и поднесший ей некоторые свои изобретения, обладал необычайными природными способностями к механике. Между прочим он придумал мост через Неву с одной аркой, дугообразный, с таким подъемом, что под ним могли бы проходить мачтовые суда. Мост должен был состоять из бревен различной меры и железных винтов и скреплений. Он был бы связан стоячими и лежащими решетками из брусьев, с таким расчетом, что все части подкреплялись бы взаимно, и вся тяжесть сооружения имела бы только две точки опоры, на противоположных берегах. Академия наук, на рассмотрение которой был передан проект Кулибина, нашла все его вычисле-

ния правильными, и удивительную затею его — вполне осуществимой. Но затем об изобретении механика-самоучки забыли, и мост его не был выстроен.

При Александре I в Таврический дворец возвратили все, что было вынесено из него по приказанию Павла I, и сам император Александр Павлович провел в нем часть осени 1803 года. С тех пор дворец этот утратил значение резиденции. В последние годы обширные залы его служили для некоторых выставок: цветоводства, кустарной промышленности и пр.*

Из больших придворных празднеств екатерининского времени особенно замечательна была так называемая "карусель", данная 16 июня 1766 года. Для нее на Дворцовой площади построен был обширный амфитеатр, одну из лож которого заняла сама государыня. Громадные толпы народа усеяли всю площадь, теснились в окнах домов, на балконах и даже на крышах, желая взглянуть на невиданное зрелище. Карусель состояла из четырех "кадрилей", заблаговременно собравшихся в назначенных для них местах: славянская и римская возле Летнего дворца, на лугу**, в шатрах; индийская и турецкая в Малой Морской улице, тоже в шатрах. В четыре часа дня подан был сигнал: дамам садиться в колесницы, кавалерам на лошадей. Затем шествие тронулось двумя отделениями по улицам города, запруженным зрителями, и в 5 часов все четыре кадрили одновременно подошли к амфитеатру перед Зимним дворцом. Здесь начались состязания, или "курсы": сперва дамские на колесницах, потом мужские на лошадях. Судьи записывали имена дам и кавалеров, имевших успех или неудачу в "ристаниях" и метании дротиков. По окончании "курсов", кадрили обошли маршем вокруг амфитеатра и направились к Летнему дворцу, где Екатерина, успевшая прибыть туда, смотрела на шествие с высокого крыльца. Кавалеры и дамы введены были в большую залу, где главный судья, престарелый фельдмаршал Миних, приветствовал их речью. Затем пажи вынесли дорогие призы, которые тут же были розданы отличившимся.

Огромный успех этого небывалого в Петербурге зрелища дал повод повторить его, с некоторыми отступлениями, 11 июля того же года.

Но самым любимым и обычным развлечением Екатерины II был театр. Сначала представления в ее присутствии давались в так называемом малом театре в Зимнем дворце, потом в Эрмитажном. Русские и французские пьесы разыгрывались обыкновенно дамами и мужчинами придворного общества; иногда участвовал в спектакле знаменитый актер Дмитревский. Чаще всего ставились пьесы самой Екатерины. Давались также небольшие балеты, в которых танцева-

*В наше время его занимает Северо-Западный кадровый центр.

**Т. е. на Марсовом поле.

ли придворные дамы и кавалеры. В дни, не занятые спектаклями, в Эрмитаже устраивались разные игры, маскарады, святочные забавы, и в особенности "игра в мысли" или в "билетцы", состоявшая в том, что участвующие писали на листках бумаги вопросы и более или менее остроумные ответы. Несмотря на роскошь обстановки, на этих собраниях царствовала непринужденность. Екатерина запрещала гостям вставать перед ней с места, и провинившийся должен был или уплатить червонец в пользу бедных, или выучить наизусть шесть стихов из "Телемахида" Тредиаковского.

Привычки общности, утонченные формы общежития все более развивались среди обывателей высшего и среднего круга. Вельможи и богатые люди держали в своих великолепных палатах открытый стол и давали блестящие праздники. Небогатый дворянин мог не заботиться о собственном хозяйстве, легко находя каждый день где обедать и ужинать. За столом обыкновенно играла музыка, толпы парадно одетых слуг суеились около богатых серебряных и выписных фарфоровых приборов. Наибольшим гостеприимством отличались дома Потемкина, братьев Орловых, Разумовского, Строганова, Нарышкиных.

В царствование Екатерины появились первые в России клубы. Старейший из них, английский, был основан в 1770 году банкиром Гарнером, и сначала имел не более 50 членов и помещался в скромной квартире; процветание его относится уже ко временам Александра I. Почти в одно время с английским основан был Бюргер-клуб немцем Шустером, и по имени учредителя чаще назывался Шустер-клубом. В отличие от аристократического английского клуба, этот клуб собирал преимущественно купцов, ремесленников, чиновников и артистов. В 1784 году основалось Коммерческое общество, для соединения биржевого купечества. Спустя год открылся Танц-клуб для небогатых лиц купеческого и мещанского звания. Вместе с тем устраивались и музыкальные общества и кружки, в 1772 году — Музыкальный клуб из 300 членов: существовавший 20 лет и разорившийся вследствие чрезвычайной роскоши устраиваемых им балов и маскарадов; позднее — Музыкальное общество, основанное Демидовым и другими богачами.

Клубы эти очень оживляли петербургскую жизнь, но в некоторых из них вскоре сильно развилась карточная игра и появились искусники, наверняка обыгрывавшие неопытных. Екатерина II стремилась преследовать азартную игру и неоднократно издавала против нее строгие указы, но развлечение это было в духе времени, увлекало людей влиятельных, и потому строгости вскоре забывались.

Тем не менее, распространявшееся просвещение делало свое дело, и петербургское общество все более переходило от грубых или пустых забав к интересам художественным и литературным. По примеру императрицы, вельможи и богачи украшали свои жилища

произведениями искусств, собирали картинные галереи, библиотеки, стремились дать детям блестящее по тому времени образование. Академик Крафт читал публичные лекции опытной физики на французском и немецком языках, и эти лекции охотно посещались петербургским обществом, не только высшим, но и средним, и в числе прочих — дамами. Все показывало, что просвещение, насажденное в России Петром Великим для надобностей государства, уже проникло в общество и разбудило в нем культурные потребности.

Глава XV

Император Павел I. — Постройка Михайловского замка. — Памятник Петру I. — Упразднение Городской Думы и учреждение Ратъауза. — Характер государя. — Его любимые резиденции: Гатчина и Павловск. — Заговор и цареубийство 11 марта 1801 года.

Вступивший на престол в 1796 году император Павел I, будучи противником роскоши и барской изнеженности, ввел в гвардии новые мундиры прусского образца, установил строгие требования в военной и гражданской службе, подчинил обывателей столицы многим обязательным правилам и порядкам. Так например, после 8 часов вечера гасились огни во всех частных домах; строго соблюдалось, чтобы никто не ездил по улицам четверней или шестериком цугом, если не имел на то права по своему званию. Преследование излишней роскоши доходило до того, что закон указывал, в каком чине сколько блюд можно было иметь за своим столом; обед майора, например, мог состоять из трех блюд. Вообще прежняя привольная, нарядная и несколько распущенная жизнь в Петербурге сильно изменилась и приняла более суровый будничный строй.

В непродолжительное царствование Павла I столица наша обогатилась лишь немногими новыми сооружениями. Замечательнейшее из них — Михайловский (ныне Инженерный*) замок, названный так потому, что домовая церковь в нем освящена была во имя архангела Михаила.

Михайловский замок заложен был в феврале 1797 года на месте Летнего дворца на Фонтанке, в так называемом третьем Летнем саду. В торжестве закладки участвовал лично Павел I, императрица Мария Федоровна и дети их. План дворца составлен был архитектором Бренна. Приказано было окончить постройку в два года, и потому с ней чрезвычайно спешили. Работали не только днем, но и

* С 1819 г. адание занимало Главное инженерное училище — отсюда и новое название замка.

ночью, при свете факелов и фонарей; рабочих, ежедневно занятых на постройке, ставилось не менее двух с половиной тысяч, но иногда число их доходило до шести тысяч. С заготовлением и доставкой материалов тоже очень спешили, и когда оказался недостаток в мраморе, то его брали с других производившихся в городе построек. Благодаря таким чрезвычайным усилиям, Михайловский замок был готов в 1800 году.

Внешний вид замка — четырехугольник, причем каждый из четырех фасадов отличается от остальных. С трех сторон в замок ведут ворота. Главный фасад сложен из красного и серого камня, нижний этаж из тесаного гранита. Над воротами фронтон, с барельефом из пудожского камня; главный карниз из разноцветного мрамора. Первоначально наружный вид замка изобиловал украшениями: везде стояли мраморные статуи, вазы, фигуры; впоследствии все эти украшения перенесены были в Зимний дворец. Точно также по кончине Павла I уничтожено было все то, что придавало дворцу характер крепости: снесена была каменная стена, окружавшая здание, засыпаны рвы, сняты подъемные мосты и увезены пушки, расставленные в разных местах на платформах.

Вся местность, окружавшая замок, между Фонтанкой и Екатерининским каналом, до Караванной и Итальянской улиц, принадлежала дворцу и обнесена была железной решеткой. В этом огромном пространстве заключались дворцовый сад и обширный плац. В саду Павел I часто прогуливался верхом, и в нем зимой расчищали дорожки от снега; на плацу происходили частые смотры и парады.

Внутренняя отделка Михайловского замка отвечала его величавой внешности. В главном фасаде, парадная лестница из гранита вела во второй этаж между колоннами из серого сибирского мрамора и бронзовыми перилами. Великолепные двери красного дерева с бронзой вводили в парадные покои дворца. За проходной аванзалой, украшенной историческими картинами Шебуева и Угрюмова, следовала тронная зала 12-ти сажен в длину, обтянутая зеленым бархатом с ткаными золотом узорами. Тут возвышался трон, обитый красным бархатом, тоже затканым золотом, с гербами России и принадлежащих ей царств Казанского, Астраханского, Сибирского и др. Далее находилась галерея Лаокоона, обтянутая великолепными гобеленами и украшенная мраморными статуями. За галереей следовала гостиная с бархатной мебелью огненного цвета, и громадная мраморная зала в два света, где дежурили кавалеры Мальтийского ордена. Еще далее находилась вторая тронная зала, с плафоном, расписанным Карлом Скотти, и замечательными громадными люстрами из массивного серебра. Дверь из этой залы вела во внутренние покои императрицы, убранные тоже с большой роскошью. Особенно замечательна здесь была рафаэлевская галерея, одна из стен которой была покрыта коврами, представлявшими копии с картин

Император Павел I
Годы правления 1796–1801

Рафаэля. Павел I вообще любил и ценил искусство, и в его спальней, где стояла за простыми ширмами походная кровать, стены были увешаны картинами знаменитейших европейских художников.

В своей частной жизни Павел I соблюдал большую простоту. Он вставал в 5 часов утра, умывался и обтирал лицо льдом. С 6 часов начинались доклады министров и должностных лиц. В полдень император обедал, всегда вместе со своим семейством и с очень немногими посторонними. После обеда он отдыхал немного, и затем отправлялся на прогулку по городу. Ранним вечером бывало небольшое собрание во дворце, причем императрица сама разливала чай. В 8 часов Павел обыкновенно уже ложился спать.

При Павле I русским войскам дана была новая форма по прусскому образцу, заменившая полукафтаны петровского и екатерининского времени. Мундир состоял из длинного и широкого фрака с большим воротником и почти сходящимися впереди фалдами. Шляпа полагалась треугольная, очень низкая и сплюснутая. Ботфорты заменили прежние башмаки, а перчатки носились с огромными раструбами. Офицеры имели в руке палку с костяным набалдашником. Необходимую принадлежность военного наряда составляли букли над ушами и коса, перевитая проволокой и лентой и обсыпанная пудрой, а у солдат мукой. Пехотные мундиры были все одинакового цвета, но отвороты и обшлага полагались в каждом полку другие: синие, розовые, желтые, абрикосовые, кирпичные и пр.

Одновременно с постройкой Михайловского замка, Петербург украсился новым памятником Петру Великому, поставленному на площади перед главным фасадом замка. Мысль увековечить фигуру Петра в бронзе принадлежала еще императрице Анне Иоанновне; она предполагала поставить конную статую его на Васильевском острове, перед зданием Двенадцати коллегий. Но только в царствование Елизаветы Петровны памятник был отлит по проекту знаменитого Растрелли. По тогдашнему обычаю изображали героев в античном одеянии, и Петр представлен в римской тоге (плаще) с лавровым венком на голове. В руке у него фельдмаршальский жезл. Пьедестал четырехугольный, мраморный, с отлитыми на чугунных досках сценами полтавской битвы. По неизвестной причине, памятник не был поставлен тогда же, и во все царствование Екатерины II пролежал на невской набережной, возле Исаакиевского моста. Павел I приказал сделать на нем надпись: "Прадеду — правнук", и поставить перед новым дворцом.

Петербургское городское управление испытало в царствование Павла I существенные перемены. Неприготовленность городских словесий к общественной деятельности сказывалась в неудовлетворительном ходе думских дел. После 12-летнего существования Думы, пришли к заключению, что главная причина неудач лежит в слишком большом количестве гласных. В 1797 году состав общей

Думы был сокращен с 94 гласных на 70. Но в следующем 1798 году Жалованная грамота Екатерины II была отменена, Дума совсем упразднена, и появился "Устав столичного города Петербурга", совершенно изменивший порядок городского управления. По этому уставу, Думу заменил "Ратгауз". Состав Ратгауза был смешанный, правительственный и выборный. Во главе стоял президент, назначаемый императором. Помощник его, или директор экономии, назначался учрежденной в 1797 году "Комиссией о снабжении резиденции припасами". Затем следовали 6 бургомейстеров и 10 ратсгеров, ко-

торые частью избирались городским обществом из достойнейших граждан, частью назначались той же комиссией; все они утверждались императором. Составленный таким образом Ратгауз распадался на три департамента: юстицких гражданских дел, юстицких криминальных дел, и камеральный, или хозяйственный. Следовательно, вместо административно-хозяйственного учреждения, каким была Дума, возникло снова учреждение смешанное, с кругом судебных дел, наподобие старых петровских магистратов.

В сентябре 1798 года петербургский городской голова созвал общую Думу для выборов бургомейстеров и ратсгеров. Об избранных кандидатах было представлено военному генерал-губернатору на утверждение. Через три недели, 21 октября 1798 года Ратгауз был открыт. Он просуществовал всего три года, так как император Александр I вскоре по вступлении на престол восстановил жалованную грамоту Екатерины II и Городскую Думу.

Упомянем здесь кстати, что пятигранная каланча, сохраняющаяся до сих пор при здании Думы на Невском проспекте, выстроена в царствование Павла I.

В мае 1800 года в Петербурге было предано земле тело величайшего из русских полководцев фельдмаршала Суворова. Своими неслыханными победами, которыми армия всецело была обязана его военному гению, он украсил блестящее царствование Екатерины; но и в последние годы жизни, вызванный Павлом I из деревенского уединения по случаю войны с французами в Италии, он прославил себя в течение нескольких месяцев 1799 года целым рядом боевых подвигов, и между прочим переходом через высокие Альпийские горы. Возвратясь в Петербург уже больным, измученным трудностями походной жизни, он умер 6 мая и похоронен в Александро-Невской лавре. Население столицы с глубокой скорбью провожало героя в могилу. Император Павел приказал воздвигнуть ему памятник, который и теперь красуется на Суворовской площади, перед Троицким мостом (первоначально он был поставлен на Царицыном лугу). Фельдмаршал изображен на нем, по модели художника Козловского, в виде бога войны Марса, на круглом гранитном пьедестале. В правой руке у него поднятый меч, в левой щит, заслоняющий папскую тиару и короны неаполитанскую и сардинскую. На пьедестале надпись: "Князь Итальянский, граф Суворов-Рымникский. 1801". Вокруг ограда из чугунных пушек и гранат, соединенных цепью.

Великий князь Павел Петрович родился 20 сентября 1754 года в том самом Летнем дворце на берегу Фонтанки, на месте которого незадолго перед своей смертью распорядился отстроить Михайловский замок. В тот же день, как он появился на свет, императрица Елизавета забрала ребенка от матери. До шести лет она сама занималась его воспитанием, затем к нему был приставлен дипломат Никита Иванович Панин. К совершеннолетию наследник цесаревич получил приличное европейское образование. Он свободно говорил на нескольких языках, был хорошо начитан и сам владел изящным слогом, разбирался в искусстве и архитектуре. Для наставления великого князя в Законе Божиим Екатерина пригласила молодого архимандрита Троицко-Сергиевой лавры Платона (Левшина), знаменитого впоследствии проповедника, митрополита Московского, одного из наиболее славных деятелей в истории нашей церкви. Он же готовил к принятию православной веры невесту Павла, будущую великую княгиню Наталию Алексеевну, он же совершил над ними обряд венчания.

Ранняя и мучительная смерть нежно любимой супруги, которую за ее кротость звали "тихим ангелом", не только сильно ранила молодого наследника, но и способствовала разладу в его отношениях с Екатериной, которая недолюбливала невестку и равнодушно отнеслась к ее кончине. Не успел Павел пережить свою утрату, как по настоянию государыни императрицы снова вступил в брак с Виртембергской принцессой Софией Дорoteей (в браке — великой княгиней Марией Федоровной). Впрочем, и во втором браке Павел был горячо привязан к супруге и жил с ней, по крайней мере душа в душу.

Приветствие государя на улице

Отца Павел лишился в возрасте восьми лет, хотя Петр Федорович, конечно, никогда и не стремился заниматься сыном. Матери же он не знал до юношеских лет, в детстве стеснялся и даже боялся. Позже между ними образовалась по-настоящему непримиримая разнь: Павел считал Екатерину виновницей смерти Петра III, и не одобрял ни ее государственной деятельности, ни выбора большей части сподвижников. Екатерина, со своей стороны, находила сына неспособным продолжать ее дела, которыми императрица так сильно гордилась. Когда у Павла и Марии Федоровны родился сын Александр, бабушка сама воспитывала его в

твердом намерении передать ему престол помимо законного наследника.

Удаленный от всех дел, испытывая неприязнь со стороны матери и даже ее сановников, Павел проводил большую часть времени в кругу семьи, и почти безвыездно жил в Гатчине или Павловске — имениях, подаренных ему матерью.

Гатчинская мыза — небольшое имение в сорока восьми километрах от нынешней границы города, постепенно обживалось уже с петровских времен. Поначалу оно было подарено сестре императора, Наталье Алексеевне, затем переходило из рук в руки. В 1765 году Екатерина подарила мызу графу Григорию Орлову. С этого времени и началось широкое благоустройство имения. Под наблюдением архитектора А. Ринальди в 1760-х годах в Гатчине был заложен величественный дворцово-парковый ансамбль. После смерти Орлова императрица снова выкупила имение у его наследников, и подарила сыну.

В 1781-82 годах Павел и его супруга совершают путешествие по Европе, осматривают знаменитые памятники старинной архитектуры и собрания произведений искусства, знакомятся с современным бытом ведущих европейских дворов. Значительные средства были потрачены супругами на приобретение картин, статуй, высокохудожественных материалов для строительства и отделки интерьеров их будущей резиденции. В Польше наследнику был представлен талантливый архитектор В. Бренна, которого Павел пригласил в Россию. Бренна принял предложение, и в течение пятнадцати лет безвыездно работал в Петербурге и его пригородах. В Гатчине им был перестроен дворец, устроено несколько новых павильонов, а также существенно украшен парк разнообразными небольшими садами и пейзажными участками.

Еще прежде путешествия, в 1777 году, императрица пожаловала наследнику и другое имение — Павловск, где предполагалось устроить его летнюю резиденцию. Поначалу для Павла был выстроен небольшой деревянный домик на берегу р. Славянки, для его супруги — другой, на месте бывшей шведской крепости. Вокруг домиков разбили цветники, тогда же было положено начало Павловскому парку, который, в соответствии со вкусами августейших супругов, украсили беседками, искусственными руинами, хижинами и т. п. Лишь в 1780 году началось планомерное создание ансамбля по проекту архитектора Ч. Камерона. Спустя несколько лет главным архитектором Павловска стал В. Бренна. Он частично перестроил фасады Большого дворца, создал некоторые, особенно парадные его интерьеры. Его же таланту принадлежит заслуга планировки Павловского парка и создания в нем целого ряда сооружений.

В 1783-1801 годах Гатчина и Павловск оставались любимыми резиденциями самого Павла и его семейства. Нежные, "тающие на глазах" краски интерьеров дворцов, величавая строгость просторных, слегка грустных парков служат свидетельством хорошего вкуса его хозяев, которые нередко до мельчайших подробностей оговаривали свои требования к проектам.

Впрочем, дивные эти создания, возникшие на основе хорошего вкуса заказчика и таланта исполнителя, и вполне объясняющие душу великой княгини Марии Федоровны, не могли победить мрачные стороны характера ее супруга, которые тогда уже стали обнаруживаться, и далее только развивались. Современники в один голос свидетельствуют о его нервной раздражительности, нередко изливавшейся в сильных приступах гнева. Не могли не повлиять на его здоровье и горечь утраты первой двадцатилетней супруги, и постоянное недовольство своим положением, боязнь лишиться престола, резкости и грубости со стороны матери. К несчастью, ко времени вступления на трон сорокадвухлетний цесаревич был уже изломанным, раздражительным и недоверчивым человеком.

Намерение Екатерины лишить Павла престола осталось, впрочем, без исполнения. Беспрепятственно воцарившись, император тотчас же развил энергичную деятельность по преобразованию многих заведенных при его матери порядков. Реформы, которые ему удалось произвести за неполные пять лет царствования, позволяют видеть в нем задатки деятельного и сильного государя. Многие его начинания, бесспорно, пошли на благо России. Однако недостаток опыта, знающих свое дело и преданных советников, а главное — исполнителей, нередко превращали любую здравую мысль в противоположность, карикатуру.

В царствование Павла любой подданный мог надеяться быть принятым и выслушанным лично самим императором. Обидчика, если факты подтверждались, неминуемо ждала скорая и строгая расправа. При Екатерине II, правившей довольно мягко по тем суровым временам, дворянство было несколько избаловано, получило ряд серьезных льгот и ожидало новых. Мысль о конституции, ограничении самодержавной власти, буквально носилась в воздухе. Павел же не оставлял ни малейшей надежды на ее воплощение. Резкий и вспыльчивый нрав его быстро пополнял ряды его тайных противников. Наконец, дело дошло до заговора.

Во главе последнего, удавшегося, стоял военный губернатор столицы, граф фон Пален, опытный царедворец и тонкий интриган. Расположив на свою сторону императора, он воспользовался его болезненной мнительностью, и убедил отдать распоряжение об аресте государыни императрицы и великих князей Александра

и Константина, будто бы, вероятных покровителей заговорщиков. Предъявив Александру Павловичу указ, чем, разумеется, сильно напугал юношу, Пален сумел привлечь его на свою сторону. Александр дал согласие на переворот с тем, чтобы добиться от отца отречения в его пользу. Пален обещал ему во всяком случае сохранить жизнь императора, но слова своего не сдержал.

Ночью 11 марта 1801 года, подкупив часть стражи, заговорщики проникли в спальню императора в только что отстроенном Михайловском замке. Это была последняя, сороковая, ночь, которую Павел провел в новом здании... Один из организаторов заговора, граф Бенигсен, по-французски обратился к государю: "Ваше величество, царствованию вашему конец: император Александр провозглашен. По его приказанию мы арестуем вас, вы должны отречься от престола. Не беспокойтесь за себя: вас не хотят лишать жизни. Я здесь, чтобы охранять ее и защищать. Покоритесь своей судьбе..." Некоторое время император молчал. "Что же я вам сделал?" — спросил он, наконец. Внезапный шум произвел замешательство среди заговорщиков. Некоторые из них бросились было бежать, но, убедившись, что тревога ложная, поспешно вернулись, внезапно опрокинули ширмы на лампу, и в темноте накинудись на государя. Павел слабо защищался, просил пощады, умолял, чтобы ему дали время прочесть последнюю молитву, но заговорщики молча свалили его на пол и после совсем короткой борьбы задушили царя.

Когда Александр вошел в спальню, впечатление было настолько сильным, что он упал в обморок. Когда же он пришел в себя, то понял, что его обманули и что сознание своего участия в убийстве отца будет преследовать его всю жизнь. Действительно, мысль эта отравляла существование императора Александра, которого в истории было принято называть Благословенным, до самой кончины...

Официально было объявлено лишь о "внезапной смерти" императора. Войска и Сенат были приведены к присяге на верность Александру. Жизнь, казалось, входила в обычную колею. Однако на этот раз злодеяние, в которое оказалось втянутым слишком много людей, не удалось сохранить в тайне. Не слишком скрывала чувств и вдовствующая императрица Мария Федоровна, трогательно чтившая память своего супруга. В церкви Екатерининского воспитательного дома при Смольном монастыре долгое время находился образ, изображающий Спасителя, Пресвятую Богородицу и святую Марию Магдалину. Образ был поднесен императрице староверами, которые ценили усопшего государя за дарованные им права. Надпись на иконе, заимствованная из Священного Писания, гласила: "Мир ли за Замврию, убийце Государя своего?..."

Петербург в XIX веке

Глава I

Развитие Петербурга в XIX столетии. — Сооружения времени Александра I. — Казанский собор. — Публичная библиотека. — Городское население и бюджет.

Как мы видели, почти все пространство, занимаемое в настоящее время Петербургом, к исходу XVIII века вошло уже в черту города и было так или иначе застроено. План города выработался окончательно, и наружный характер его определился. Возведены были многие важнейшие здания и другие сооружения, сохранившиеся с незначительными изменениями до настоящего времени. Но тем не менее столица наша, в общих чертах, имела вид города бедного и плохо застроенного. Правительственные сооружения, дворцы, храмы как бы только указывали на будущее развитие города в архитектурном отношении. Частных построек, соответственных этому уровню, было мало. Обывательские дома даже на главных улицах строились по преимуществу двухэтажные, самой незатейливой наружности, с плоскими или безвкусно украшенными фасадами, с маленькими окнами, нередко с деревянными надстройками. В более отдаленных частях города деревянное строение решительно преобладало. Несмотря на старание сократить пустыри и заборы, тех и других существовало еще очень много. Через Неву имелся только один мост, от прежней Исаакиевской церкви к Васильевскому острову, да и тот был деревянный. Мошение улиц крупным булыжником оставляло желать лучшего. Освещение было скудное, состав полиции недостаточный и неудовлетворительный. Весь годовой городской бюджет не достигал миллиона, хотя в него входили и таможенные сборы. Собственно городские доходы Петербурга составляли в 1797 году всего только 36 тысяч рублей.

Новому XIX веку предстояло перестроить столицу, сохраняя в существенных чертах план и пределы, унаследованные от предыдущего века. Эта перестройка осуществлялась постепенно, по мере развития государственных средств и обогащения города. На местах, занятых пустырями или обветшалыми строениями, возводились новые здания, казенные и частные; к хорошо построенным одноэтажным и двухэтажным домам надстраивались новые этажи. Прокладывались новые улицы, обстраивались площади;

деревянные строения медленно, но непрерывно вытеснялись из отдаленных кварталов.

В первой половине века преобладали правительственные строительные предприятия; во второй половине, и в особенности к концу века, сильно подвинулось строительство частное.

Царствование Александра I, хотя и ознаменованное с самого начала важными государственными реформами, не имело для архитектурного развития Петербурга такого значения, как последующие. Это объясняется двумя причинами. Продолжительные войны, в которые Россия была втянута властолюбием Наполеона I, истощали государственную казну и требовали ограничения строительных расходов. С другой стороны, первая четверть XIX века отличалась повсеместным оскудением архитектурных талантов. Господствовал упрощенный, лишенный фантазии стиль, с однообразными колоннами, тяжелыми и бедными карнизами, остроугольными украшениями над окнами. Печать этого бедного стиля ложилась на все постройки, снижая красоту и величавость общего облика города.

Император Александр I, вступив на престол 11 марта 1801 года, возвестил о намерении своем управлять страной "по законам и по сердцу" Екатерины II. Одним из первых дел его царствования было восстановление Жалованной грамоты городам 1785 года и петербургской Городской Думы. В манифесте от 2 апреля 1801 года говорится: "Сохраняя святость установлений вселюбезнейшей Бабки Нашей и быв удостоверены в той истине, что без прав и преимуществ непоколебимых и всею силою закона охраняемых, не могут промыслы, рукоделия и торговля достигнуть цветущего состояния, Мы признали за благо в пользу и одобрение их утвердить и восстановить Городовое Положение, отменяя и отлагая все, что противно оному, или несообразно силе его допущено или установлено было".

Восстановление Думы не могло однако произойти немедленно, так как предполагалось пересмотреть все те изменения, какие произведены были в городовом положении при Павле I. Дума открылась только в феврале 1802 года В сохранившемся журнале думы сказано: "Городской голова Меншиков, приуготовясь на основании указа того же 1802 года к открытию Городской думы и известя пред сим избранных обществом членов, градскую думу составить имеющих, собрал их в доме бывшего Ратгауза", куда прибыли митрополит, главнокомандующий, гражданский губернатор, высшие чины и дворянство. После молебствия последовало открытие городских учреждений.

Наибольшим оживлением петербургской жизни отличались первые годы царствования Александра I, посвященные преимущественно преобразованиям внутреннего управления. Молодой император, одушевленный наилучшими желаниями и намерениями, благосклонно-приветливый, окруженный молодыми же сподвижниками,

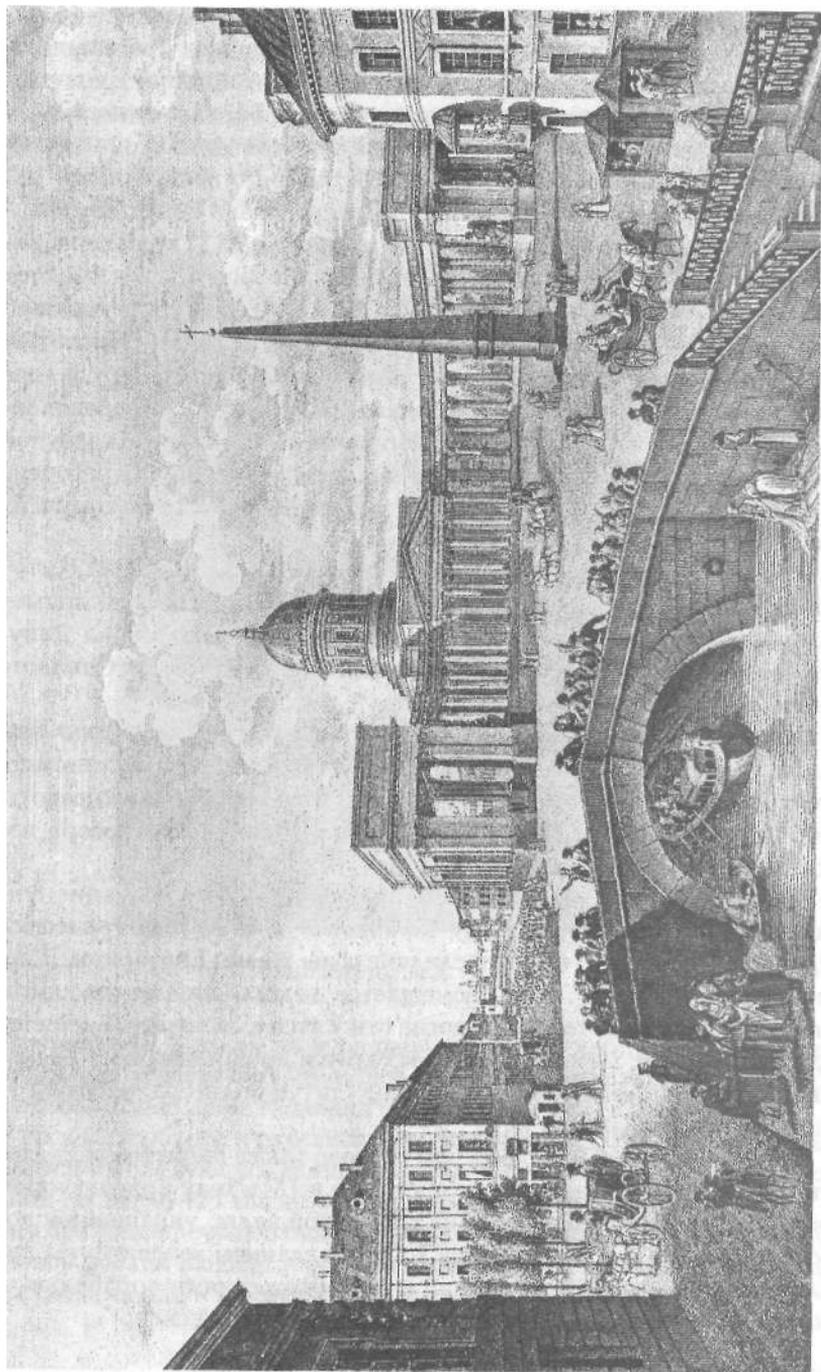
Император Александр I
Годы правления 1801–1825

в большинстве получившими образование в европейских столицах — был душой и кумиром оживившегося столичного общества. Широкие преобразования, проводимые с большой быстротой, вносили в городскую жизнь много воодушевления. В литературе, где рядом со стариком Державиным выступили молодые таланты: Карамзин, Вяземский, Батюшков, Крылов, Грибоедов, позднее Пушкин, и появились новые журналы и сборники, также замечалось большое оживление. Этому способствовали и облегченные сношения с заграницей и с европейской литературой.

Десятилетие с 1805 года по 1815 год ознаменовалось почти непрерывными войнами, в которые вовлечена была Россия властолюбивой политикой Наполеона I. В следующее затем десятилетие, хотя мир не нарушался, но внешняя политика поглощала почти все внимание императора Александра и требовала частого отсутствия его в Петербурге. Но несмотря на эти неблагоприятные для столичной жизни обстоятельства, столица продолжала развиваться и обстраиваться. Учреждение министерств возвысило его значение, как административного центра империи. Такому же возвышению содействовало учреждение Государственного Совета. Обновление Академии наук, преобразование учительской семинарии в Педагогический институт, открытие университета (помещавшегося первоначально на Звенигородской улице) и нескольких средних учебных заведений, разрешение частных типографий — все это сообщило Петербургу характер культурного центра, руководящего интеллектуальной жизнью страны. Но окончательно таким центром наша столица сделалась уже при преемниках Александра I.

Из замечательных сооружений, какими обогатился Петербург в царствование Александра I, важнее всех Казанский собор на Невском проспекте. Раньше, при Петре Великом, здесь стояла небольшая часовня с иконой Казанской Божьей Матери, привезенной в 1710 году по приказанию царя из Москвы. В 1737 году на месте часовни выстроена была церковь Рождества Богородицы, которую обыкновенно называли, по имени перенесенной в нее иконы, Казанским собором. Император Павел I пожелал построить здесь величественный храм, план которого составил даровитый архитектор Воронихин. К постройке приступили уже при Александре I в 1801 году и окончили ее в 1811 году.

Громадное здание собора, крестообразной формы, имеет три портика, с колоннами из пудожского камня. К портику, обращенному на Невский проспект, примыкает колоннада, расходящаяся полукругом по обе стороны собора; эта колоннада является подражанием знаменитому собору святого Петра в Риме. Порттик посреди этой колоннады украшен колоссальными бронзовыми фигурами Иоанна Крестителя, Апостола Андрея и святых князей Владимира и Алек-

Вид Казанского собора

сандра Невского. Над храмом возвышается круглая башня с 16 окнами, накрытая овальным куполом с вызолоченным крестом. Вышина всего здания с крестом — 33 сажени (70 м). Внутри храм разделен рядами колонн из финляндского гранита с бронзовыми венчиками. Главный иконостас, сооруженный уже при Николае I, весь из литого серебра тонкой чеканной работы; на него пошло около 100 пудов (1,6 т) серебра, часть которого пожертвована донскими казаками, отбившими при отступлении французов в 1812 году серебряную утварь, награбленную в московских церквях. Иконостас этот исполнялся по рисункам архитектора Тома де Томона. Он украшен 4 колоннами из сибирской яшмы; над царскими воротами сияние выложено драгоценными камнями. Над живописью собора трудились лучшие тогдашние русские художники: Егоров, Шебуев, Боровиковский. Главная святыня собора, Нерукотворная икона Казанской Божьей матери, имеет ризу чистого золота, украшенную драгоценными камнями и жемчугом; ценность ризы определяется свыше 35 тысяч рублей.

В Казанском соборе находится гробница фельдмаршала Кутузова, главного героя войны 1812 года. Тут же поставлены знамена, отбитые у французов, и жезл наполеоновского маршала Даву. Вообще весь собор как бы посвящен воспоминаниям об Отечественной войне.

Исаакиевский собор, как мы уже говорили, был достроен при Павле I из кирпича. Император Александр I желал восстановить этот храм из мрамора, каким он предполагался вначале, но работы в его царствование подвигались медленно. Перестройка собора завершена уже при Николае I.

Императорская Публичная библиотека — обширное здание, украшенное по главному фасаду колоннами и статуями греческих мудрецов. Оно начато еще в последние годы жизни Екатерины II, но dokonчено в 1812 году. В нем помещается до миллиона томов книг и рукописей, между которыми многие относятся к замечательнейшим редкостям. Здесь, между прочим, находится лучший портрет Екатерины II, работы Левицкого, мраморная статуя Вольтера, работы Гудона, Евангелие XII века и пр.

Здание Биржи на Васильевском острове также начато при Екатерине II, по плану Кваренги, но окончено в 1816 году архитектором Тома де Томоном. Оно состоит из громадной залы, украшенной колоссальным бюстом Александра I. Перед зданием воздвигнуты две колонны со статуями у подножия и с изображениями корабельных частей. Позднее против биржи был разбит изящный сквер.*

* С 1940 г. в здании Биржи размещается Военно-Морской музей.

Из других сооружений времени Александра I замечательны: Главный штаб на Дворцовой площади, с аркой, украшенной бронзовой колесницей с шестью конями; Государственный банк на Большой Садовой улице; Большой театр, перестроенный ныне для Консерватории*. Первоначально Большой театр выстроен был еще при Екатерине II, но в 1817 году возобновлен после пожара. В 1836 году он был снова перестроен, повышен, и вся внутренняя отделка его

возобновлена. В таком виде он около полувека собирал в своих стенах двор и лучшее петербургское общество, съезжавшееся на оперные и балетные представления и в маскарады.

Рост Петербурга в царствование Александра I лучше всего определится из следующих данных. Население города к концу царствования достигло 425 тысяч, следовательно почти удвоилось. Домов к тому времени насчитывалось до 8 тысяч, стоимостью свыше 80 миллионов рублей. Бюджет города, не достигавший в начале царствования 1 миллиона, к концу царствования превысил 3 миллиона.

*На Театральной пл. (д. 3).

Первое столетие Петербурга в 1803 году • —

Наводнение 7 ноября 1824 года. — Влияние Отечественной войны на русское общество. — Заговор и бунт 14 декабря 1825 года. — Воцарение императора Николая I.

В 1803 году исполнилось первое столетие существования Петербурга, и было торжественно отпраздновано в годовщину его основания, 16 мая. Вокруг конной статуи Петра I на Сенатской площади собрано было 20 тысяч войска; церемониальным маршем прошла гвардия перед памятником, преклоняя пред ним знамена. Император Александр лично командовал парадом. Отсюда церемониальное шествие направилось в Петропавловский собор, где на гробницу Петра возложена была большая медаль, поднесенная по случаю юбилея городскими сословиями. На медали имелось изображение Петра в профиль, в лавровом венке, с надписью кругом: "От благодарного потомства".

Не забыт был при этом и исторический ботик Петра Великого, известный под именем "Дедушки русского флота". Его подняли на борт 110-ти пушечного корабля "Архангел Гавриил", поставленного на Неве против памятника. У ботика стояли на часах четверо современников Петра, столетние старцы. Один из них, бывший при Петре морским офицером, хорошо помнил великого царя. Другой носил в свое время за Петром межевые шести, когда тот измерял болотистую местность под Петергофом. Он благоговейно хранил серебряный рубль, пожалованный ему царем.

Памятник Петру, домик его на Петербургской стороне и дворец в Летнем саду были разукрашены флагами, и вечером осветились огнями. Иллюминирован был и весь столетний город.

В последние годы царствования Александра I Петербург постигло ужасное бедствие: 7 ноября 1824 года произошло сильнейшее из всех наводнений, затоплявших столицу в течение двух столетий. В 1777 году, как мы уже знаем, вода в Неве поднималась на 10,5 футов выше обычного уровня; в 1824 году подъем воды достигал 12 футов (более 3,5 м) и потому затоплено было еще более обширное пространство.

Бурная, ненастная погода еще накануне предвещала готовившееся бедствие. Шел дождь, дул с моря холодный юго-западный ветер. Барометр разом упал на целый дюйм (около 2 см). Один современник-очевидец рассказывает:

"В 7 часов вечера (6 ноября) я уже видел на Адмиралтейской башне сигнальные фонари для предостережения жителей от наводнения. В ночь настала ужасная буря; сильные порывы юго-западного ветра потрясали кровли и окна, стекла звучали от плесков круп-

ных дождевых капель. Беспечные жители столицы спокойно почивали. С рассветом мы увидели, что вода чрезвычайно возвысилась в каналах и сильно в них волновалась. Сначала появлялись на улицах только люди, вышедшие из домов своих за дедами; но около 10 часов утра, при постепенной прибыли воды, толпы любопытных устремились на берега Невы, которая высоко поднималась пенными волнами и с ужасным шумом и брызгами разбивала их о гранитные бе-

Адмиралтейство

рега. Когда жители Адмиралтейской стороны еще не предвидели несчастья, низменные места, лежащие по берегам Финского залива и при устье Невы, были затоплены, и жители Гавани, Канонерского острова, Гутуевского, деревень: Емельяновки, Тентелевой и казенного Чугунного завода близ Екатерингофа, терпели бедствие. Невозможно описать того ужасного явления, которому были свидетелями люди, бывшие в это время на берегу Финского залива и чудесно спасшиеся от гибели. Необозримое пространство вод казалось кипящей пучиной, над которой распростерт был туман от брызгов волн, гонимых против течения и разбиваемых ревущими вихрями. Белая пена клубилась над водяными громадами, которые, беспрестанно увеличиваясь, наконец яростно устремились на берег. Множество деревянных построек не могло противостоять огромной массе

воды и с треском обрушились. Люди спасались, как могли, в уцелевшие дома, на бревнах, плавающих кровлях, воротах и т. д. Многие погибли, как и домашний скот и пожитки. Вода беспрестанно прибывала, и наконец ринулась на весь город. В одно мгновение вода полилась через края набережных реки и всех каналов, через подземные трубы она хлынула в виде фонтанов.

Трудно представить себе смятение и ужас жителей: погреба, подвалы и все нижние квартиры тотчас наполнились водой; каждый спасал, что мог и выносился наверх, оставляя в добычу воде свое имущество. Некоторые, слишком заботливые о вещах и товарах, погибли в погребах; толпы народа, бывшего на улицах, бросились в дома, другие спешили в свои жилища, но прибывшая вода принудила их искать спасенья, где кто мог. Кареты и дрожки, которые сперва разъезжали по воде, начали всплывать и спасаться на высоких мостах и по чужим дворам. В первом часу пополудни весь город, за исключением Литейной, Каретной и Рождественской частей, был залит водой, везде почти в рост человека, а в некоторых низких местах (как например на перекрестке Большой Мещанской и Вознесенской улиц и у Каменного моста) более нежели на полтора сажени.

Разъяренные волны свирепствовали на Дворцовой площади, которая с Невой составляла одно огромное озеро, изливавшееся Невским проспектом, как широкой рекой, до самого Аничковского моста. Мойка, подобно всем каналам, скрылась от взоров и соединилась с водами, покрывавшими улицы, по которым неслись леса, бревна, дрова, мебель. Вскоре мертвое молчание водворилось на улицах. Около двух часов появился на Невском проспекте, на двенадцативесельном катере, военный генерал-губернатор граф М.А. Милорадович, для подания помощи и ободрения жителей. Несколько небольших лодок проехало по Морской, и еще большой катер с несколькими людьми разного звания, спасшимися от гибели на берегу Невы, причалил к дому Косиковского. Близ Смоленского поля, на Петербургской стороне и вообще в местах низких, занятых деревянными строениями, вода смыла последние до основания, и улицы загромодила лесом, дровами и даже хижинами; кое-где лежали изломанные барки; одно парусное судно большой величины, с завода Берда, очутилось в Коломне, возле сада католического митрополита. На Неве все мосты были сорваны, за исключением Самсониевского и соединяющего Каменный остров с Петербургской стороной. Каменные и чугунные мосты все уцелели, но гранитная набережная Невы сильно пострадала, многие камни были сдвинуты с места или опрокинуты. В третьем часу пополудни вода начала сбывать, в 7 часов начали уже ездить в экипажах по улицам".

Картина разрушения была так необычайна и ужасна, что поразила воображение современников. Некоторые сходили с ума от горя

и ужаса. В записках очевидцев сохранились подробнейшие черты события, надолго оставшегося в памяти петербургских жителей. "Зимний дворец, говорит один современник, как скала стоял среди бурного моря, выдерживая со всех сторон натиск волн, с ревом разбивавшихся о крепкие его стены и орошавших их брызгами почти до верхнего этажа. Мосты были сорваны и разнесены на части; два тяжелые плашкоута* сели на гранитный парапет против Летнего сада.

Граф М.А. Милорадович

На площади против дворца — другая картина: под небом почти черным, темная вода вертелась как в огромном водовороте; по воздуху, высоко и быстро крутясь, носились широкие листы железа, сорванные с крыши нового строения Главного штаба; буря играла ими как пухом; два длинные деревянные тротуара, поперек между заборов недоконченного здания, сделали плотину, на которую волны упирались с ревом, и достигнув высоты ее, полились в Малую Миллионную**; в Большую Миллионную, через узкий переулок, выходящий

* *Плашкоут* — маленькая баржа, понтон, на который опирается опора наплавного моста.

** Малой Миллионной называлась часть Большой Морской, от арки Главного штаба до Невского проспекта (Прим. авт.)

на Неву, вдвинуло водой огромную барку, перегородившую улицу. Люди, застигнутые водой, лезли в окна, на фонари, цеплялись за карнизы и балконы домов, прятались на вершинах деревьев, посаженных вокруг бульвара, садились на империалы* карет".

Громадные опустошения произведены были на Товарной бирже на Васильевском острове. Там вода смыла до 300 тысяч пудов сахара, столько же пудов соли, унесла вина в бочках и ящиках на пол-миллиона рублей, муки и других товаров на многие миллионы. После наводнения толпы народа долго хозяйничали на бирже, собирая ведрами образовавшуюся от размокшего сахара патоку.

Грозная картина наводнения изображена Пушкиным в его поэме "Медный Всадник":

Редает мгла ненастной ночи,
И бледный день уж настает.
Ужасный день! Нева всю ночь
Рвалась к морю против бури,
Не одолев их буйной дури...
И спорить стало ей не в мочь.
По утру над ее берегами
Теснился кучами народ,
Любуясь брызгами, горами
И пеной разъяренных вод.
Но силой ветра от залива
Перегражденная Нева
Обратно шла гневна, бурлива,
И затопляла острова.
Погода пуще свирепела;
Нева вздувалась и ревела,
Котлом клокоча и клубясь, —
И вдруг, как зверь остервенясь,
На город кинулась. Пред нею
Все побежало, все вокруг
Вдруг опустело... Воды вдруг
Втекли в подземные подвалы;
К решеткам хлынули каналы —
И всплыл Петрополь, как Тритон,
По поясу в воды погружен.
Осада! приступ! Злые волны
Как воры, лезут в окна; челны
С разбега стекла бьют кормой;
Садки под мокрой пеленой,

* Т. е. на крыши. Вообще, империалом называлась огороженная перилами площадка со скамьями на крыше вагона "конки" — конно-железной дороге.

Обломки хижин, бревна, кровли,
Товар запасливой торговли,
Пожитки бледной нищеты,
Грозой снесенные мосты,
Гробы с размытого кладбища —
Плывут по улицам. Народ
Зрит Божий гнев и казни ждет.
Увы! все гибнет: кров и пища.
Где будет взят?

В тот грозный год
Покойный царь еще Россией
Со славой правил. На балкон
Печален, смутен вышел он
И молвил: "С Божией стихией
Царям не совладеть". Он сел,
И в думе скорбными очами
На злое бедствие глядел.
Стояли стогны озерами,
И в них широкими реками
Вливались улицы. Дворец
Казался островом печальным.
Царь молвил — из конца в конец,
По ближним улицам и дальним,
В опасный путь средь бурных вод
Его пустились генералы —
Спасать и страхом обуялый,
И дома тонущий народ.

Правительство поспешило на помощь пострадавшим от наводнения людям. В каждой части города учреждены были особые комитеты для раздачи пособий. По улицам развозили хлеб и одежду; устроены были временные приюты для оставшихся без пристанища. Александр I пожаловал миллион рублей для бедных; щедрой рукой сыпались и пожертвования частных лиц; всего было собрано более четырех миллионов рублей. Государь лично посещал места, наиболее пострадавшие от наводнения, утешал и одарял несчастных. "Какими потоками слез, — пишет один очевидец,— орошал ангел наш, при вопле и рыдании окружавших его, несчастливцев, переживших наводнение, как он утешал их, сам неутешный".

То влияние, которое оказала Отечественная война 1812 года на Александра I, русское общество и весь ход истории России, позволяет отнести это событие к числу наиболее важных за весь

ХІХвек. Огромная армия, сражавшаяся сначала за освобождение Европы, затем — своей родины, вернулась домой не с одними лишь военными трофеями, но с новыми веяниями, а главное — с новыми надеждами. Впечатление, которое произвели на русское дворянство успехи европейской мысли и государственности, было слишком сильно. Не понимая разницы в историческом, национальном и географическом положении, которая существовала между Россией и Европой, молодежь буквально впала в грех уныния из-за резкого контраста между западным и российским образами жизни, который только теперь стал для нее вполне очевиден.

На самого государя императора война тоже произвела глубокое и сильное впечатление, но совсем иного рода. Он все более погружался в тяжелое, угнетенное состояние, раздумывая о тщете разума и воли человека перед волею Божественной. К новым преобразованиям, которых от него с нетерпением ожидало общество, он вовсе не испытывал сочувствия, и все чаще размышлял об отречении и тихой, созерцательной жизни в покаянии и молитве. Невольно главным распорядителем во внутренней жизни России стал военный министр граф А. Аракчеев, человек весьма недалекий, который, получив значительную власть, не умел распорядиться ей во благо и с педантичной строгостью, которая часто переходила в жестокость, пытался перенести требования воинской дисциплины на все общество в целом. Потеряв надежду на добрую волю царя, молодое поколение занялось самообразованием. Большая часть, впрочем, не пошла дальше занятий популярными тогда философией, историей и пр. науками, не оставляя в то же время и практических трудов на благо Отечества. Однако среди другой ее части разочарование было столь сильно, что всякая практическая деятельность в условиях самодержавия казалась им лишеной смысла и пользы.

В их-то среде и возникли первые в России тайные политические общества. В 1821 году в Петербурге образовалось "Северное общество" во главе с братьями Муравьевыми, князем С. Трубецким, поэтом К. Рылеевым и пр. Ближайшими целями общество видело низложение императора и его правительства, уничтожение крепостной зависимости крестьян и созыв Учредительного собрания. Силой, на которую опиралось общество в своих расчетах, была, разумеется, армия. В глубокой тайне заговорщиками был разработан и план переворота. Они надеялись внезапно захватить Петропавловскую крепость, Арсенал, который находился тогда на берегу реки Карповки на Петербургской стороне, и Зимний дворец; затем "истребить императора" и вынудить Сенат подписать заготовленный заранее политический манифест.

Вскоре, как будто, представился удобный случай свершить задуманное.

27 ноября 1825 года из Таганрога, где находился со своей семьей государь император, в столице была получена весть о его смерти. В тот же день Сенат, войска и все государственные учреждения присягнули на верность старшему после Александра сыну несчастного Павла I, великому князю Константину Павловичу. Последний находился в это время в Варшаве. Вскоре, однако,

Граф А.А. Аракчеев

было обнаружено завещание Александра I, в котором объявлялось об отречении от престола великого князя Константина еще в 1821 году, и о назначении наследником великого князя Николая Павловича. Две недели в столице дожидались приезда великого князя Константина, который должен был публично подтвердить свое отречение, однако тот так и не приехал.

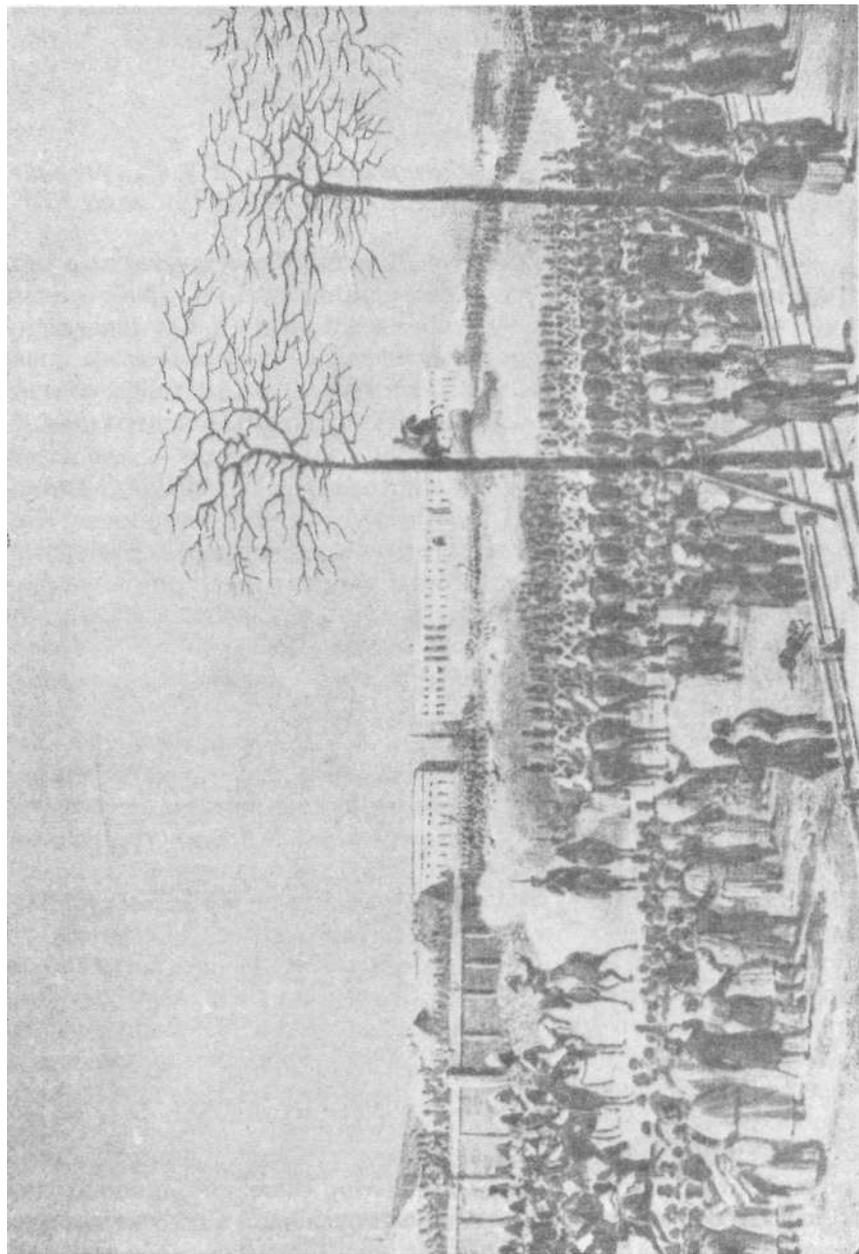
Заговорщики решили воспользоваться замешательством и назначили выступление на 14 декабря — день, когда войска должны были принять присягу на верность новому императору, Николаю I. С этой целью они распространили среди солдат слух о

том, что никакого отречения, будто бы, не было, и что Николай, пользуясь отсутствием брата, просто захватил власть силой.

Впрочем, Николаю стало известно о готовящемся бунте. Это существенно изменило положение заговорщиков. Среди их руководителей обнаружилось разногласия, многие отошли в сторону, в последний момент от руководства отказался "диктатор" — князь С. Трубецкой. Прочие все же предпочли быть арестованными "на площади, а не в постели", и до конца старались привлечь на свою сторону войска.

Вопреки их расчету, большая часть войск присягнула благополучно. Лишь два полка — Московский и Лейб-Гренадерский — от принятия присяги отказались, и вышли с оружием на Сенатскую площадь к памятнику Петру Великому. Здесь к ним присоединились гвардейские матросы и часть прохожих. Толпа кричала: "Ура, Константин! Ура, конституция!" — обнаруживая тем самым, что отнюдь не все хорошо понимали, ради чего рисковали жизнью. Полки выстроились в боевом порядке и ждали указаний руководителей заговора. Последние прибыли на площадь не все, и не смогли уже перехватить инициативу, которая с самого начала была в руках законной власти. Сенатская площадь со всех сторон была окружена верными престолу войсками: выход оставался лишь на Галерную улицу. Ни митрополит, ни военное начальство не смогли убедить собравшихся сложить оружие и сдаться на милость государя. Только военному губернатору столицы графу Милорадовичу, знаменитому своими подвигами герою Отечественной войны, почти удалось повлиять на ход событий благодаря уважению и любви, которыми он пользовался в армии. Однако он тут же был смертельно ранен офицерами-заговорщиками Оболенским и Каховским. Этот бесславный поступок связал восставших кровью, и надежды на мирный исход бунта уже не оставалось. Тогда против толпы была брошена конница. Полки отбивались, да и сами нападавшие атаковали словно нехотя, возможно, сочувствуя своим товарищам по боевым походам. Между тем, на площади сгустились сумерки: шел шестой час... Николай отдал приказ прибегнуть к самому решительному средству. Несколько картечных пушечных выстрелов обратили восставших в бегство. Толпа устремилась в узкий длинный коридор Галерной. Вслед за ними летели новые порции картечи... Всего в ходе этого трагического события погибло около тысячи человек.

Члены "Северного общества" были арестованы и преданы Высшему уголовному суду, который приговорил к смертной казни 36 человек. Однако Николай I несколько смягчил приговор, и смертной казни было предано лишь пятеро руководителей общества — М.П. Бестужев-Рюмин, П.И. Пестель, К.Ф. Рылеев, С.И. Муравь-

Сенатская площадь 14 декабря 1825 года

ев-Апостол и П.Г. Каховский. Остальные осужденные были отправлены в Сибирь на каторгу или в ссылку. Лишь те из них, кто дожил до кончины Николая I, получили помилование от его преемника, Александра II, в 1856 году.

Глава III

Печальное состояние петербургской Городской Думы в первой половине XIX века. — Городовое положение 1846 года.

Хотя петербургская Городская Дума была восстановлена в 1802 году, но на ее хозяйственную распорядительность мало рассчитывали; и потому в том же году был учрежден Комитет для уравнивания городских повинностей. На этот комитет вскоре была возложена также забота о приведении в известность всех городских расходов, об освещении улиц, содержании мостовых и пр. Несколько лет позднее образовался Комитет городских строений, а в 1820 году — еще новый комитет, "для лучшего устройства доходов и расходов Санкт-Петербурга". Таким образом, большая часть думских обязанностей отошла от Думы, но и с оставшимися делами она справлялась очень неудовлетворительно. В торговом и мещанском сословии было мало людей с образованием, а дворяне получили право отказываться от выборной городской службы. Поэтому мысль о коренном преобразовании Думы занимала правительство в течение двух царствований, Александра I и Николая I.

С особенной настойчивостью занялись этим вопросом в 40-х годах. В 1843 году петербургский губернатор, после ревизии Думы, нашел, что учреждение это в законном составе вовсе не существует, что члены шестигласной думы никогда в ней не присутствуют, и что все городское управление состоит, собственно говоря, из думского секретаря и канцелярии. Все это вместе сделало, по словам губернатора, петербургскую Думу "образцом медленности, упущений, запутанностей, беспорядков и злоупотреблений". Канцелярская волокита в особенности приводила в отчаяние и местные власти, и министерство внутренних дел. Случалось, что дела оставались нерешенными в думе по пять, по семь лет; отзыв, который следовало подать через два-три дня, давался через год или два, сметы никогда не составлялись вовремя.

Такое положение дел тем более не могло быть терпимо, что вступивший в 1825 году на престол император Николай I лично входил во все подробности государственного управления, и требовал от всех служащих строгого повиновения закону и долгу и быстрой исполнительности. По его настояниям, еще в 1827 году на министерство внутренних дел возложена была задача разработать новое городо-

Император Николай I
Годы правления 1825–1855

вое положение для Санкт-Петербурга и Москвы. Но дело подвигалось медленно. Вырабатываемые в министерстве проекты клонились к привлечению в состав думы лиц дворянского сословия и к расширению самостоятельности этого учреждения; эти стремления не встречали сочувствия ни в торговом классе, ни со стороны местной административной власти. Наконец в 1842 году при хозяйственном департаменте министерства внутренних дел учреждено было "Временное отделение для устройства городского хозяйства". В этом отделении выработан был окончательный проект нового городского положения, высочайше утвержденный 13 февраля 1846 года. В том же месяце повелено было произвести в Санкт-Петербурге общественные выборы и открыть присутственные места по новому положению.

Это новое городское положение существенно отличалось от составленного в 1785 году на основании Жалованной грамоты Екатерины II. По новому положению, общая Дума "представляет собой городское общество и действует его именем". Она составляется из представителей пяти городских сословий*, избираемых этими последними из своей среды. Выборным правом пользуется каждый член каждого из пяти сословий, если обладает доходом с собственности не менее 100 рублей в год. Собираются избиратели для выборов по сословиям, причем в каждом избирательном участке должно быть не менее 300 и не более 600 избирателей. Общая цифра гласных полагается не менее 100 и не более 150 от каждого сословия, а всего от 500 до 750 гласных. (Перед введением в действие Положения 1846 года состав петербургской Думы сократился до 34 человек). Общая дума делится на пять отделений, по числу сословий; каждое отделение избирает сословного старшину. Городской голова избирается всеми отделениями общей Думы, среди почетнейших лиц из дворян, почетных граждан и купцов первой гильдии, обладающих в городе недвижимостью не менее 15 тысяч рублей. Дума избирает из таких лиц двух кандидатов, получивших наибольшее число голосов; один из этих кандидатов назначается высочайшей властью городским головой на 6 лет (с 1862 года — на 4 года).

Общая Дума в полном составе созывается городским головой с разрешения военного генерал-губернатора для выборов городского головы и для "важнейших общественных дел". Общая Дума считалась учреждением совещательным, "не делающим от себя непосредственно никаких распоряжений". Непрерывное заведование городскими делами принадлежало распорядительной Думе, заменившей

* Эти 5 сословий были следующие: 1) потомственные дворяне, владеющие в городе недвижимостью; 2) личные дворяне, почетные граждане и разночинцы, при том же условии; 3) купцы трех гильдий; 4) мещане, не записанные в цех; и 5) цеховые мещане (Прим. авт.).

прежнюю шестигласную Думу. Эта распорядительная Дума составлялась из 12 гласных, к которым присоединялся еще представитель правительства, называвшийся членом от короны. Распорядитель-

План С.-Петербурга в царствование Николая I

ная Дума избиралась на 4 года, и подчинялась не общей Думе, а сенату, генерал-губернатору и губернатору.

В первые 14 лет действия нового городского положения, общая Дума собиралась только 17 раз.

Днем торжественного открытия выборов по положению 1846 года назначено было 13 октября того же года. С утра в этот день в зале дворянского собрания сошлось более четырех тысяч избирателей;

между ними находилось и немалое число государственных сановников: выборы очевидно интересовали все городское общество. По приезде военного генерал-губернатора, все направилось в торжественном шествии, по порядку сословий, в Казанский собор, где выслушали молоствие. Сами выборы происходили в течение 10 дней, с 15 по 25 октября. Всего выбрано было 586 гласных. 27 октября, после литургии в соборе, они вновь наполнили залу дворянского собрания, где петербургский гражданский губернатор и открыл первое заседание общей Думы.

Но новое городское положение не оправдало возлагавшихся на него ожиданий. Привлеченные к городскому управлению дворяне мало входили в порученные Думе дела. Общая Дума собиралась, как мы видели, чрезвычайно редко; в распорядительной Думе завелась такая же беспорядочная канцелярщина, какой отличалась раньше шестигласная Дума. Правительственная ревизия, произведенная в 1849 году, обнаружила массу упущений в делопроизводстве; состоявшие при Думе учреждения, вроде торговой депутации, оказались даже не знающими, "в чем их обязанность".

Только полное обновление Думы, последовавшее в связи с преобразованиями императора Александра II, дало деятельную жизнь этому учреждению.

Глава IV

*Сооружения времени Николая I. — Исаакиевский собор. —
Пожар и восстановление Зимнего дворца. —
Александровская колонна. — Конные группы
на Аничковом мосту. — Николаевский мост.*

В тридцатилетнее царствование императора Николая I, Петербург обогатился многими замечательными сооружениями и соединился железной дорогой с Москвой, что чрезвычайно способствовало его экономическому развитию. Период этот отмечен преимущественно возрастанием государственной силы России, а потому и среди сооружений того времени правительственные преобладают над частными. Николай I вообще любил большие, величавые создания архитектуры и инженерного искусства, и все постройки его царствования отличаются широтой замысла и тщательностью, дорого стоившей отделкой. Казна не щадила средств, чтобы достигнуть вековечной прочности и царственной красоты в памятниках зодчества. Николай I был кроме того любителем и покровителем искусств, и в его время петербургские музеи, дворцы и храмы обогатились замечательными произведениями кисти и резца.

Самой величественной и роскошной постройкой николаевской эпохи остался Исаакиевский собор. Мы уже знаем, что собор этот был заложен в царствование Екатерины II и при Павле I достроен из кирпича, в сокращенных размерах. Александр I признал эту постройку несоответствующей назначению — первого по великолепию храма в столице, и решил перестроить собор заново из мрамора, придерживаясь первоначального плана*. Не доверяя петербургским архитекторам, между которыми тогда не было выдающихся дарований, он остановил свой выбор на молодом французском ху-

Исаакиевский собор

дожнике Монферране, построившем дом Лобанова (Адмиралтейский пр., д. 12). В 1819 году работы начались, но так как они требовали громадных денег, то подвигались вперед чрезвычайно медленно. Постройка затянулась почти на 40 лет. Во все царствование Николая I она продолжалась безостановочно, и только в год его кончины была приведена к концу.

Исаакиевский собор, постройка и отделка которого поглотила более 23 миллионов, — одно из замечательнейших сооружений в мире. Оно имеет форму четырехугольника, с громадными портиками и гранитными террасами со всех четырех сторон. Портики состоят из колонн цельного гранита, каждая 150 футов (45 м) высоты. Колонны эти — величайшие в свете; их обтеска и полировка стоила гро-

* К тому же, в царствование его обнаружались серьезные просчеты архитекторов. В 1818 г. богослужения в соборе были прекращены, так как находиться в его стенах стало просто опасно.

мадного труда. Всех наружных колонн в соборе 112. Стены облицованы снаружи и внутри итальянским и олоонецким мрамором; на одну внутреннюю отделку пошло более полмиллиона пудов, или 8 тысяч тонн мрамора.

Здание увенчано колоссальным куполом с четырьмя платформами; по углам стоят четыре колокольни. Над портиками возвышаются литые бронзовые барельефы с изображениями из библейской истории и из жизни святого Исаакия. Модели для бронзовых работ составляли художники Витали, барон Клодт и другие.

Высота собора внутри, с куполом — более 42 сажен (88 м). Пол выложен из разноцветного мрамора и порфира; он занимает площадь в 6,5 тысяч кв. арш. (3,25 тыс. кв. м). В куполе помещаются 12 вызолоченных фигур ангелов; кроме них, в том же куполе помещаются еще 40 фигур пророков, ангелов и патриархов исполинской величины. На внутреннюю позолоту храма пошло 13 пудов (208 кг) золота. Великолепная живопись собора принадлежит кисти лучших художников 40-х и 50-х годов: Карла Брюллова, Неффа, Басина, Бруни, Штейбена, Шамшина и других. Главный иконостас сделан из белого мрамора и опирается на колонны из малахита и ляпис-лазури, каких нет больше нигде в мире. Боковые иконостасы украшены превосходными скульптурными произведениями Витали, Пименова, Клодта, Логановского.

Достроенный при Николае I, Исаакиевский собор не был еще вполне отделан внутри, и освящение его последовало только в 1858 году. Но еще и после того, до 1864 года продолжались работы внутри.

Некоторые другие петербургские церкви достроены или возобновлены в царствование Николая I. Так, Смольный монастырь, возведенный вчерне при Елизавете Петровне по плану графа Растрелли, более 70 лет стоял недоконченным. Достроили его и освятили в 1835 году. Внутренняя отделка его выполнена из белого итальянского мрамора, ступени и пол перед иконостасом из уральского мрамора.

Спасо-Преображенский собор на площади Радищева после пожара 1825 года возобновлен в 1829 году по плану архитектора Стасова. Тот же архитектор перестроил в 1835 году пришедший в ветхость Троицкий собор. Ограда вокруг Преображенского собора составлена из турецких пушек, отбитых в войну 1828 года. Подаренные сначала полякам для памятника королю Станиславу, они во время восстания 1831 года были обращены против русских войск, и вторично отбитые, принесены в дар гвардии.

Какими большими художественными и материальными силами для величественных сооружений уже располагал тогда Петербург, можно судить по необычайной быстроте, с какой возобновлен был Зимний дворец после ужасного пожара 1837 года. Бедствие про-

изошло 17 декабря, а к праздникам Пасхи 1839 года громадное здание было уже заново перестроено и отделано.

Этот пожар надолго занял внимание петербургского общества. Начался он вечером, в то время когда государь находился в театре. Огонь показался сперва из душника печной трубы на хорах Петровской залы. Потолок в этой зале был деревянный, и огонь, по всей вероятности давно уже тлевший, добравшись до сухих балок, стал бы-

Вид Дворцовой площади с монументом Александру I

стро распространяться. Узнав о пожаре, государь тотчас прибыл во дворец, и пройдя на половину великих князей, приказал немедленно отвезти их в Аничковский дворец. Затем, пройдя Концертную залу и Большую аванзалу, он был встречен в Фельдмаршальской и Петровской залах бушевавшим огнем. Несмотря на видимую опасность, Николай I прошел в Белую гербовую залу. Казалось, уже не было возможности идти далее: все было наполнено густым дымом, потолок и хоры грозили падением. Несмотря на то, государь прошел через всю охваченную огнем часть дворца, приказал вытребовать два ближайших полка, Преображенский и Павловский, и поручил солдатам выносить мебель и драгоценности и складывать их на Дворцовой площади. Солдаты, к которым присоединились также матросы, с честью выполнили порученную им работу: за исключе-

нием некоторых громоздких предметов, все было спасено в целости. Из столового серебра, ценностью в несколько миллионов, ничего не пропало. Бриллианты и прочие драгоценности также все сохранились.

Редкое зрелище представляла в ту ночь и на другой день Дворцовая площадь. Роскошная мебель, зеркала, картины, бронза, статуи лежали в беспорядке вокруг Александровской колонны прямо на снегу. Часы с музыкой, брошенные тут же, играли арии. Неведомые люди помогали выносить вещи. И тем не менее, все оказалось в целости, не было попыток воровства.

Пожар длился три дня, пока не сторело все доступное огню; но и потом еще с неделю курились дотлевающие бревна.

Цесаревич Александр Николаевич и великий князь Михаил Павлович лично участвовали в распоряжениях при борьбе с огнем. Император Николай, желая отстоять половину императрицы, послал батальон Семеновского полка разбирать чердак, но узнав, что там уже все в огне, отменил приказание. На вопрос, не надо ли спасать из кабинета деловые бумаги, государь ответил: "У меня нет там никаких бумаг. Я оканчиваю свою работу изо дня в день, и все свои решения и повеления тогда же передаю министрам". В одной из зал солдаты силились снять вделанное в стену огромное зеркало, а между тем огонь уже приближался. Видя опасность, Николай I велел солдатам отойти, но они все еще надеялись спасти этот предмет большой ценности, и не расхотелись. Тогда государь бросил в зеркало свой бинокль, и разбил стекло вдребезги. "Видите, ребята, — сказал он, — что ваша жизнь мне дороже зеркала, и прошу сейчас же расхотиться".

Современник, поэт В.А. Жуковский, так описывает это грозное бедствие:

"Пожар, усиливаемый порывистым ветром, бежал по потолкам верхнего этажа; они разом во многих местах загорались, и падая с громом, зажигали полы и потолки среднего яруса, которые в свою очередь низвергались огромными огненными грудами на крепкие своды нижнего этажа, большей частью оставшегося целым. Зрелище, по сказанию очевидцев, было неописанное: посреди Петербурга вспыхнул вулкан. Сначала объята была пламенем та сторона дворца, которая обращена к Неве; противоположная сторона представляла темную громаду, над коею пылало и дымилось ночное небо: отсюда можно было следовать за постепенным распространением пожара; можно было видеть, как он, пробираясь по кровле, проникнул в верхний ярус; как в среднем ярусе все еще было темно (только горело несколько ночников, и люди бегали со свечами по комнатам), в то время как над ним все уже пылало и разрушалось; как вдруг загорелись потолки и начали падать с громом, пламенем, искрами и

вихрем дыма, и как наконец потоки огня полились отовсюду, наполнили внутренность здания и бросились в окна. Тогда вся громада дворца представляла огромный костер, с которого пламя то всходило к небу высоким столбом, под тяжкими тучами черного дыма, то волновалось как море, коего волны вскакивали огромными, зубчатыми языками, то вспыхивало снопом бесчисленных ракет, которые сыпали огненный дождь на все окрестные здания. В этом явлении было что-то невыразимое: дворец и в самом разрушении своем как будто неприкосновенно вырезывался со всеми своими окнами, колоннами и статуями неподвижной черной громадой на ярком трепетном пламени. А во внутренности его происходило что-то неестественное: какая-то адская сила там господствовала, какие-то враждебные духи, слетевшие на добычу и над ней разыгравшиеся, бешено мчались повсюду, сталкивались, разлетались, прядали с колонны на колонну, прилипали к люстрам, бегали по кровле, обвивались около статуй, выскакивали в окна и боролись с людьми, которые мелькали черными тенями, пробегая по яркому пламени. И в то время, когда сей ужасный пожар представлял такую разительную картину борьбы противоположных сил, разрушения и гибели, другая картина приводила в умиление душу своим торжественным, тихим величием. За цепью полков, окружавших дворцовую площадь, стоял народ бесчисленной толпой в мертвом молчании. Перед глазами его горело жилище царя; общая всем святыня погибла; объятая благоговейной скорбью, толпа стояла неподвижно; слышны были одни глубокие вздохи, и все молились за государя".

Работы по возобновлению дворца производились днем и ночью, с величайшей поспешностью, и через год были доведены до конца. Дворец был отстроен и отделан еще с большей роскошью чем прежний; в таком виде он сохраняется и ныне. Из заново отделанных зал наиболее замечательны: Александровская, украшенная картинами из русской военной истории; Золотая в византийском стиле; гостиная покойной императрицы Александры Федоровны, с расписными стенами, богато вызолоченным плафоном, колоннами и вазами из малахита, и пр.; Гербовая с позолоченными колоннами; Георгиевская с императорским тронem и др. В одной из зал нижнего этажа помещается "сокровищница", где хранятся: большая корона с огромным яхонтом; малая корона, вся в бриллиантах; скипетр, с чрезвычайно большим алмазом, купленным Екатериной II; держава, украшенная большим бриллиантовым крестом на великолепном сапфире. В кладовых Зимнего дворца хранятся замечательные ковры французской и восточной работы, изделия из бронзы, редкий фарфор и пр.

При Николае I закончена постройка Михайловского дворца, обращенного нынче в Музей императора Александра III (Русский му-

зей), и выстроен Мариинский дворец — красивое здание в итальянском стиле.

Из театров, по повелению Николая I выстроены два: Александровский (нынешний Академический театр драмы им. А.С. Пушкина в Екатерининском сквере) и Михайловский (с 1918 года — Малый оперный). Первый, открытый в 1832 году, украшен портиком из шести колонн, увенчанным бронзовой фигурой Славы. Второй выстроен в 1833 году.

Еще ранее возобновления Зимнего дворца, Дворцовая площадь украсилась памятником, принадлежащим к числу замечательнейших в мире — Александровской колонной. Она воздвигнута в честь Александра I и его побед над Наполеоном, и имеет надпись: "Александру I благодарная Россия". Сама колонна высечена из цельного темно-красного финляндского гранита; высота ее 25,6 м, окружность при основании — 10,5 м. Размеров этих не достигает ни одна колонна из цельного камня во всем мире. Пьедестал тоже гранитный, составленный из громадных камней; все стороны его украшены литыми бронзовыми барельефами, изображающими древнерусское вооружение и аллегорические фигуры. Над колонной возвышается ангел с крестом, придавливающим змия; высота ангела — 4,2 м, а креста — 6,3 м.

Сооружение колонны было поручено тому же Монферрану, который строил Исаакиевский собор. Работы сопряжены были с величайшими трудностями. Надо было прежде всего осторожно отделить из скалы цельную гранитную массу требуемой величины. Затем эту глыбу отделяли тут же на месте, придавая ей форму колонны. Для перевозки ее водой построено было нарочно особенное судно; погрузка и выгрузка ее требовали невероятных усилий. В то же время на Дворцовой площади укладывали фундамент. На 17 сажень (36 м) в глубину вбили 1250 сосновых свай, и на них, до уравнения площади, уложили обтесанные гранитные глыбы. Затем поставили самую большую глыбу, как основу для пьедестала. Эта задача потребовала громадных усилий и множества механических приспособлений: глыба весила 25 тысяч пудов (400 т).

Величайшие затруднения представляла постройка самой колонны. По двум сторонам пьедестала возведены были леса до 22 сажень высотой. По наклонной плоскости колонна была подкачена на особую платформу и обмотана канатными кольцами, к которым прикрепили блоки. Соответствующие блоки установлены были на вершине лесов. В назначенный для поднятия колонны день, 30 августа 1832 года, на Дворцовую площадь прибыл император Николай со всем семейством. Толпы народа теснились на площади, у окон и на

* Ныне в Мариинском дворце на Исаакиевской площади заседает высший орган представительной власти в городе.

крыше Главного штаба. За канаты ухватились до 2 тысяч солдат. Колонна медленно поднялась и повисла в воздухе; затем канаты были отданы, и каменная глыба тихо и верно опустилась на пьедестал. По площади пронеслось громовое "Ура!" Государь, обрадованный успехом, сказал торжествующему архитектору: "Монферран, вы себя обессмертили". Ровно через два года окончена была последняя отделка памятника и совершено освящение его, в присутствии императора, всего царского семейства и 100 тысяч войска.

Нарвские ворота и мост через реку Таракановку

"По совершении молебствия, — писал об этом торжестве поэт Жуковский, — начался ход вокруг монумента; первосвященник окропил его святой водой; и вслед за сим, по одному слову всколебались все колонны армии; с невероятной быстротой вся площадь очистилась; на ступенях монумента остались одни немногие ветераны александровской армии, прежде храбрые участники славных битв его времени, теперь заслуженные часовые великого его монумента. Начался церемониальный марш: русское войско пошло мимо Александровской колонны; два часа продолжалось сие великолепное, единственное в мире зрелище; наконец войска прошли; звук оружия и гром барабанный умолкли; народ на ступенях амфитеатра и на кровлях зданий исчез. В вечеру долго по улицам освещенного города бродили шумящие толпы; наконец освещение угасло, улицы опустели; на

безлюдной площади остался величественный колосс, один со своим часовым; и все было спокойно в сумраке ночи; лишь только на темном, звездами усыпанном небе, в блеске луны сиял крестоносный ангел".

В том же 1834 году открыты были Нарвские триумфальные ворота, воздвигнутые в честь военных подвигов гвардии в наполеоновские войны. Они состоят из 20 гранитных колонн, высотой в 19 аршин (13,5 м), отделанных бронзой. В двух нишах поставлены по две бронзовые статуи древних русских воинов, а над аркой фигуры Славы и Победы, в колеснице, запряженной 4 конями. Памятник этот, выстроенный архитектором Стасовым, обошелся более миллиона рублей.

Почти в такую же сумму обошлись Московские триумфальные ворота, в честь русских войск, победоносно действовавших в Персии, Турции и при усмирении Польши. Ворота эти, воздвигнутые в 1838 году, состоят из чугунной арки на 12 колоннах, с бронзовыми фигурами по бокам проездов.

Годом раньше поставлены на площади перед Казанским собором памятники фельдмаршалам Кутузову и Барклаю-де-Толли. Оба полководца изображены с непокрытыми головами, в мундирах и плащах; у ног каждого — французское знамя с переломленным древком.

Большим украшением главной петербургской улицы, Невского проспекта, явились поставленные в 1850 году на Аничковом мосту четыре конные группы, отлитые бароном Клодтом. Талант художника и самоучки (раньше он был артиллерийским офицером) обратил на себя внимание Николая I удачной конной группой для Нарвских триумфальных ворот. Отлитые им потом группы коней, украшаемых атлетами, посланы были в подарок королям прусскому и неаполитанскому, и до сих пор украшают собой Берлин и Неаполь. Группы эти так нравились Николаю I, что он приказал повторить их и поставить на четырех концах Аничкова моста. По превосходному воспроизведению статей и движений лошадей, группы эти не имеют себе равных в мире.

К числу важнейших сооружений, исполненных в царствование Николая I, принадлежат: первый постоянный мост через Неву (Николаевский) и первые в России железные дороги — Царскосельская и Московская (Николаевская). Мост, от Английской набережной к Васильевскому острову, построен на гранитных быках и обошелся в 4 380 000 рублей. Московская железная дорога, сооруженная по личной воле Николая I, вопреки мнению министров, связала Петербург с внутренней Россией и дала сильный толчок его промышленному и торговому развитию.

*Николай I — Державный хозяин Петербурга. —
Черты из его жизни. — Cholera 1831 года. —
Общественная жизнь в Петербурге. — Театры. —
/Чуковский, Крылов, Пушкин.*

Император Николай I любил Петербург, и во многих отношениях наложил на него печать своего личного вкуса. Замечательнейшие постройки его времени носят следы указаний, которые он давал художникам и строителям. Можно сказать, что с его личностью сливался и общий характер Петербурга, превосходно схваченный Пушкиным в его стихах:

Люблю тебя, Петра творенье;
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное течение,
Береговой ее гранит...
Люблю воинственную живость
Потешных Марсовых полей,
Пехотных ратей и коней
Однообразную красоту,
В их стройно-зыблемом строю
Лоскутья сих знамен победных,
Сиянье шапок этих медных,
Насквозь простреленных в бою;
Люблю, военные столица,
Твоей твердыни дым и гром,
Когда полнощная царица
Дарует сына в царский дом,
Или победу над врагом
Россия снова торжествует,
Или, взломав свой синий лед,
Нева к морям его несет,
И чуя вешни дни, ликует.

Тесная связь императора Николая I со своей столицей выразилась в личном участии, какое он принимал во многих петербургских событиях. Мы уже знаем о его распоряжениях во время пожара в Зимнем дворце. Такую же заботливость он при страшном пожаре 2 февраля 1836 года в балагане Лемана на Адмиралтейской площади, где тогда сосредоточивались масленичные увеселения. Пожар начался в пятом часу дня, во время представления, на которое собралось зрителей до 400 человек. От лампы, слишком высоко подвешенной за кулисами, загорелись стропила. Тотчас рас-

крыли все выходные двери, и часть публики благополучно вышла; но затем в толпе произошло смятение, она бросилась в противоположную сторону, началась страшная давка, причем многие были задушены. В это время пламя охватило уже весь балаган, крыша с треском рухнула и накрыла толпу горящими головнями. 126 человек погибли на месте, 10 человек получили тяжкие ушибы и ожоги. По числу жертв это был самый страшный пожар в Петербурге. Император Николай приехал, как только узнал о несчастье, лично распоряжался на пожарище, и оставил его уже после того, как последнее тело было вытащено из-под пылающих обломков. Народная толпа на площади возросла между тем до десятков тысяч, и только присутствие государя поддерживало в ней порядок: она безмолвно расступалась для пропуска пожарных труб и саней с убитыми и ранеными.

Еще важнее была личная распорядительность Николая I во время страшной холеры летом 1831 года. Поветрие это впервые было занесено тогда из восточных губерний в Москву и Петербург. Населением овладели страх и уныние. Жаркие дни и обилие овощей способствовали усилению заразы. Болезнь была почти неведомая, врачебная помощь оказывалась бессильной. Городская чернь, наиболее страдавшая от заразы, с недоверием относилась к принимаемым мерам предосторожности, и волновалась всякими нелепыми слухами. Невежественные люди распускали молву, будто холеру распространяют сами врачи, отравляя народ; другие уверяли, что отраву подбрасывают поляки. Были случаи, что толпа останавливала ни в чем неповинных людей, показавшихся ей подозрительными, и избивала их до смерти. Волнение достигло, наконец, угрожающей степени. Толпа черни, собравшаяся на Сенной площади, разнесла временную холерную больницу; несколько врачей сделались жертвой бессмысленного озлобления. Император Николай I находился в Царском Селе, но узнав о происходящих буйствах, тотчас прибыл в Петербург, и нигде не останавливаясь, проехал на Сенную площадь. Там, встав в коляске, он обратился к толпе со строгими словами, тотчас возвратившими ее к порядку. Чернь падала на колени к ногам государя, моля простить ее заблуждения. Буйство было немедленно прекращено обаянием величавой личности царя. Это историческое событие в жизни Николая I увековечено на барельефе поставленного ему на Исаакиевской площади памятника.

Взыскательный и строгий, император Николай в то же время чтит заслуги верных подданных, к какому бы званию они ни принадлежали. Современники сохранили воспоминание о трогательном случае. Проезжая по мосту через Неву, государь однажды встретил похороны простого солдата. У бедняка не было родных, и гроб его одиноко тащился на ропсках. Государь вышел из саней, и несколько сот шагов провожал тело верного слуги.

Эрмитажный театр в 1830-х годах

Николай I вообще нередко появлялся на петербургских улицах, и немного было столичных жителей, не знавших его в лицо. Поэт А.Н. Майков прекрасно запечатлен его рыцарственный образ в стихах:

Когда по улице в откинутой коляске,
Перед беспечною толпою едет он,
В походный плащ одет, в солдатской медной каске,
Спокойно-грустен, строг, и в думу погружен —
В нем виден каждый миг державный повелитель,
И вождь, и судья, России промыслитель,
И первый труженник народа своего.

С возмужанием и развитием государственной силы России, развивались в ней также искусства и литература. Мы уже знаем, какими замечательнейшими зданиями и памятниками обогатился Петербург в царствование Николая I. Не менее обогатились и музеи. Эрмитаж был перестроен и обращен в великолепнейшую галерею изящных искусств, куда поступило много новых приобретений. Важнейшие из них — картины Мурильо и Рубенса, "Мадонна д'Альба" Рафаэля, "Давид с головой Голиафа" Гвидо Рени, "Мария Магда-

лина" Тициана и другие. В Академии художеств построены галереи для выставок и коллекций. Лучшие произведения русских художников, преимущественно на исторические и военные сюжеты, постоянно покупались для музеев и дворцов; архитекторы, живописцы, ваятели были всегда заняты царскими заказами. При этих благоприятных условиях развились таланты Карла Брюллова, Бруни, Иванова, Айвазовского и других.

Сценическое искусство также пользовалось покровительством Николая I. При нем появились русские драматические произведения, до сих пор остающиеся лучшими в нашей литературе: "Горе от ума" Грибоедова, "Ревизор" и "Женитьба" Гоголя, "Борис Годунов" и другие произведения Пушкина. На сцене появились даровитые артисты — Каратыгин, Мартынов, Самойлов, госпожа Самойлова. В то же время процветали итальянская опера, балет, французский и немецкий театры. В Большом театре несколько раз в году давались многолюдные маскарады, привлекавшие высшее столичное общество; эти маскарады иногда посещал сам государь. Вообще петербургская жизнь того времени, при дешевизне предметов необходимости и обилии развлечений, представлялась довольно веселой, в особенности в среде достаточных классов.

Русская литература достигла в царствование Николая I небывалого расцвета, и Петербург сделался центром умственной жизни страны и местопребыванием даровитейших русских писателей. Карамзин, создавший легкий книжный слог и написавший "Историю Государства Российского", умер в первый год царствования Николая. Поэт Жуковский, которому поручено было воспитание наследника, будущего императора Александра II, был одним из украшений двора и душой образованного петербургского общества.

Баснописец Крылов, умерший в 1844 году, достиг при Николае I наибольшей известности: его басни сделались любимым чтением взрослых и детей, на всем пространстве России. Иван Андреевич Крылов так близок русскому юношеству, что здесь кстати будет сказать несколько слов о его самобытной и даровитой личности. Он родился в Москве, в 1768 году, в небогатой офицерской семье. Отец его был человек очень начитанный, и мальчик, находя дома множество занимательных книг, в свою очередь пристрастился к чтению. Поступив потом на канцелярскую службу, Крылов, от природы ленивый, мало занимался ей. Больше всего его интересовало наблюдать народную жизнь и подмечать бойкий склад народной речи. По словам современника, он "посещал с особенным удовольствием народные собрания, торговые площади, качели и кулачные бои, где толкался между пестрой толпой, прислушиваясь с жадностью к речам простолодинов". В 1783 году Крылов переселяется в Петербург, и пристрастившись к театру, пишет целый ряд комедий, в большинстве неудачных, печатает журнальные статьи, оды и разные стихо-

творения, и только в 1805 году нападает на свое настоящее призвание — басню. Этими первыми баснями его были: "Дуб и трость" и "Разборчивая невеста", обе заимствованные у французского поэта Лафонтена. Басни имели чрезвычайный успех, и с той поры Крылов почти исключительно посвятил себя этому роду литературы. Чем

Н.И. Гнедич, В.А. Жуковский, А.С. Пушкин
и И.А. Крылов

более русская публика знакомилась с баснями Крылова, тем более росла его слава; никогда еще не было у нас писателя, пользовавшегося такой широкой известностью. Тут пригодилось Крылову его отличное знание народного русского языка, народных пословиц и поговорок: басни его блещут удивительной простотой, своеобразностью и бойкостью речи. В них, в образе зверей, птиц или рыб, говорят живые русские люди, чувствуется русский народный дух, осмея-

иваются коренные народные слабости или предрассудки. Даже переводя французского баснописца, Крылов оставался совершенно народным русским писателем.

Но самым блестящим литературным явлением того времени был Пушкин. Его гений уже вполне созрел после беспокойно проведенной молодости, и самые крупные по замыслу произведения его уже были написаны, когда с 1830 года он вновь поселился в Петербурге, красота которого всегда обаятельно действовала на него. Петербургу он посвятил много превосходных стихов, и целую тюзму "Медный всадник". Но преждевременно, в самой зрелой поре его необычайного дарования, жизнь его была прервана: он был убит на дуэли в январе 1837 года. Горестное событие это произвело сильное впечатление на просвещеннейшую часть петербургского общества. Дуэль происходила за Черной речкой, в лесу близ деревни Коломяги. В настоящее время местность эта примыкает к скаковому ипподрому, и на ней поставлен небольшой бронзовый памятник поэту.

Император Николай, высоко ценивший поэтический гений Пушкина, с великодушным участием отнесся к умирающему поэту. Он послал к нему с лейб-медиком Арендтом собственноручное письмо, с приказанием прочесть его и немедленно возвратиться. "Я не лягу, я буду ждать", сказал государь. В письме заключались следующие строки: "Если Бог не велит нам более увидеться, посылаю тебе мое прощение, и вместе мой совет: исполнить долг христианский. О жене и детях не беспокойся: я их беру на свое попечение". Милостивые слова эти были утешением умирающему. О твердости, с какой Пушкин переносил невыразимые страдания, причиненные раной, Арендт выражался так: "Я был в тридцати сражениях, я видел много умирающих, но мало видел подобного".

В 30-х годах расцвели два новые яркие таланта — Гоголь и Лермонтов. Первый лучшую пору своей деятельности провел в Петербурге; второй оставался здесь недолго, и еще в молодых годах уехал на Кавказ. Бронзовый бюст его поставлен, в числе других, в Адмиралтейском саду.

В 40-х годах уже обращали на себя внимание писатели, составившие украшение русской литературы в последующее царствование: Тютчев, Майков, Некрасов, Тургенев, Гончаров, Достоевский и другие. Все они принадлежат Петербургу, так как здесь развились и созрели их яркие дарования. И наконец, в самые последние годы царствования Николая I, появились первые произведения величайшего из современных писателей, графа Л. Н. Толстого.

*Восхождение на престол императора Александра II
и его преобразования. — Оживление в деятельности
С.-Петербургской думы. — Городовое положение 1870 года. —
Успехи начального образования.*

С воцарением Александра II, наступило время великих преобразований, изменивших весь строй русской государственной жизни. Тягостная Крымская война, возгоревшаяся в последние годы царствования Николая I, закончилась в 1856 году Парижским миром. Извещая об этом радостном событии, молодой император выразил в манифесте руководящие цели своего управления: "При помощи небесного Промысла, всегда благодееющего России, да утвердится и совершенствуется ее внутреннее благоустройство; правда и милость да царствует в судах ее; да развивается повсюду и с новой силой стремление к просвещению и всякой полезной деятельности, и каждый под сенью законов, для всех равно справедливых, равно покровительствующих, да наслаждается в мире плодом трудов невинных".

Первой и важнейшей заботой нового царствования было освобождение крестьян от крепостной зависимости. Уже с 1857 года начались подготовительные работы к этому трудному и славному делу. Император Александр II лично руководил этими работами, направляя их к скорейшему окончанию. Когда проект нового законодательства о крестьянах был окончательно рассмотрен в Государственном Совете, Александр II, сознавая всю важность предпринимаемой меры, посетил 18 февраля 1861 года Петропавловский собор, и там горячо молился пред гробницей своего родителя Николая I, которого также заботила мысль о, переустройстве быта крестьянского сословия. На следующий день, в шестую годовщину восшествия Александра II на престол, "Положения 19 февраля 1861 года" были торжественно обнародованы в Петербурге. День этот был днем общего ликования. Манифест об освобождении крестьян был прочитан во всех церквях и на площадях. Толпы народа наполняли улицы; знакомые и незнакомые радостно приветствовали друг друга. Простой народ целый день теснился в храмах, принося благодарение Богу. На Дворцовой площади народная толпа ожидала проезда государя, и при его появлении люди бросались на колени. Не было ни малейшего беспорядка: все понимали великое значение события, и относились к нему с тихим молитвенным благоговением.

Освобождение крестьян было только первой мерой в ряду других обширных преобразований. В ближайшие годы последовало учреждение нового гласного суда с участием присяжных заседателей по

делам уголовным, создано было земство*, изменены условия печати, причем впервые допущены издания без предварительной цензуры, преобразовано городское общественное управление и введена всеобщая воинская повинность. К тому же времени относятся и другие важные меры правительства: учреждение женских гимназий, городских и сельских начальных училищ, пересмотр уложения о наказаниях, преобразование городской полиции и пр.

В ряду этих мер, особенный интерес представляет новое Городовое положение 1870 года, так как им созданы нынешние порядки городского управления и положено начало быстрому развитию городских училищ в Петербурге.

Еще с 60-х годов деятельность петербургской Думы, составленной по Городовому положению 1846 года, заметно оживилась под влиянием пробудившегося интереса к общественным делам. Дума трудилась над приведением в лучший порядок своих доходов, хлопотала о сложении с города таких расходов, которые не имеют отношения к городскому хозяйству, обнаруживала заботы о расширении очень скудных тогда средств к начальному и ремесленному образованию — между прочим постановила учредить ремесленное училище имени скончавшегося в 1865 году цесаревича Николая.** В 1866 году, когда Петербург снова посетила страшная гостья — холера, думе пришлось обратить внимание на неудовлетворительное санитарное состояние города. По сведениям гласных, трубы для вывода нечистот нередко вводились в водосточные трубы, двory в домах были завалены нечистотами, лестницы пропитаны зловонием, на рынках и в скотобойнях замечались грязь и смрад. Торговая полиция, наблюдавшая за свежестью съестных припасов, была бессильна что-нибудь сделать; осмотры рабочих помещений производились редко и поверхностно. В виду ожидавшейся холеры, Дума признавала необходимым очистить город насколько возможно, и отпустила для этой цели 100 тысяч рублей. Усилиями окружных попечителей из среды гласных выполнен был в короткое время ряд санитарных мер: вычищены подземные трубы, приведены в порядок рынки и страшно запущенная Сенная площадь, открыты водоемы невской воды, устроены в разных частях города холерные больнички. Все эти заботы городского управления признаны были настолько полезными, что городское общество удостоилось получить высочайшую благодарность "за труды по прекращению развития холеры в Петербурге".

Но чем яснее выражалось оживление в деятельности Думы, тем сильнее сказывались недостатки Городового положения 1846 года,

* *Земствами* прежде в России назывались учреждения, заведовавшие хозяйственными делами губерний и уездов.

** Находилось в начале Измайловского пр. (д. 1).

Император Александр II
Годы правления 1855–1881

предоставлявшего этой деятельности очень мало простора и самостоятельности. Необходимость поставить городское общественное управление на новых основаниях сознавалась с начала 60-х годов. Министерство внутренних дел указывало на "необходимость принятия самими обществами более заботливого участия в собственных делах своих, так как правительство не может постоянно нести на себе бремя забот о всех потребностях городов, общества которых сами должны иметь попечение о своих интересах и нуждах". Во всех городах России созваны были комиссии для обсуждения вопроса о переустройстве городского управления. Пользуясь доставленными этими комиссиями соображениями и сведениями, министерство внутренних дел выработало в 1864 году проект нового Городового положения, который, после многих изменений и дополнений, был Высочайше утвержден 16 июня 1870 года.

Основная черта этого положения — отсутствие деления городского общества по сословиям. В состав общества входит всякий обыватель, если он русский подданный, достиг 25 лет, и обладает в городе недвижимой собственностью или занимается торгом или промыслом. Все такие лица, без различия званий, являются избирателями. Они составляют три разряда, сообразно размерам платимых ими городских сборов, причем каждый разряд выбирает одинаковое количество представителей, т. е. гласных. Каждый избиратель может быть выбран в гласные. Число гласных для Петербурга определено в 252, по 84 от каждого разряда. Они избираются на 4 года и составляют думу под председательством городского головы. Городской голова утверждается высочайшей властью из двух кандидатов, избранных думой. На место прежней распорядительной Думы, Дума избирает управу, число членов которой определяется Думой. Управа ведает текущие дела, "согласно правилам и указаниям, преподаваемым городской Думой".

Дума, управа и городской голова составляют городское общественное управление. Этому управлению предоставляются "попечения и распоряжения по городскому хозяйству и благоустройству". Строительное дело и начальное образование переходят в ведение города. Городские расходы делятся на обязательные и необязательные. К первым относятся: содержание городского общественного управления, мировых учреждений, полиции, пожарной команды, тюрем, уплата по городским займам, содержание улиц, площадей, садов, памятников и пр. К необязательным относятся расходы "на всякие вообще предметы, относящиеся к пользам города и его обывателей и законам не противные".

В срок, определенный Думой, управа составляет смету городских доходов и расходов. Дума рассматривает и утверждает смету, указывая и сам способ той или другой хозяйственной операции.

Надзор за законным исполнением городскими учреждениями их обязанностей возлагается в Петербурге на градоначальника. Всякие дела о незаконности постановлений Думы рассматриваются нарочно учрежденным для того присутствием по городским делам, под председательством градоначальника.

Таким образом, кроме отмены прежнего сословного характера городских учреждений, основной чертой Городового положения 1870 года, действующего с некоторыми изменениями и в настоящее время, является предоставление общественному управлению гораздо большей самостоятельности, чем дано было Жалованной грамотой Екатерины II и положением 1846 года. Дума становится уже до известной степени хозяином города, заботится о повышении городских доходов, и может сама производить расходы на общепользные для города цели. Строительное дело, благоустройство, санитарные мероприятия, больницы, богадельни, начальное образование, надзор за торговлей, ремесленными заведениями, способами уличного передвижения — все это входит в круг ведения городских учреждений, открывая им возможность заботиться о приведении городского хозяйства и благоустройства в возможно лучший вид.

Так как при обнародовании Положения 1870 года тогдашнему составу думы оставалось еще два года до выборов, то новое положение введено было в действие только в 1873 году. В январе происходили выборы гласных, а 20 февраля открылась Дума в составе 252 гласных. 9 марта был утвержден избранный ими первый по новому положению петербургский городской голова, купец Погребов.

Расширенная деятельность нового общественного управления отразилась в первые же годы на многих сторонах столичного хозяйства: распространении газового освещения и водопроводной сети (последняя со временем была выкуплена городом), улучшении мостовых, устройстве санитарной и больничной части и пр. Особенное же значение представляют заботы городского управления о народном образовании. По ходатайству Думы учрежден был особый для города Училищный совет, и все начальные школы министерства народного просвещения переданы были в 1877 году в ведение города. Для направления школьного дела дума учредила Училищную комиссию, усилиями которой дело народного образования в Петербурге было быстро подвинуто вперед.

У 1881 году было открыто Думой 72 новые школы, так что общее число начальных училищ достигло 56 мужских и 32 женских, кроме 8 воскресных школ. В следующие два года открыто еще 40 школ, в 1883 году 25 школ, в 1884 г. 27 школ, так что в конце того года общее число школ достигло 183. Далее число школ продолжало быстро возрастать, и в 1902 году достигло цифры, почти удовлетворяющей потребности всеобщего обучения. Независимо от этого, Дума отпускала и продолжает отпускать значительные суммы на стипендии в

средних учебных заведениях, на содержание ремесленного училища в память цесаревича Николая, на пособия частным профессиональным училищам и т. д.

Большое развитие получила также деятельность Думы по больницы части, в особенности с 1877 года, когда в Петербурге сильно развилась эпидемия тифа. В виду переполнения больниц, Дума открыла несколько временных в частных помещениях, и ходатайствовала о передаче ей вообще городских больниц, кроме военных госпиталей и клиник.

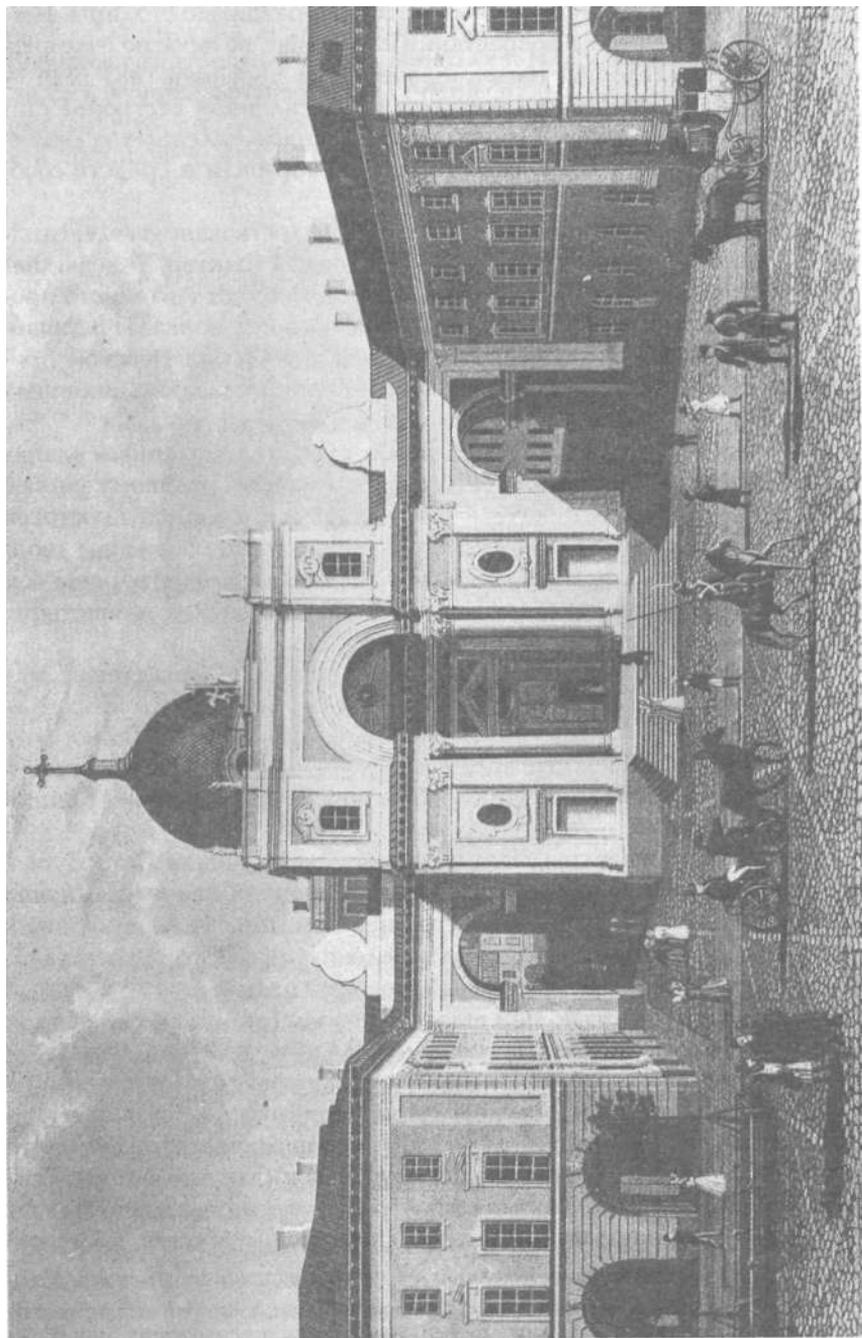
В связи с санитарными мерами явилось также устройство скверов на городских площадях. Между прочим, устроены были обширные скверы на Дворцовой и Сенатской площадях, соединенные потом в Александровский сад, Екатерининский сквер перед Александрийским театром, Исаакиевский и Чернышев скверы и другие. Здесь же кстати будет упомянуто, что успехам городского благоустройства значительнейшим образом содействовало преобразование городской полиции. В царствование Александра II внешняя полицейская служба в Петербурге поставлена была на совершенно новых основаниях. Заботы правительства были направлены на то, чтобы привлечь к этой службе достойных и способных лиц, преимущественно из военного звания, и повысить уважение и доверие к полиции со стороны городского населения. С этой целью содержание полицейских чинов было много увеличено, также как и число их; порядок службы совершенно изменен; исчезли прежние полосатые будки, будочки с алебардами и квартальные надзиратели; постовые городовые расставлены в открытых местах, среди улиц, и вообще полицейскому надзору придана подвижность и осмысленность.

Глава VII

Важнейшие сооружения времен императора Александра II. — Памятники Крылову, Николаю I, Екатерине II. — Литература и искусство.

Хотя главнейшие заботы царствования Александра II направлены были к государственному переустройству империи, но в то же время сделано было весьма много для наружного благоустройства и украшения Петербурга. Такие замечательные сооружения, как Александровский мост через Неву, несколько важных железнодорожных линий, связавших Петербург с Варшавой, прибалтийскими губерниями, Финляндией и заграницей*, постройка частными обще-

* Великое княжество Финляндское с 1809 г. входило в состав Российской империи.

Вид церкви святой Екатерины

ствами сети конно-железных дорог в городе, и многие другие предприятия, в сильной степени способствовали развитию столицы. Развитие это выразилось в возрастании населения, которое по переписи 1869 года достигло 668 тысяч человек, и по переписи 1881 года — 861 тысяча; в проложении новых улиц и усиленной застройке старых, умножении числа фабрик, заводов, промышленных и ремесленных заведений, оживлении городской торговли и средств сообщения.

Важнейшие сооружения, относящиеся к царствованию Александра II, имеют по преимуществу общепользительный характер. Таковы, например: каменный постоянный мост через Неву, от Литейного проспекта на Выборгскую сторону; железнодорожные вокзалы Варшавский и Балтийский; перестройка Гостиного двора на Невском проспекте и Соляного городка, предназначенного для промышленных выставок, публичных чтений и курсов и пр.

Число петербургских дворцов увеличилось великолепным зданием на Дворцовой набережной, принадлежащим великому князю Владимиру Александровичу и отличающимся изящной простотой фасада и изысканным вкусом во внутренней отделке; бывшим дворцом великого князя Николая Николаевича на Конногвардейском бульваре, обращенном потом в Ксенинский женский монастырь; дворцом великого князя Алексея Александровича и др.

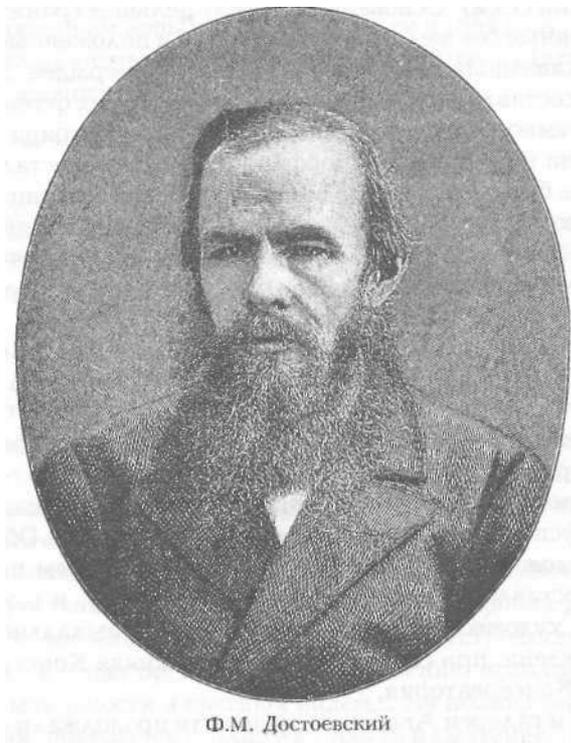
К числу больших сооружений того же времени принадлежит Мариинский театр, выстроенный в 1860 году по плану архитектора Кавоса, на месте сгоревшего деревянного театра, переделанного из цирка. Мариинский театр предназначался для русских оперных и драматических представлений, и открыт был оперой Глинки "Жизнь за царя".

Несколько прекрасных памятников также украсили Петербург в царствование Александра II. Первым по времени является хорошо знакомый детскому населению столицы памятник И.А. Крылову в Летнем саду. Над ним работал по повелению императора Николая I, скульптор барон Клодт, тот самый, который отливал конные статуи на Аничковом мосту; но при жизни Николая I памятник не успели поставить, и открытие его совершилось 14 мая 1855 года. Бессмертный баснописец изображен сидящим в наклоненной позе, с книгой в руках. По всем сторонам пьедестала из черного сердобольского гранита помещены бронзовые горельефы*, содержание которых взято из басен Крылова. Таким образом дети, которым так близок "дедушка Крылов", играя в саду, встречают тут хорошо знакомые им образы — и проказницу мартышку, и косолапого Мишку, и хитрую

* *Горельеф* — "высокий рельеф", вид скульптуры, в котором выпуклое изображение сильно (более, чем наполовину) выдается над поверхностью фона. Если же изображение выступает менее, чем наполовину, то называется *барельефом*.

лису, и других героев неистощимого баснописца. Памятник обошелся в 40 тысяч рублей.

В 1859 году на Мариинской площади поставлена была конная бронзовая статуя императора Николая I. Над этим памятником трудились лучший архитектор и лучший скульптор того времени, Монферран и барон Клодт; первый строил пьедестал, но умер за год до его постановки, второй отливал фигуру Николая I, в кавалергард-

ском мундире, верхом на коне. Высота статуи 8 аршин (5,6 м); в превосходно переданном движении лошади и посадке всадника проявился замечательный талант Клодта. Пьедестал красивой округлой формы, облицован мрамором. По углам четыре бронзовые сидячие фигуры: Веры, Мудрости, Силы и Правосудия; их делал художник Залеман. Между этими фигурами четыре барельефа художника Рамазанова, изображающие события из жизни Николая I: усмирение бунта 14 декабря 1825 года на Сенатской площади, обращение к народу во время холерных беспорядков 1831 года на Сенной площади, возложение Николаем I Андреевской звезды на графа Сперанского за составление Свода законов, и осмотр императором Вербьевского моста на Петербургско-Московской железной дороге в 1852 году.

На смену Монферрану и барону Клодту выступил вскоре молодой, даровитый русский художник Микешин, поставивший в 1862 году в Новгороде Памятник Тысячелетию России. Ему было поручено сооружение самого большого из петербургских памятников — императрице Екатерине II, на площади перед Александрийским театром. Проект, со всеми подробностями, принадлежит Микешину. Площадь памятника занимает 27 сажень (57 м) в окружности, высота — 7 сажень (15 м). Основанием служат цельные гранитные ступени, соединенные без железных скреплений и положенные на фундамент из 4-саженных свай. Над ступенями утверждён 5-саженный пьедестал, составленный из гранитных частей трех оттенков: темно-красного, темно-серого и светло-серого. Императрица Екатерина представлена в царственной порфире*. Вокруг пьедестала расположены девять бронзовых фигур ее сподвижников: Румянцева, Потемкина, Суворова, Державина, Дашковой, Безбородко, Бецкого, Чичагова и Орлова-Чесменского. Памятник открыт 24 ноября 1873 года.

В том же году поставлен на Васильевском острове, перед зданием Морского училища, памятник адмиралу Крузенштерну, прославившемуся кругосветным плаванием, обогатившим науку многими открытиями. Бронзовая статуя адмирала возвышается на гранитном пьедестале.

При прокладке Пушкинской улицы, в разбитом среди нее сквере поставлен бронзовый бюст Пушкина.

Русское искусство, сделавшее в царствование Александра II значительные успехи, обогатилось прекрасным зданием Общества поощрения художников на Большой Морской, с Музеем прикладных искусств, составленным писателем Григоровичем, и с обширными залами для художественных выставок. Для музыкального образования учреждена, при содействии великого князя Константина Николаевича, Консерватория.

Эрмитаж и галереи Академии художеств продолжали обогащаться художественными сокровищами. Важнейшим приобретением Эрмитажа была "Мадонна" Рафаэля, купленная в 1871 году за 320 тысяч франков.

Петербург занимал свое передовое положение среди русских городов, продолжая быть не только центром правительственной деятельности, но и центром литературным, артистическим, научным. Он неизменно привлекал к себе молодые силы, с блеском выступавшие на поприще литературы, журналистики и искусств. Поэты Майков, Некрасов, Полонский постоянно жили в Петербурге; Гончаров, Достоевский, Салтыков, позднейшие писатели 60-х и 70-х годов, также большую часть своей литературной деятельности отдавали

* *Порфира* — длинная пурпурная (ярко-красная) мантия, надеваемая монархом в особо торжественных случаях.

Петербургу. Тургенев, хотя и жил большей частью за границей, часто посещал нашу столицу и принадлежал к ее литературному кружку. Даровитейшие художники того времени: Репин, Крамской, Маковский, Якоби, Лагорио и другие, также как знаменитый композитор и пианист Рубинштейн, авторы многих опер Серов, Даргомыжский и пр. — в такой же степени принадлежали Петербургу. Оживление периодической печати, наставшее с конца 50-х годов и в особенности с изданием новых законов о печати в 1865 году, в свою очередь возвысило значение Петербурга как центра культурной и общественной жизни страны.

Глава VIII

Петербургские события царствования Александра II. — Сан-Стефанский мир и его влияние на настроения в обществе. — Злодеяние 1 марта 1881 года. — Сооружение Воскресенского собора на Екатерининском канале.

Богатое преобразованиями во всех областях государственной жизни царствование Александра II было вместе с тем полно событиями, глубоко волновавшими не только петербургское общество, но и народную толпу. Петербург был много раз свидетелем высоких патриотических и народных чувств, радостных или горестных, овладевавших всеми слоями населения.

Мы уже знаем, как принято было столицей великое дело освобождения крестьян. Целый ряд быстро последовавших других преобразований, клонившихся к лучшему переустройству империи, поддерживал в обществе и в народе настроение, исполненное радостной признательности и светлых надежд. Но неожиданно разразились события, повергшие столицу в горечь и смятение.

В начале 1865 года обнаружили опасные признаки в здоровье наследника цесаревича, Николая Александровича. Болезнь не уступала лечению, и великого князя перевезли в Ниццу, теплый климат которой мог быть ему полезен. Но злой недуг быстро развивался, не уступая усилиям лучших европейских врачей, в том числе знаменитого хирурга Наполеона III, Нелатона. 12 апреля цесаревич скончался, окруженный поспешившей прибыть к нему августейшей семьей. Весть об этой горестной утрате тяжело поразила всю Россию. Один из современников, имевший возможность лично оценить высокие душевные качества скончавшегося царственного юноши, так отозвался на роковую смерть: "Мы оплакиваем в эти минуты смерть, в которой заключались тысячи смертей: умирал не только человек, умирала юность, умирала красота, умирала первая едва вспыхнув-

шая любовь, умирали надежды миллионов добрых людей, умирал идеал высокого, справедливого, благородного".

Спустя год Петербург был потрясен другим событием. 4 апреля 1866 года император Александр II, выходя после обычной прогулки из Летнего сада, со стороны Дворцовой набережной, едва не стал жертвой злодейского покушения. В немногочисленной толпе, находившейся у решетки сада, некто Каракозов направил на государя пистолет и выстрелил. К счастью, стоявший подле мастеровой Комисаров, уроженец Костромской губернии, толкнул под руку злодея, и гнусное покушение было предотвращено. Преступник немедленно был схвачен.

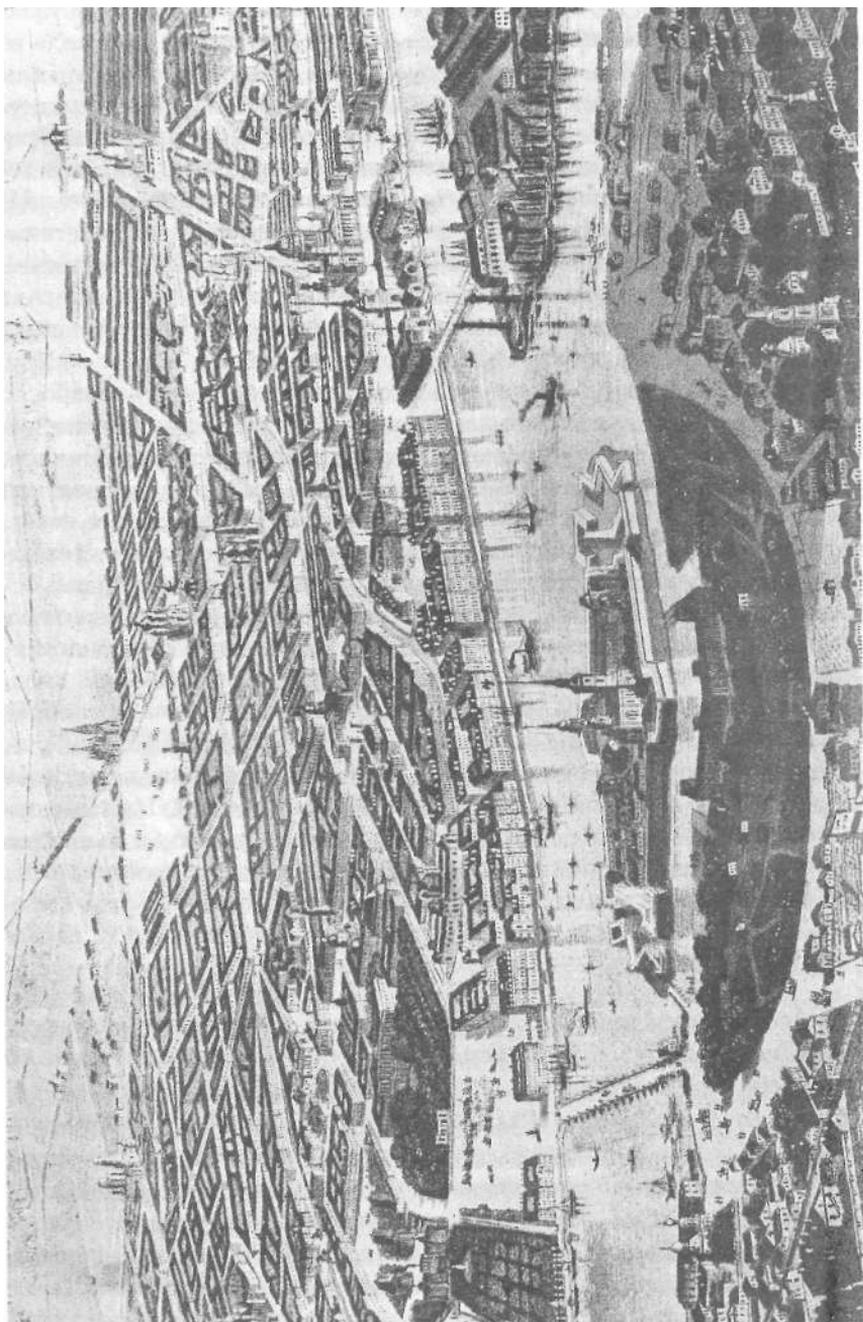
Весть об этом событии, с быстротой молнии разнесаясь по городу, подняла всех на ноги. Толпы народа загрозили улицы и площади; хотели знать подробности, хотели удостовериться, что Промысел Божий отвратил несчастье. В храмах, перед часовнями, служили благодарственные молебны; пение народного гимна раздавалось всюду. Вечером в театрах потрясенная публика не уставала требовать исполнения гимна. Несколько дней кряду появление государя в публичных местах подавало повод народу к восторженным изъявлениям радости по случаю чудесного избавления царя от грозившей опасности. Ремесленник Комисаров, пожалованный в дворянское звание, сделался героем Петербурга и предметом шумных чествований, в которых принимали участие все слои населения.

В память события 4 апреля 1865 года на месте его, возле ворот Летнего сада, поставлена изящная мраморная часовня, предназначенная свидетельствовать векам о неслыханном злодействе и о чудесной благодати Промысла.*

Еще ранее покушения Каракозова, противники существующего порядка пытались произвести смуту в стране, вызвав в Петербург грозное бедствие — пожары. В середине мая 1862 года ежедневно огонь вспыхивал то там, то здесь, так что пожарные с трудом могли поспевать с помощью в разные части города. 28 мая, в праздник святого Духа, в пять часов дня огонь показался в одной из лавок Апраксина двора, и в короткое время охватил огромное пространство. Сильный ветер и скученность построек содействовали распространению пожара; вскоре весь Апраксин и Шукин дворы, с прилегающими кварталами, были объаты пламенем. Сгорело до 6 тысяч лавок, и убытки от этого страшного бедствия насчитывались в десятки миллионов. Правительство и общественная благотворительность оказывали потом широкую помощь несчастным погорельцам.

С 1876 года внимание всей России, а также и Петербурга, было приковано к событиям на Балканском полуострове. Страдания еди-

* К сожалению, до наших дней эта часовня не сохранилась.

Вид С.-Петербурга с птичьего полета

ноплеменных и единовѣрных нам сербов и болгар, терпевших вековые притеснения от турок, глубоко волновали русское общество и даже простой русский народ. Когда Сербия взялась за оружие, и во всей России начались сборы пожертвований для помощи балканским славянам, Петербург и Москва сделали главными центрами, откуда направлялись в Сербию всякого рода пособия, а затем и добровольцы. Все население Петербурга принимало горячее участие в деятельности Славянского комитета, заведовавшего помощью славянам, и с напряженным вниманием следило за военными действиями, руководство которыми принял на себя генерал М.Г. Черняев. В театрах и концертных залах устраивались спектакли и вечера в пользу турецких славян; телеграммы из-за Дуная раскупались на улицах, возбуждая всеобщий страстный интерес.

Патриотическое воодушевление, охватившее столицу, возросло еще более, когда для России настал час вмешаться в балканские дела и выступить могущественной защитницей угнетенных славян. Освободительная война 1877-1878 годов осталась навсегда памятной для Петербурга чрезвычайным подъемом национального чувства. Весь город, с его миллионным населением, жил известиями с театра войны, в особенности с тех пор, как выступила за Дунай гвардия, оставившая здесь столько встревоженных родных сердец. Насколько в этом общем возбуждении участвовали все слои городского населения, с поразительной силой сказалось в ноябрьские дни 1878 года, когда получены были радостные известия о взятии Карса (6 ноября) и о падении Плевны и плене Османа со всей его армией (28 ноября). В эти дни к вечеру, когда зажжена была иллюминация, несметные народные толпы наполнили главные улицы столицы. На Невском остановлено было движение экипажей, и во всю ширину и длину его покрыла ликующая толпа. Крики: "Ура!", пение народного гимна раздавались по всему проспекту до позднего часа ночи.

Итогом этой войны стал подписанный в 1878 году в местечке Сан-Стефано под Константинополем Сан-Стефанский мир, по которому Турция признавала независимость Черногории, Сербии, Румынии, Македонии и Болгарии, уступала этим странам некоторые области, а также возвращала России часть завоеванных у нее территорий. Однако условия этого мира были опротестованы теми европейскими державами, которые не желали столь сильного ослабления Турции. Англия и Австрия заняли угрожающую позицию. Император Александр согласился на дипломатическое посредничество в разрешении этого конфликта германского канцлера Бисмарка. В результате Берлинского конгресса условия ми-

ра были существенно изменены, причем, разумеется, в ущерб интересам славянских государств и самой России.

Уступки, на которые пришлось пойти русской дипломатии с тем, чтобы избежать новой войны, вызвали сильное недовольство как среди балканских народов, так и среди русского общества, чем не замедлила воспользоваться оппозиция.

Наблюдая разочарование реформаторской деятельностью Царя-Освободителя и итогами Русско-турецкой войны, в основном — в среде городской интеллигенции и студенчества, наиболее непримиримые противники самодержавия вообразили, что пришел их час. В 1879 году образовалась подпольная террористическая партия "Народная воля". Ближайшей задачей Исполнительный комитет партии поставил цареубийство.

За несколько лет на императора Александра II было совершено шесть неудачных покушений. Усиление полицейского надзора и преследования "неблагонадежных" граждан не только не давали нужного результата — главные террористы по-прежнему оставались на свободе, но, напротив, озлобляли народ, роняли авторитет самой верховной власти.

Заговорщики же преследовали свою цель с фанатичным упорством. В столице хорошо был известен обычай государя по воскресеньям лично производить развод своей гвардии в Михайловском манеже. Возвращался в Зимний царь тоже по известному маршруту — или по Малой Садовой улице, или по набережной Екатерининского канала. Располагая сведениями, что на него готовится новое покушение, государь несколько раз подряд откладывал развод. Отложил он его и в роковой день 1 марта, и лишь случайность заставила государя изменить свое решение.

Когда стало известно, что государь отправился-таки в Манеж, заговорщики тотчас же приступили к исполнению своего плана. В подкопе, вырытом заранее под Малой Садовой, была установлена мина. На Екатерининском канале Александра поджидала целая цепь более, чем из двадцати террористов, выстроившихся вдоль всей набережной неподалеку друг от друга.

...В этот день, пришедшийся на первое воскресенье Великого поста, государь ехал по набережной. В час пополудни, близ Конюшенного моста, под карету была брошена первая бомба. Кузов кареты был разбит, Александр, сохраняя присутствие духа, вышел на покрытую снегом мостовую, чтобы осведомиться о положении сопровождавших его лиц. Оказалось, что от взрыва пострадали лишь двое казаков, да мальчик из ближайшей булочной... "Что ты сделал, сумасшедший?.." — спросил государь у молодого светловолосого человека, которого уже успели схватить гренადеры. Затем он нагнулся к умирающему ребенку, перекрестил его, и

пошел вдоль решетки к экипажу. В этот момент другой террорист, Гриневицкий, бросил ему под ноги вторую бомбу. На этот раз взрывом государю было нанесено множество ран.

Истекающего кровью, его уложили в сани и по его просьбе отвезли в Зимний дворец, где, спустя несколько часов, он и скончался.

Петербург, в стенах которого разыгралось это страшное злодеяние, был потрясен. Безмолвный ужас негодования и скорби стоял над городом.

На другой же день по мученической кончине императора, Городская дума просила у вступившего на престол Александра III Высочайшего согласия на то, чтобы на средства города возвести в честь этого печального события часовню или памятник. Государь высказался, что желал бы иметь даже не часовню, а церковь. Таким образом, строительство храма на обгаженном царской кровью месте стало лишь делом времени. Однако уже в апреле 1881 года петербургскими купцами Громовым и Милицыным за свой счет здесь была возведена временная деревянная часовня, где повседневно служились панихиды об упокоении души убиенного раба Божия Александра.

Между тем, столичные газеты объявили о конкурсе на создание храма-памятника. Победителем его стал проект академика А.А. Парланда и архимандрита Троицко-Сергиевской пустыни Игнатия. Будущий храм решено было освятить во имя Воскресения Христова. В народе, однако, больше прижилось другое его название — Спас-на-Крови.

Строился собор целых двадцать четыре года — с 1883 по 190/годы. Впервые в истории петербургской архитектуры при строительстве его был применен бетонный фундамент. Хитроумная система гидроизоляции подвалов, паровое отопление, электрическое освещение при помощи 1689 ламп, молниезащита и прочие сооружения позволяли считать его вполне современной постройкой.

Еще издали собор привлекает внимание своим замечательным декором — разнообразными наличниками и кокошниками, в которые заключены мозаичные вставки и иконы, поясками, изразцами, разноцветной черепицей, позолоченными и покрытыми яркой ювелирной эмалью. Также и внутри мозаика почти сплошь покрывает стены, столбы и своды храма. Над эскизами икон для величественного иконостаса, плафонов куполов и настенных киотов работала целая плеяда художников — А. Рябушкин и Н. Кошелев, В. Васнецов и Н. Харламов, М. Нестеров, сам А. Парланд и другие.

Особо подчеркнуто во внутреннем убранстве собора место, где упал смертельно раненный царь. При строительстве оно бе-

режно сохранялось, тогда же над ним была выведена дивная сень, инкрустированная звездами из сибирских самоцветов и топазов.

По проекту А.А. Парланда была исполнена и причудливая полукруглая ограда, отделяющая храм от Михайловского сада.

Освящение собора состоялось 19 августа 1907 года, на праздник Преображения, в присутствии государя императора, его августейшей супруги, императорского двора, высшего духовенства и правительства.

Замечательно, что из 5 миллионов рублей, которые потребовались на возведение и отделку этого уникального свидетельства трогательной любви русского общества к Царю-Освободителю, 580 тысяч были покрыты за счет пожертвований горожан. В дальнейшем содержание храма взяло на себя государство. В Петербурге на таком особом положении к тому времени находился лишь один Исаакиевский кафедральный собор.

Глава IX

Воцарение императора Александра III. — Успехи благоустройства города в его царствование. — Городовое положение 1892 года.

Деятельность городских общественных учреждений продолжала развиваться и в царствование императора Александра III. Главными предметами забот было больничное и санитарное дело, а также расширение средств для начального народного образования. В области врачебного благоустройства Дума пользовалась деятельной помощью величайшей медицинской знаменитости того времени, профессора С. П. Боткина.

После тяжелого тифозного 1879 года городские врачи убедились, что больничные помещения, открываемые временно в частных домах, не достигают цели, и потому предположено было устроить на окраинах города постоянные бараки, для начала на 500 кроватей. Эти бараки открыты были на Александровском плацу в 1882 году. На постройку их было израсходовано до 400 тысяч рублей, а на содержание положено отпускать до 125 тысяч ежегодно. Вместе с тем, все более сторонников приобретала мысль о своевременности передать в ведение Думы вообще все больничное устройство в городе. В 1881 году Дума, обсудив этот вопрос, поручила учрежденной при ней Исполнительной комиссии общественного здоровья исследовать санитарное состояние всех больничных и богаделенных зданий, и подготовить весь необходимый материал для этих заведений; поручение это было исполнено в 1883 году. Вместе с тем Дума постановила ходатайствовать о передаче на ее содержание всех гражданских

больниц и богаделен, которыми заведовал особый попечительный совет. При рассмотрении этого ходатайства в Канцелярии по учреждениям императрицы Марии, главноуправляющий Канцелярией нашел передачу больничных учреждений городу единственным исходом из их неудовлетворительного состояния. Он выразил мнение, что город, тратя на эти больницы две трети всей суммы их содержания (820 тысяч рублей) имеет права и на заведование ими, и полагал, что городское управление всего скорее может достигнуть в этом деле необходимых улучшений. Министр внутренних дел граф Толстой не оспаривал такого заключения, и в июле 1883 года Дума постановила принять в ведение городского общественного управления больницы и богадельню, их здания, обзаведение, имущество, дела и капиталы.

Сама передача состоялась 1 сентября 1884 года. Городу переданы были 6 больниц и 1 богадельня, а затем и временные больницы бывшей санитарной комиссии, вместе с врачебно-санитарным надзором, состоявшим из 12 врачей, получавших ранее содержание из казны.

Приняв таким образом на себя попечение о санитарном и врачебном благоустройстве города, Дума постепенно подготовляла ряд мер к оздоровлению столицы, улучшала систему вывозки городских отбросов, устройство кладбищ, скотобоен, заботилась об очистке каналов, разведении новых скверов и пр. Поставлен был на очередь и весьма важный вопрос о канализации, остававшейся, к сожалению, долгое время неразрешенным из-за очень большой стоимости этого предприятия.

Снабжение города чистой водой также было предметом забот городского управления. Думе пришлось вступить в пререкания с акционерным обществом петербургских водопроводов, чем сильно замедлялось решение этого дела. После настойчивых усилий, Думе удалось однако, сначала добиться устройства водопроводов в заречных частях города, а затем и выкупа всей водопроводной сети городом. После того Дума могла уже свободно заняться улучшением водоснабжения, и устроить громадные фильтры, с целью возвысить чистоту получаемой из Невы воды.

Освещение городских улиц и площадей также постепенно улучшалось. Заречные части уже имели, как и незаречные, газовое освещение. В 1879 году, с постройкой нового каменного моста через Неву, дума постановила освещать его электричеством по способу изобретателя, инженера Яблочкова. Три года спустя, в 1882 году электричеством стали освещать главные улицы, сначала Невский проспект между Полицейским и Аничковым мостами, потом обе Морские улицы, Дворцовую набережную с площадью, часть Невского от Аничкова моста до Знаменской площади, наконец Фонтанку между

Император Александр III
Годы правления 1881–1894

Аничковым и Измайловскими мостами, Вознесенский проспект и другие улицы.

Заботы об улучшении санитарного состояния столицы привели между прочим к устройству многих скверов и садов. Особенных расходов потребовало разведение Александровского сада на месте Адмиралтейского сквера и Сенатской площади, обошедшееся городу до 200 тысяч рублей. С 1883 года сад этот стал украшаться бюстами знаменитых русских людей: Жуковского, Лермонтова, Глинки и других. Самый большой и замечательный из этих бюстов-памятников поставлен знаменитому путешественнику и исследователю Средней Азии, Пржевальскому. Большим изяществом отличается также Биржевый сквер, разбитый перед зданием Биржи на Васильевском острове.

В Летнем саду дворцовым ведомством разрешено было открытие ресторана и электрическое освещение сада, но так как публика по вечерам вела себя там не совсем порядочно, то через несколько лет ресторан был закрыт, и сад перестал освещаться.

Одной из важнейших мер по благоустройству столицы в царствование Александра III было закрытие Лиговского канала и устройство на месте его широкого бульвара, обставленного прекрасными домами. Вытекая из стоячих прудов Таврического сада, Лиговка легко гнивала в летнее время и издавала зловонный запах. Дума признала необходимым, в видах оздоровления местности, засыпать этот бесполезный канал. Теперь на его месте проходит одна из лучших улиц города.

Хотя, таким образом, городские учреждения, созданные по Положению 1870 года, успешно развивали свою деятельность, но существенные изменения, внесенные в устройство земских учреждений, потребовали пересмотра и городского устройства. Поэтому в 1890 году приступлено было к составлению нового Городового положения, а в следующем году законопроект был уже внесен на рассмотрение Государственного Совета. Проект был утвержден императором Александром III 11 июня 1892 года.

Царствование императора Александра III, ознаменовавшееся чрезвычайным подъемом политической и государственной силы России и быстрым хозяйственным ростом страны, отразилось на Петербурге возрастанием населения, численность которого достигла 1,25 миллионов, развитием частного домостроительства и расширением городского бюджета, возросшего до 15 миллионов. Из построек общественного значения следует в особенности отметить сооружение храма Воскресения в память мученической кончины Александра II, и перестройку обветшавшего здания Большого театра в здание Консерватории Русского музыкального общества. По обширным размерам и прекрасному внутреннему устройству заслуживает внимания также здание Офицерского собрания на углу Литейного пр. (д. 20) и

Кирочной улицы, с большими залами, комнатами для приезжих военнослужащих и пр.*

В последние годы царствования начало свою в высшей степени полезную деятельность Общество трезвости, задавшееся целью доставить рабочему петербургскому населению приличные развлечения, способные отвлечь его от посещения трактиров и питейных домов (впоследствии уничтоженных). Общество, пользуясь

Памятник Славы у Свято-Троицкого собора

деятельным покровительством его императорского высочества принца А.П. Ольденбургского, устроило Народный театр в Таврическом саду, затем еще несколько театров в частях города, по преимуществу населенных рабочими. В то же время Общество дешевых столовых устроило общедоступный театр на Васильевском острове.

Наряду с тем развивалось быстрыми шагами дело начального народного образования, поступившее с 1877 году в распоряжение городского общественного управления. В начале 1881 года в Петербурге было всего 88 начальных училищ, при 4 тысячах учащихся; в

* Здание сохранило свое назначение: ныне в нем располагается Дом офицеров.

1894 году, в год кончины Александра III, число школ возросло уже до 320, а число учащихся в них — до 16 668. Блестящая постановка этого дела является важнейшей заслугой столичной Думы и состоящей при ней Училищной комиссии.

В царствование Александра III Петербургу довелось впервые принять участие в одном из самых счастливых дел его внешней политики — установлении дружественного сближения, а затем и союза между Россией и Францией. Мы говорим о памятных днях посещения Кронштадта французской военной эскадрой под начальством контр-адмирала Жервэ. Живейшее воодушевление, с каким отнеслось к этому посещению петербургское население, выдвинуло событие далеко из ряда обыкновенных политических явлений. Народное чувство явно угадало в нем глубокий смысл и великое значение. Город был неузнаваем в те несколько дней, в которые французские моряки гостили в русской столице. Тысячные толпы теснились на набережной, поджидая французов, провожали их по улицам, радушно предлагали угощение матросам. Люди всякого звания обнимались с ними, качали их на руках, кричали "Ура". Появление французских мундиров в театрах и других общественных местах вызывало шумное выражение восторгов русской публики. Эти дни были первыми в целом ряду франко-русских торжеств, свидетелем которых довелось быть Петербургу в последующее царствование.

Императору Александра III, принимавшему личное участие в последней Турецкой войне, принадлежала мысль увековечить подвиги русских войск в этой войне достойным памятником. Такой памятник был воздвигнут на площади собора святой Троицы в Измайловском полку.* Он состоит из высокой колонны, сложенной из отбитых у турок пушек, и в своей простоте сохраняет суровый воинский характер, который желали ему придать.

Глава X

*Сооружения последних лет. — Народный дом
Императора Николая II. — Читальный зал Императорской
публичной библиотеки. — Троицкий мост. —
Празднование 200-летнего юбилея города. — Заключение.*

Плодотворная деятельность Общества попечения о народной трезвости увенчалась несколько лет назад устройством Народного дома Императора Николая II в Александровском парке. Заведение это — одно из самых замечательных не только в Петербурге, но и в

* Находился на Измайловском пр., против Свято-Троицкого собора (д. 7а). В начале 1930 г. памятник был демонтирован.

Император Николай II
Годы правления 1894–1917

Европе. Отлично задуманное, тщательно dokonченное во всех разнообразных подробностях, оно вполне отвечает своему прекрасному назначению — созданию для неизбалованного петербургского населения места отдыха и развлечения.

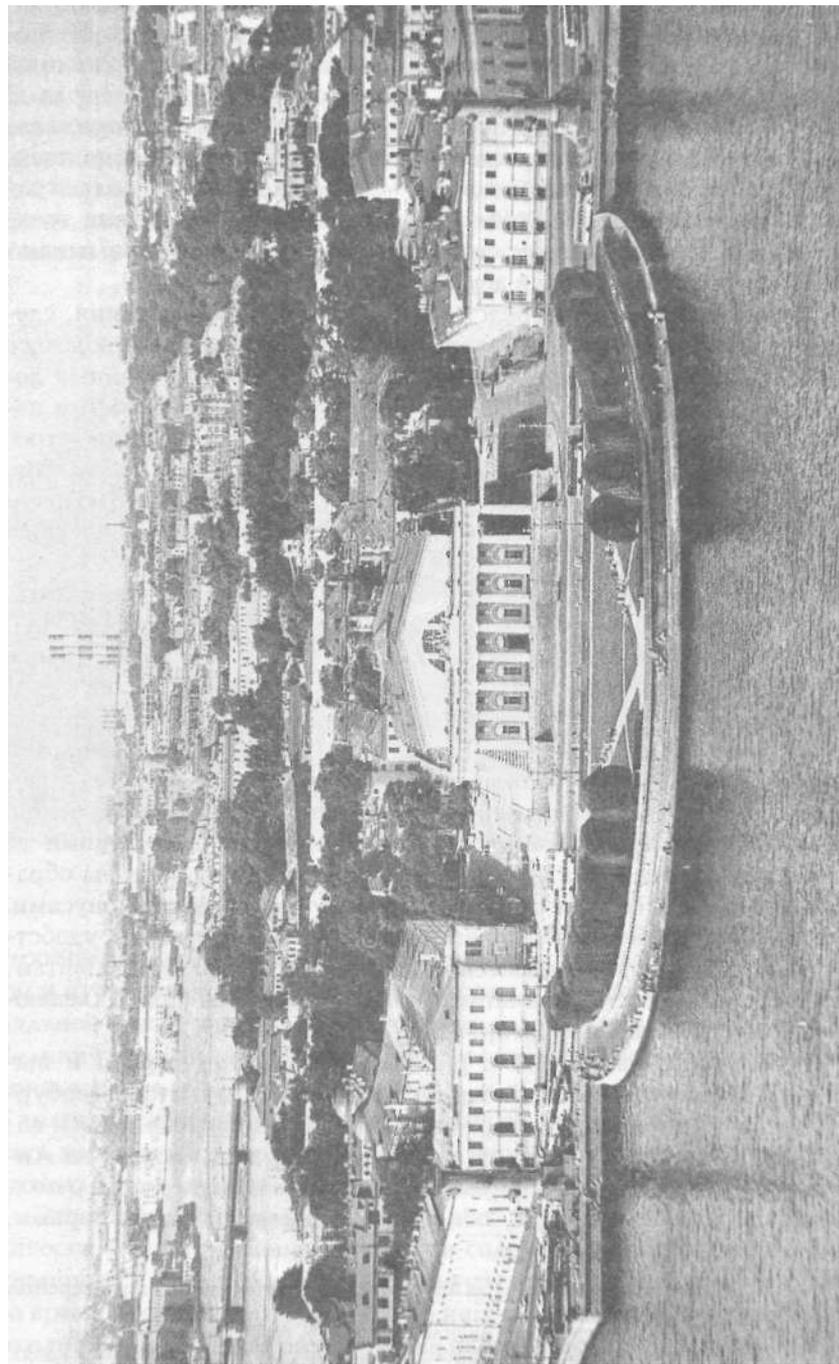
Народный дом представляет громадное каменное здание, одна часть которого занята залой*, а другая — театром. Со стороны парка здание окружено широкой террасой, уставленной столиками и стульями. К зданию примыкает обширная часть парка, имеющая самое разнообразное назначение: тут и павильоны с открытыми сценами, и эстрады для музыки, и чайные бараки, и кухни, и площадки, усыпанные гравием, и пр. В театре даются драмы и комедии, оперы, феерии, обстановочные пьесы исторического или сказочного содержания; труппа очень многочисленная и находится под управлением опытного артиста. На открытых сценах и маленьких эстрадах разыгрываются пантомимы, показываются небольшие зверинцы, дают представления фокусники, акробаты и пр. Все рассчитано на то, чтобы даже не попавший в театр посетитель мог за небольшую входную плату получить разнообразные развлечения. Буфет, из которого совершенно изгнаны всякие спиртные напитки, также приурочен к потребностям небогатой публики. Чай и кушанья подаются по крайне дешевым ценам, причем все — вполне доброкачественное и приготовленное без затей, но вкусно и опрятно. Простой человек, даже с семейством, может тут при небольших издержках приятно провести время и поужинать.

Таким же точно характером отличаются народные увеселения в Таврическом саду.

Устройство народных театров нанесло ущерб масленичным балаганам. Они в последние годы перенесены с Царицына луга на Семеновский плац, и уже не привлекают такого множества гуляющих, как в прежнее время.

Другое замечательное сооружение, каким обогатился Петербург в нынешнее благополучное царствование — новый читальный зал Императорской Публичной библиотеки. Помещение библиотеки давно уже оказывалось тесным и для накопившихся из года в год книжных сокровищ, и для возраставшего числа посетителей читального зала. Поэтому решено было, рядом с библиотекой, выстроить новое здание, соединенное со старым стена к стене и представляющее как бы продолжение его. В это новое здание перенесена часть книжных собраний библиотеки, и там же устроен новый читальный зал для публики. Зал этот гораздо обширнее прежнего, и устроен с соблюдением всевозможных удобств для пользующихся им.

* Эту часть здания сегодня занимает Мюзик-холл.

Стрелка Васи́льєвського острова

Из казенных сооружений последних лет в особенности замечательны: новые здания ссудной казны (д. 74-78) и Главного Казначейства (д. 70-72) на Фонтанке у Чернышева моста, и громадное здание политехникума в Лесном*, открытое 1 октября 1902 года. В этих сооружениях изящная простота стиля соединяется с применением всевозможных технических усовершенствований. Громадный, с хорами, зал политехникума, разделенный красивыми балюстрадами**, может вместить в себе 3 тысячи человек. Все здание трехэтажное, в ново-романском смешанном стиле; к нему примыкают дом общежития студентов и дом с квартирами профессоров.

Широкое увеличение средств для начального образования, сделавшееся в последнее время главным предметом забот городского управления, указало на необходимость постройки собственных домов для городских училищ. В настоящее время выстроено уже несколько таких домов, из которых главный — на Васильевском острове.*** Такие дома, соединяя в себе целую группу школ или классов, дают возможность представить учащимся удобную учебную и гигиеническую обстановку, какой нельзя достигнуть в тесных частных помещениях.

Развитие частного домостроительства, постепенно усиливаясь, достигло в последние годы небывалого развития. Все части города, даже отдаленные, быстро застраиваются; громадные пятиэтажные здания вырастают каждый год и на бойких, и на глухих улицах. Архитектура новых зданий при этом много улучшается; появляются дома из финляндского светло-серого гранита и мрамора, вводится для облицовки нижних этажей полированный красноватый гранит, а для верхних — богатые лепные украшения, иногда с раскраской. Некоторые громадные дома строятся с воротами, доходящими до четвертого этажа, и таким образом, внутренний двор как бы обращается в улицу, со всех сторон обстроенную высокими корпусами. Вместе с тем все более обращается внимание на внутренние удобства; на лестницах устраиваются подъемные машины (т. е. лифты), дворы покрываются асфальтом, ванны становятся принадлежностью даже небольших квартир, и т. д.

Скученность населения в центральных частях города и вызванная этим дороговизна квартир привела к тому, что петербургские окраины в последнее время стали усиленно заселяться и застраиваться. Для старожилов, которые помнят на Песках, за Лиговкой или в тихих улицах Семеновского или Измайловского полков бесконечные пустыри, обнесенные деревянными заборами,

* Здание сегодня занимает С.-Петербургский политехнический университет (ул. Политехническая, д. 29).

** *Балюстрада* — невысокие перила вокруг лож, балконов или лестниц.

*** Находился 1-й городской училищный дом на углу Среднего пр. В.О., д. 31, и 7-й линии, д. 52.

или ряды маленьких, по большей части деревянных, домиков с палисадниками, — местности эти стали неузнаваемыми. Везде повыврастали многоэтажные каменные дома, магазины с большими стеклами, всюду проникло освещение, мелькают газовые и электрические фонари, чувствуется непрерывное городское движение. В особенности же застроилась в последнее время Петербургская сторона. Эта часть города, послужившая его колыбелью, утратила свое значение, как только центр города перенесен был на левый берег Невы, и почти два столетия оставалась в запустении. Здесь каменные по-

Апраксин Двор

стройки были редкостью, и по сторонам улиц уныло тянулись огороды и пустопорожние места. Теперь город, стесненный в своей центральной части, принял словно обратное стремление туда, где Петр Великий положил ему начало. В короткое время Петербургская сторона застроилась, лучше осветилась и вымостилась; не только на Каменноостровском проспекте, но даже на дальних улицах воздвиглись громадные дома, и еще недавно пустынная и бедная местность оживилась не менее участков левого берега.

Этому движению населения и всякого рода городской предприимчивости за Неву в большой степени содействовало сооружение постоянного Троицкого моста. Так как деревянные мосты снимаются во время ледохода, и сообщение по ним два раза в год прерывается, то одна весть о решенной постройке постоянного моста на Петербургскую сторону разом подняла цены на землю в этой местности. В ко-

роткое время исчезла большая часть старых построек на Каменно-островском проспекте и заменилась новыми, между которыми немало многоэтажных, красивой отделки.

Мысль о постройке каменного Троицкого моста занимала императора Александра III, но увидеть ее осуществленной привелось его Преемнику — русскому императору Николаю II, вступившему на престол в 1914 году. Из всех невских мостов Троицкий самый длинный (582 м)*, и потому сооружение его представляло наибольшие трудности и требовало громадных денег. На устроенном конкурсе проектов, самым удачным оказался проект бельгийского общества "Батиньоль", которому и была отдана постройка за 6 миллионов рублей (без дамбы, соединяющей мост с правым берегом). Несколько лет понадобилось на это громадное сооружение, так что открытие моста совпало с 200-летним юбилеем Петербурга.

Новый Троицкий мост поставлен на семи гранитных быках, и представляет более выгнутую дугу, чем Николаевский и Александровский. Разводная часть расположена близ левого берега и снабжена сильным механизмом. Внешность моста отличается простотой; чугунные украшения незатейливы. Тем не менее, сооружение это надо отнести к числу замечательнейших в Петербурге. Связав с центром города Петербургскую сторону, оно вполне упрочило будущее этой обширнейшей в прошлом окраины.

Позднее было принято решение о постройке двух других постоянных мостов — Дворцового и Охтинского**. Через несколько лет деревянные мосты остались только на невских рукавах между островами.

Кроме Троицкого моста, набережная левого берега Невы обогатилась еще и другим замечательным украшением: садом при Зимнем дворце, со стороны, обращенной к Адмиралтейству. Обширный сад этот обнесен оградой, сложенной из розового гранита с такими же четырехгранными колоннами и чугунной сквозной решеткой превосходного рисунка. Вся ограда замечательным образом совпадает со стилем дворца и великолепно довершает чудное здание графа Растрелли. И по ценности материалов, и по художественному исполнению, пристройка эта должна быть отнесена к самым роскошным достопримечательностям нашей столицы.***

В непродолжительном времени Петербург должен украситься еще одним величественным памятником — конной статуей императора Александра III, сооружаемой на Знаменской площади, по моде-

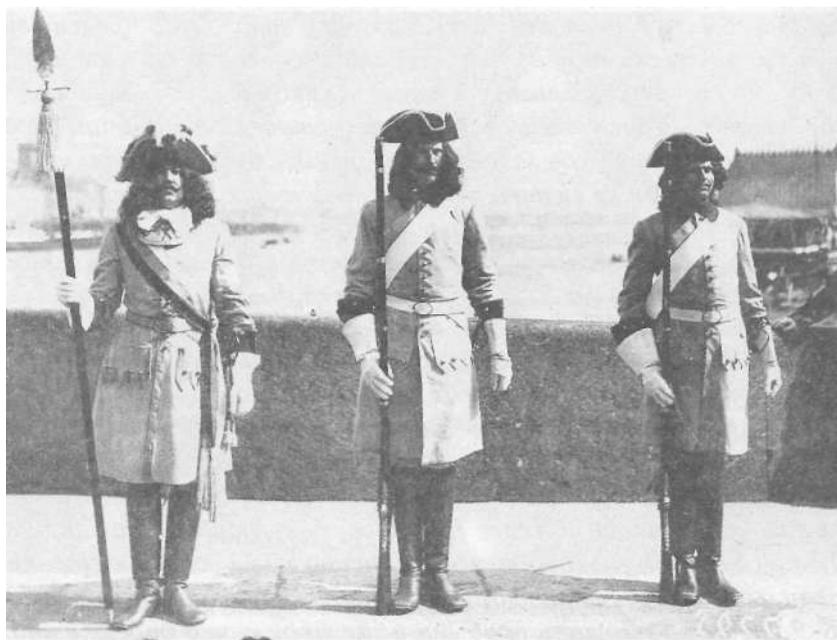
* В 1965 г. был построен мост Александра Невского, соединивший Невский пр. с Заневским. Длина его составляет 629 м.

** Постоянный (каменный) Дворцовый мост был сооружен в 1912-1916 гг., затем в 1977 г. реконструирован. Большеохтинский мост, особенностью которого является "езда понизу", под громадными арочными фермами с обоих боков, строился в 1908-1911 гг.

*** В 1920-х гг. ограда сада была демонтирована и установлена на Петергофском шоссе в Юсуповском саду.

ли художника князя П. Трубецкого. Император будет изображен верхом на спокойно стоящей лошади, в спокойной позе, исполненной силы и вдумчивого величия.*

Возвышающаяся из года в год красота Петербурга дала себя заметить в особенности при посещениях высоких иностранных гостей, весьма частых в нынешнее царствование. Убранная флагами, бюстами, арками, гирляндами зелени, скульптурными группами, мачтами, коврами, освещенная газовыми звездами и вензелями, столи-

Солдаты в мундирах петровской эпохи в день празднования юбилея города 16 мая 1903 года

ца получает в такие дни чрезвычайно нарядный вид. Наиболее памятными для петербургского населения остались посещения двух президентов дружественной французской республики — Феликса Фора и Эмиля Лубэ. Сочувственные встречи, оказанные им всеми классами петербургских обывателей, явились продолжением торжеств, оживлявших улицы столицы в дни пребывания адмирала Шервэ.

* Открытие статуи на Знаменской пл. состоялось лишь 23 мая 1909 г., через 20 лет после объявления конкурса. В 1930-х гг. памятник был перенесен во двор Русского музея. В наши дни рассматривается предложение вернуть статую на прежнее место.

Широко и торжественно отмечался 200-летний юбилей столыцы. Еще 11 мая в Летнем саду открылась "Неделя Петра Великого" процессией из 500 человек в костюмах петровской эпохи, с герольдами, "голландцами", "турками", карликами, шутами, с Петром Великим, пленным Карлом XII, Нептуном и пр. 14(27) мая в 8 часов утра пушечные выстрелы из С.-Петербургской крепости возвестили населению города о наступлении торжественного дня. На галере, стоявшей против Зимнего дворца, взвился флаг и раздались звуки исторического петровского марша. К пристани домика Петра Великого двинулись пароходы с представителями городского управления и сословий, а также русской и иностранной печати. У пристани перед домиком был раскинут ажурный шатер, украшенный гирляндами цветов. По прибытии пароходов духовенством была поднята святая икона Спасителя, хранившаяся в домике Петра, и перенесена на пароход, который затем двинулся по Неве по направлению к Зимнему. За пароходом потянулась длинная процессия из катеров с представителями высшего военного и морского начальства, С.-Петербургской крепости, паровых и гребных судов яхт-клубов и пр.

На пристани у Дворцового проезда святую икону встретило духовенство и представители дворянства, городов, земства и сословий. Отсюда церковное шествие направилось к Исаакиевскому собору, где митрополитом Антонием была совершена божественная литургия. Затем духовенство общим крестным ходом направилось во главе всех присутствующих к памятнику Петру Великому, около которого заранее был устроен Царский павильон. В глубине площади на эстраде собрались хоры певчих. К 9 часам на площадь прибыли и построились в определенном порядке войска. Когда свои места в павильоне заняли государь император, государыни императрицы, наследник и августейшие особы, митрополит Антоний совершил молебствие перед иконой Спасителя. Знамена полков были принесены к аналою. Вскоре затем с бастионов Петропавловской крепости загремел салют. Во всех церквях полился колокольный звон, а стоявшие на Неве суда начали салютационную пальбу. Митрополит возвратился с духовенством в Исаакиевский собор, а святая икона была отнесена крестным ходом по Адмиралтейской и Дворцовой набережным через только что открытый и освященный Троицкий мост в домик Петра Великого. Во время шествия крестного хода колокольный звон не смолкал.

Между тем, на площади войска прошли мимо павильона церемониальным маршем. Их величества и их высочества вышли из па-

латки и стояли на тротуаре. После парада государь император и августейшие особы отбыли с Петровской площади. Одновременно началось шествие представителей городского управления в Петропавловский собор. Шествие сопровождало множество народа. В соборе у гробницы императора Петра Великого была совершена лития*.

Красивую картину в день празднования юбилея представлял Невский проспект. По обе его стороны были установлены высокие

Храм Воскресения Христова. Император Николай II и члены Августейшей фамилии в сопровождении свиты принимают парад почетного караула

мачты, увенчанные государственными гербами, украшенные у подножья флагами и гербом Санкт-Петербурга. В некоторых местах с крыши противоположных зданий спускались цепи маленьких флагов. Фасады зданий и балконы были убраны цветной материей и коврами, здания Городской думы и Гостиного двора — украшены большими панно с изображениями Петра Великого.

Вечером того же дня состоялось юбилейное заседание Санкт-Петербургской городской думы. В ознаменование празднуемого события Дума постановила, между прочим, ассигновать 6 млн. рублей на постройку училищных домов, рассчитанных на 25тысяч

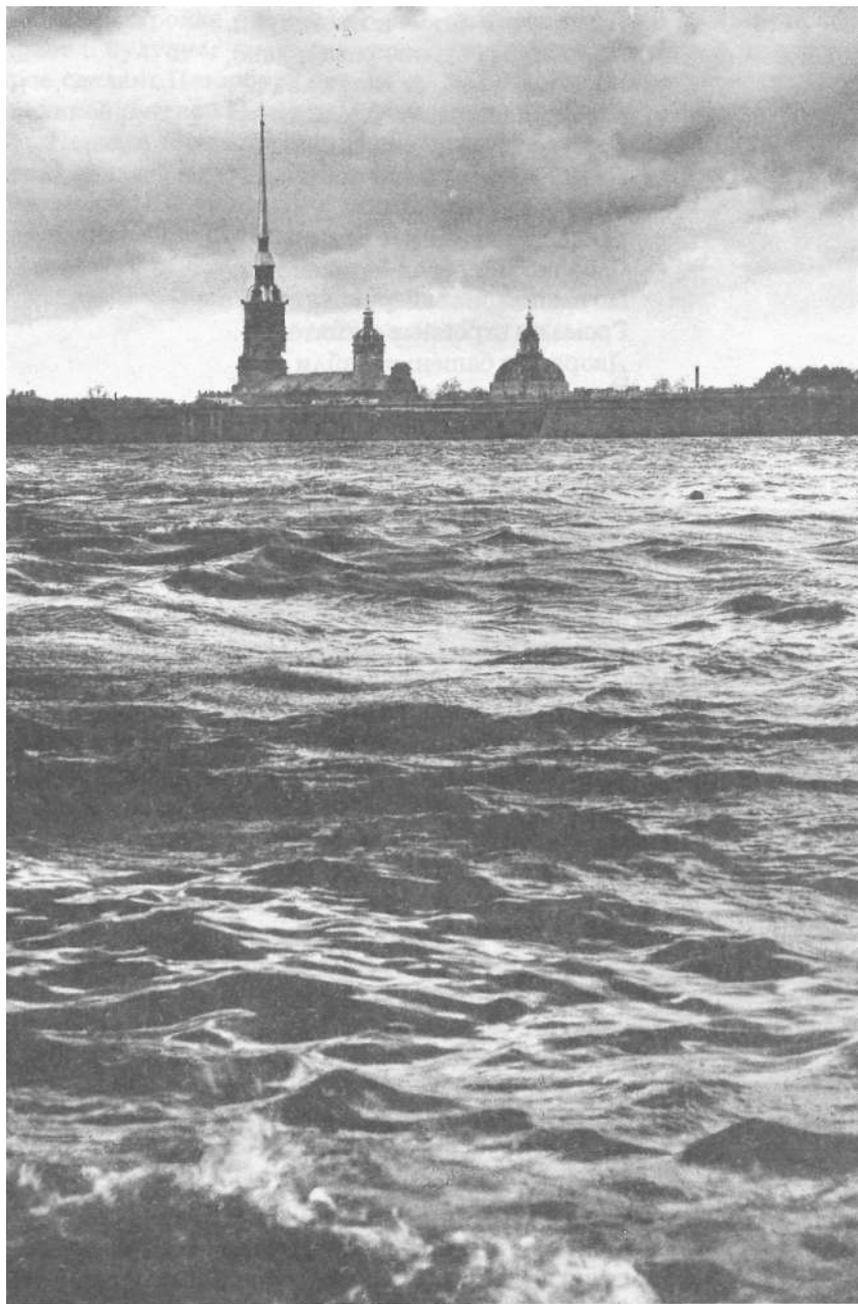
*Лития — заупокойная служба, панихида.

учащихся. Один из таких училищных домов был заложен уже на следующий день на Гагаринском буяне, а окончательно отстроен по проекту Дмитриева к 1911 году* Здание было предназначено для помещения 20 начальных училищ, читальни, библиотеки, разнообразных курсов и т. д. Также было принято решение с 1903/04 учебного года прекратить взимать плату за обучение с учащихся как в начальных, так и в 4-х классных училищах; построить одну или несколько больниц общей вместимостью не менее 1000 коек. Одна из них, Клинический повивальный институт по проекту архитектора Бенуа, была открыта в 1904 году на Васильевском острове позади здания Биржи, другая — Ортопедический институт в Александровском парке — в 1906. Был также объявлен и конкурс на лучшее сочинение по истории Санкт-Петербурга, причем на выплату премий Дума ассигновала 8 тысяч рублей.

18 мая в Летнем саду состоялось закрытие "Недели Петра Великого", а через десять дней праздник "пришел" на Сестрорецкий курорт, где состоялось торжественное историческое шествие в петровских костюмах. В нем приняло участие 1000 человек взрослых и 700 детей. Концерт оркестра графа Шереметева, костюмированный бал с "живыми картинами", с бенгальскими и "потешными" огнями, фейерверком надолго остались в памяти отдыхающих на курорте петербуржцев...

Мы проследили двухсотлетнюю историю Петербурга, в связи с событиями общей государственной важности, в центре которых он стоял. Мы видели, как этот город, заложенный первоначально как необходимое прикрытие нашему выходу в море и опора против шведского вторжения, становится вскоре любимым созданием великого Петра, решившего основать здесь новую столицу, и нашедшего в только что зачинавшемся городке свой "парадиз". Мы видели потом, как колебалась судьба Петербурга при ближайших преемниках Петра, как новая столица едва не утратила своего значения, и какими медленными шагами подвигалось ее развитие в первые сорок лет существования. Но гениальные соображения царя-преобразователя одержали верх над всеми препятствиями, и, после непродолжительной задержки Петербург стал развиваться с такой же стремительной быстротой, как и вся Россия. Почти на половине пути, прожитого нашей столицей, Пушкин мог уже сказать:

* Сегодня это здание занимает Нахимовское морское училище.

Нева. Петропавловская крепость

Прошло сто лет — и юный град,
Полнощных стран краса и диво,
Из тьмы лесов, из топи блат
Вознесся пышно, горделиво.
Где прежде финский рыболов,
Печальный пасынок природы,
Один у низких берегов
Бросал в неведомые воды
Свой ветхий невод — ныне там,
По оживленным берегам,
Громады стройные теснятся
Дворцов и башен; корабли
Толпой со всех концов земли
К богатым пристаням стремятся;
В гранит оделася Нева;
Мосты повисли над водами;
Темнозелеными садами
Ее покрылись острова...

А ныне, когда протекло 70 лет после того, как были написаны эти вдохновенные строки, поэт не узнал бы "Петра творенье": столько перемен, столько улучшений с тех пор! Петербург за эти последние 70 лет разросся, разбогател, благоустроился, население его учетверилось, бюджет расширился до 28 миллионов. "Мосты повисли над водами" уже не деревянные, а чугунно-каменные; главные улицы осветились электричеством, и в этом отношении с минувшей зимы, когда проложены новые кабели и поставлены новые фонари, Петербург не уступает ни одной из европейских столиц.

В особенности утешительными являются успехи народного образования: здесь с каждым годом городское управление широкими шагами идет к поставленной им цели — дать петербургскому населению средства всеобщего обучения. Мы уже видели, что в 1894-5 учебном году в Петербурге было 320 начальных училищ; в следующие годы число их быстро возрастало: в 1895-96 — 330, в 1896-97 — 342, в 1897-98 — 376, в 1898-99 — 396, в 1899-1900 — 423, в 1900-1901 — 446, в 1902 — 514. Число учащихся возросло к настоящему времени до 26 000. Число 4-классных училищ — 5, из них 3 мужские и 2 — для девочек.

Среди забот об оздоровлении города и развитии средств медицинской помощи, городское управление не забыло также и нуждающихся из беднейшего населения: для них устроены ночлежные дома, основан городской ломбард, открыто бюро для приискания прилуги.

Наконец, на очереди стоят вопросы особенной важности: о канализации города, об устройстве электрических способов передвиже-

ния, о постройке Дворцового и Охтинского мостов и др. Все это обещает в будущем такое развитие городского благоустройства, которое сделает Петербург вполне достойным его значения — столицы великой русской империи и резиденции ее Царей.

Ныне, в торжественные дни двухсотлетнего юбилея Петербурга, оглядываясь на его прошлое и с доверием относясь к его будущему, мы можем сказать вместе с поэтом, посвятившим ему так много своих вдохновенных стихов:

Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо, как Россия!

Эпилог

С тех пор, как была написана эта книга, прошло девяносто лет. Сегодня мы говорим — это было время неслыханных испытаний для русского народа, православной веры, и для самого Петербурга тоже. Это время было предчувствовано и выстрадано пророческой литературой, рожденной на берегах Невы, и мрачные предсказания о кончине города, о пути в никуда задолго до роковых событий черной тенью легли на город. И словно оберегая образ города святого Петра от причастности к грядущим темным событиям, история как-то незаметно и без видимых оснований заменила святое небесное имя города на земное имя его основателя. Санкт-Петербург стал называться Петроградом и носил это имя с 1914 по 1924 год. В это роковое для России десятилетие вошли — проигранная война с Германией, 25 октября 1917 года, повергнувшее страну в эпоху забвения своих традиций, истории и культуры, и трагическая для любого народа Гражданская война 1918-1920 годов. В довершение всего в марте 1918 года город утрачивает статус столицы и окончательно теряет свое лицо. К концу десятилетия на берегах Невы стоит опустевший, заброшенный, одичавший Петроград, как бы полностью исчерпавший свою короткую страшную жизнь в новой ипостаси. В 1924 году город обретает новое имя и уже как Ленинград вступает в эпоху пролетарского атеистического общества с его новой идеологией и моралью. Но именно Ленинград олицетворяет великий искупительный подвиг всего советского народа в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 годов перед судом истории.

29 месяцев, 900 дней в кольце врага, потеряв почти все коренное население от голода и холода, город выстоял, не сдался и потряс мир своим исполинским духом, мужеством и возрожденной в страданиях русской верой. Митрополит гор Ликийских, предсказавший победу России и спасение Ленинграда, посетил город в 1947 году. 10 ноября он отслужил литургию в Ленинградском Николо-Богоявленном храме, а на другой день после службы во Владимирском соборе выступил с проповедью перед тысячной толпой горожан. Он поведал ленинградцам о явлении ему по молитве за Рос-

сию и Ленинград Богоматери и ее пророческом откровении об избранности и несокрушимости святого города.

6 сентября 1991 года Санкт-Петербургу было официально возвращено его исконное, настоящее имя. Событие это наполняет сердца радостью и вселяет надежду на близкое спасение. И хочется верить, что город святого Петра еще не до конца выполнил свое высшее благое предназначение и что именно ему суждено сыграть главную роль в воскресении России, вступающей на путь исторического эволюционного развития.

От редакции

Зодчие и строители Санкт-Петербурга

ПЕТРОВСКОЕ БАРОККО (первая четверть XVIII века)

Трезини, Доменико (ок. 1670-1734). Прибыл на русскую службу в 1703 году из Швейцарии. До 1712 года оставался в Петербурге единственным архитектором. В 1709-1713 годах играл важную роль в Канцелярии строений, созданной для надзора над всеми проектно-строительными работами в городе. Из многочисленных творений его сохранились Петровские ворота Петропавловской крепости (1718), Петропавловский собор (1714-1733), здание Двенадцати коллегий (1722-1732) и Благовещенская церковь Александро-Невской Лавры.

Матарнови, Георг Иоганн (ум. 1719). Прибыл в Петербург из Германии в 1714 году. Вел строительство одновременно нескольких зданий, достраивать которые пришлось уже после его смерти другому архитектору Николаусу Гербелю (ум. 1724), — здание Петровской Кунсткамеры, второй Зимний дворец (1716-1718), каменная Исаакиевская церковь на берегу Невы (1717-1727).

Леблон, Жан-Батист (1679-1719). Выдающийся французский архитектор, автор первого генерального плана строительства Петербурга. Осуществил планировку Летнего сада, а также садов и парков в Петергофе и Стрельне. Кроме того, в Петергофе им были выстроены царские палаты, павильоны Марли, Эрмитаж, отчасти — Монплезир.

ПОЗДНЕЕ БАРОККО (вторая четверть XVIII века)

Земцрв, Михаил Григорьевич (1688-1743). Первый русский зодчий, получивший образование на родине. Ученик Д. Трезини. До нашего времени сохранились возведенные им Симеоновская церковь

на Моховой улице (1729-1743) и Павильон для ботика Петра Великого в Петропавловской Крепости (1732).

Еропкин, Петр Михайлович (1640-е гг. - 1740). Русский зодчий. Один из первых петровских стипендиатов. Играл едва ли не главную роль в Комиссии по урегулированию Санкт-Петербурга. Занимался работами по планировке центральной части города. Разработал трехлучевую композицию Адмиралтейской части (с Не-

Архитектор П.М. Еропкин

вским проспектом). По его инициативе в городе начали мостить набережные, были произведены некоторые важные санитарно-технические работы, проложен ряд новых улиц — в частности, Гороховая и Садовая. Вместе со своим товарищем, кабинет-министром А. Волынским, стал жертвой интриги, и по распоряжению Тайной Канцелярии был казнен.

Растрелли, Бартоломео (1700-1771). Сын известного итальянского скульптора, прибыл в Россию вместе с отцом 1716 году. Дважды, в 1732-1736 и 1754-1762 годах, перестраивал Зимний дворец. К числу выдающихся творений Растрелли в Петербурге принадлежат

дворцы Аничков (1744-1750), Воронцовский, Строгановский, Большой Петергофский, Царскосельский (Екатерининский), ансамбль Смольного монастыря. В Царском Селе им также было создано множество менее значительных построек.

РАННИЙ КЛАССИЦИЗМ **(третья четверть XVIII века)**

Деламот, Жан-Батист Вален (1729-1800). Прибыл в Петербург в 1759 году по приглашению графа Шувалова. Принимал деятельное участие в работе над проектом нового здания Академии художеств. В 1764-1767 годах рядом с Зимним дворцом им было выстроено здание Эрмитажа. К тому же времени относятся проект церкви святой Екатерины (1763-1783), труды по завершению строительства Гостиного Двора на Невском проспекте, начатого еще архитектором Растрелли (1759-1765), возведение ансамбля Новой Голландии (1765).

Ринальди, Антонио (1709-1790-е годы). Итальянский архитектор прибыл в Россию по приглашению графа К. Разумовского. В 1754 году назначен архитектором при дворе великого князя Петра Федоровича и его супруги. Автор целого ряда построек в Ораниенбауме (Китайский дворец, Катальная горка и пр.) и Гатчине (дворец Г. Орлова, впоследствии — резиденция государя-наследника Павла Петровича). В Петербурге ему принадлежит честь возведения Мраморного дворца (1768-1772). Последние годы жизни был занят церковным строительством, главным образом — так называемого, третьего Исаакиевского собора.

Фельтен, Юрий Михайлович (1730-1801). Учился архитектуре сначала в Германии, затем в Петербургской Академии наук. Фельтену принадлежит выдающийся проект и руководство в устройстве гранитной набережной на левом берегу Невы, а также изящная ограда Летнего сада (1762-1784). Одновременно Фельтеном было возведено здание второго Эрмитажа. До наших дней сохранились его церкви святой Анны на Фурштадской улице, святой Екатерины на Васильевском острове и Чесменская, а также ряд особняков в центре города.

Старов, Иван Егорович (1743-1808). Ученик Валена Деламота, в 1775 году составил наиболее удачный проект нового (Троицкого) собора в Александро-Невской Лавре, и на протяжении ряда лет руководил его возведением. Наиболее знаменитым созданием Старова принято считать выстроенный им для графа Потемкина Таврический дворец (1783-1788).

КЛАССИЦИЗМ (последняя четверть XVIII века)

Камерон, Чарльз (1740-1812?). Английский архитектор. Прославился постройками в Царском Селе, где в 1780-1786 годах им были созданы Агатовые комнаты, частично — Китайская деревня, знаменитая Камеронова галерея. В Павловске Камероном выстроен дворец государя-наследника, ряд изящных павильонов ("Храм Дружбы", "Храм Аполлона" и др.).

Архитектор К.И. Росси

Кваренги, Джакомо (1744-1817). Итальянский архитектор. Руководил одновременно строительством Эрмитажного театра у Зимней канавки (1782-1785), нового здания Академии наук (1783-1787), Ассигнационного Банка (1783-1788), Александровского дворца и нескольких павильонов в Царском Селе и пр. Им созданы Конногвардейский манеж, здания Екатерининского и Смольного институтов.

Бренна, Винченцо (сер. XVIII века - 1814). По прибытии на русскую службу был назначен декоратором при дворе государя-на-

следника Павла Петровича, для которого распisał множество комнат в Павловском дворце, впоследствии им же перестроенном. Во дворцах Гатчинском и Каменноостровском им созданы интерьеры некоторых залов. Главной работой архитектора считается Михайловский замок (1797-1801), при возведении которого Бренна, очевидно, частично опирался на проект В. Баженова.

ПОЗДНИЙ КЛАССИЦИЗМ И ЭКЛЕКТИКА (первая половина XIX века)

Воронихин, Андрей Никифоровым (1760-1814). Русский зодчий. В Петербург прибыл по приглашению президента Академии художеств графа Строганова, для которого в 1790 году перестроил дворец на Невском проспекте. Самым знаменитым творением его является собор Казанской Иконы Божией Матери на Невском проспекте (1801-1811). Им построены также здание Горного института на Васильевском острове, ряд сооружений в Павловске, Гатчине и Стрельне, и колоннады в Петергофском парке.

Томон, Тома де (1754-1813). Французский придворный архитектор, после Революции 1789 года перебрался в Россию. В 1805-1816 годах по его проекту на Стрелке Васильевского острова был создан замечательный ансамбль, определяющий лицо нашего города. Среди прочих построек Томона в Петербурге можно отметить дом графини Лаваль на Английской набережной (1800-1805).

Захаров, Андреян Дмитриевич (1761-1811). Русский зодчий, закончил Петербургскую Академию художеств. Дипломный проект его был удостоен Большой золотой медали, а сам архитектор за казенный счет был послан в Париж для усовершенствования в профессии. По возвращении в столицу много лет преподавал в Академии. В 1805 году, будучи главным адмиралтейств-архитектором, возглавил строительство нового здания Адмиралтейства. В Кронштадте в 1806-1811 годах им был возведен каменный Андреевский собор.

Стасов, Василий Петрович (1769-1848). Русский зодчий. Ученик В. Баженова. Первая самостоятельная работа — здание Царскосельского лицея. В Петербурге по проектам и под наблюдением Стасова были перестроены казармы Павловского полка (1817-1818) и Конюшенный двор с надвратной Спасо-Преображенской церковью (1817-1823), а также возведены два храма — Преображенский (1826-1828) и Троицкий (1827-1835). Лучшим творением принято считать триумфальную арку у бывшей Московской заставы (Московские ворота, 1833-1838) в память о походах русских войск в Персии и Турции.

Росси, Карл Иванович (1775-1849). Ученик В. Бренна. В 1816 году был приглашен в "Комитет по делам строений и гидравлических работ", заведовавший всеми строительными работами в столице. Известен как создатель архитектурных ансамблей в центре города и на Дворцовой площади. В 1819-1829 годах Росси, сохранив удачную идею полуциркулярного расположения строений напротив Зимнего дворца, принадлежавшую Ю. Фельтену, возвел на площади два монументальных здания, соединенных между собой триумфальной аркой (Арка Главного Штаба). В Петербурге им были построены также Михайловский дворец (1819-1825), здания Александринского театра (1827-1832), Сената и Синода (1829-1834) и др.

Монферран, Огюст (1756-1858). Прибыл в Петербург в 1816 году. Разработал целый альбом из 24 проектов перестройки Исаакиевского собора. В 1817-1857 годах Монферран становится главным архитектором Исаакиевского собора. В Петербурге ему принадлежат и некоторые другие постройки, среди которых нельзя не назвать знаменитую Александровскую колонну перед Зимним дворцом (1829-1834).

Штакеншнейдер, Андрей Иванович (1802-1865). По окончании Академии художеств несколько лет работал в "Комиссии о построении Исаакиевского собора" при О. Монферране. Из его многочисленных творений в Петербурге и пригородах следует упомянуть дворцы Мариинский (1839-1844), Николаевский (1853-1861), Ново-Михайловский (1857-1861), дворец князей Белосельских-Белозерских на Невском проспекте (1846-1848), а также собственный дом архитектора на Миллионной улице (1851 -1854).

Указатель новых названий

Александровский мост (мост Императора Александра II) — Литейный мост

Александровский плац был расположен перед зданием Адмиралтейства — там, где впоследствии был заложен Александровский сад.

Воскресенская улица — Шпалерная улица

Дворянская улица — ул. Куйбышева

Екатерининский канал — канал Грибоедова

Емельяновка — деревня, прежде располагавшаяся в нынешнем районе Автово.

Енисаари — финское название Заячьего острова.

Ингрия (Ижорская земля) — северная область Новгородских земель, населенная с XI-XII вв. ижорой (инграми) — одним из прибалтийско-финских племен.

Кадетская линия — Съездовская линия

Каретная улица — 1-я Советская улица

Кирочная улица — ул. Салтыкова-Щедрина

Коломна — прежнее название части города, ограниченной Мойкой, Крюковым каналом и Фонтанкой.

Коломяги — бывшая финская деревня, ныне — местность к северо-западу от Удельного парка.

Косой переулок — пер. Оружейника Федорова

Кроншлот — Кронштадт

Лесное — местность в районе нынешнего Лесного проспекта.

Мариинская площадь — Театральная площадь

Мещанская Большая улица — Казанская улица

Мещанская Малая улица — Казначейская улица

Мещанская Средняя улица — Гражданская улица

Николаевский мост — мост Лейтенанта Шмидта

Николаевская площадь — Исаакиевская площадь

Николаевская улица — ул. Марата

Пески — местность в районе нынешнего Суворовского проспекта.

Петербургская сторона — Петроградская сторона

Полицейский мост — Народный мост

Прачечный переулок — Тульская улица

Семеновский плац — Пионерская площадь

Сергиевская улица — Потемкинская улица

Смоленское поле находилось на берегу р. Смоленки на Васильевском острове; в 1750-х годах здесь было основано Смоленское православное кладбище.

Тентелево (Тентелевка) — деревня с таким названием прежде была расположена на Петергофском шоссе.

Царицын луг — Марсово поле

Чернышев мост — мост Ломоносова

Чернышев сквер (Чернышева площадь) — площадь Ломоносова

Щукиным двором прежде называлась часть территории нынешнего Апраксина двора.